

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история военного права

<i>В.М. Корякин.</i> Военное право в XXI веке: фундаментальное исследование современных проблем военного права.....	2
<i>А.В. Кудашкин, Н.Н. Мельник.</i> Доктрина права военных операций: понятие, значение и место в структуре российского военного права.....	10
<i>В.К. Артеменков.</i> К вопросу об отнесении нормативного правового акта Генерального прокурора Российской Федерации к источнику военного права.....	19

Военно-административное право

<i>Е.А. Глухов.</i> Приказ как средство управляющего воздействия для военнослужащего и для гражданского сотрудника.....	25
<i>Д.Ю. Мананников.</i> О новых правовых основаниях возмещения бывшими военнослужащими расходов федерального бюджета, затраченных на их военную (специальную) подготовку.....	35
<i>В.В. Калашников, П.Ю. Наумов, Р.В. Залепукин.</i> О соотношении норм о материальной ответственности военнослужащих и исполнения ими обязанностей военной службы.....	40
<i>Р.Р. Фаисханов.</i> Перспективы реализации сотрудниками Росгвардии оснований освобождения граждан от административной ответственности в случае добровольной сдачи ими гражданского оружия.....	46

Военные аспекты гражданского и жилищного права

<i>Е.А. Свиных.</i> О наложении ареста и обращении взыскания на денежные средства, находящиеся на банковских счетах участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих.....	50
---	----

Военно-социальное право

<i>В.М. Корякин.</i> Денежное довольствие военнослужащих и военные пенсии: критерии определения оптимальных размеров.....	55
<i>С.С. Харитонов, А.В. Малаханов.</i> О судебной практике разрешения военными судами дел, связанных с обеспечением военнослужащих денежным довольствием.....	61
<i>Р.А. Жабровский.</i> О реализации права военнослужащих на профессиональную переподготовку по гражданской специальности.....	76
<i>Д.Е. Зайков.</i> Предоставление военнослужащим творческих отпусков: проблемы правового регулирования.....	82

Точка зрения

<i>О.А. Овчаров.</i> Военное духовенство в контексте Конституции России и новой Стратегии национальной безопасности России. Часть 1.....	87
--	----

Сведения об авторах, аннотации и библиографические списки.....

Колонка редакции

О выходе монографии «Военное право».....	93
--	----

Научно-практический журнал
«Право в Вооруженных Силах –
Военно-правовое обозрение» /
«Военно-правовое обозрение.
Теория и практика»

№ 10 (291) октябрь 2021 г.

Издается с июля 1997 г.

Главный редактор
Кудашкин А.В.

Заместитель
главного редактора
Белов В.К.

Выпускающий редактор
Тюрина О.А.

Администратор
Грекова Е.А.

Компьютерная верстка
Зулькарнаев А.Б.

Издание зарегистрировано
Министерством РФ по делам
печати, телерадиовещания и
средств массовых коммуникаций.

Регистрационные номера
ПИ № ФС77-66682
от 27.07.2016 /
ПИ № ФС77-75989
от 19.06.2019

Учредитель и издатель:
Коллектив редакции;
ООО «Центр правовых
коммуникаций»

Адрес редакции и издателя:
105082, г. Москва,
пл. Спартаковская, д. 14, стр. 3,
эт. 2, ком. 9, офис 27

Адрес в Интернете –
<http://www.opklex.com>
E-mail: pvsypo@mail.ru

Администратор сайта
Белов В.К.

ISSN 2219-5947

Подписной индекс 72527

Выходит ежемесячно

Распространяется только
по подписке, цена свободная

© Редакция журнала
«Право в Вооруженных Силах –
Военно-правовое обозрение»

© ООО «Центр правовых
коммуникаций»

Материалы, использованные
в журнале, могут быть
использованы в других изданиях
только с разрешения редакции.
Редакция консультаций
по телефону не дает, переписку
с читателями не ведет.

Редакция не ограничивает
авторов в возможности
высказывания на страницах
журнала своего мнения, которое
может не совпадать
с точкой зрения редакции.

Подписано в печать 20.09.2021

Отпечатано в ООО «Красногорская типография»

143405, Московская область, г. Красногорск, Коммунальный квартал, дом 2.

ВОЕННОЕ ПРАВО В XXI ВЕКЕ: ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ ВОЕННОГО ПРАВА

В.М. Корякин,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
гражданского права Российского университета транспорта,
профессор Военного университета

Статья представляет собой рецензию на первый том монографии «Военное право» под названием «История и теория военного права», подготовленной коллективом авторов под общей редакцией члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора А.Н. Савенкова и доктора юридических наук, профессора А.В. Кудашкина.

Современная геополитическая ситуация характеризуется стремлением ведущих западных стран во главе с США к установлению нового мирового порядка. Западные лидеры по-прежнему рассматривают военную силу в качестве одного из главных инструментов мировой политики. Цивилизация вступила в социальный и гуманитарный кризис планетарного масштаба, а большинство государств уже не смогут, опираясь на известный государственно-правовой инструментарий, прогнозировать ни развитие общественно-экономической формации, ни цели социальных и политических преобразований¹.

Все это требует совершенствования, качественного укрепления и устойчивого развития военной организации Российского государства, реализации комплекса мер в области военного строительства, в том числе правового характера. Актуальность правовых исследований в военной сфере обусловлена потребностями в совершенствовании правовых основ военной деятельности государства, военных отноше-

ний, которые, будучи урегулированными правом, приобретают качество правоотношений, объединяемых понятием «военное право».

Современное состояние военного права характеризуется следующим:

– теория военного права остается недостаточно разработанной, фундаментальные исследования в данной сфере пока что редкость²;

– развитие военного законодательства, а также складывающаяся на его основе правоприменительная практика значительно опережают теоретические военно-правовые исследования. Теория российского военного права явно отстает от реальных запросов государственно-правового и военного строительства и не в полной мере соответствует требованиям сложившейся в настоящее время геополитической ситуации и запросам правового обеспечения деятельности военной организации. Таким образом, текущая ситуация выдвигает

¹ Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 155.

² Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 7 – 34; Корякин В.М. Введение в теорию военного права: моногр. // Рос. военно-правовой сб. 2007. № 9. С. 11 – 118; Егоров А.В. К вопросу о комплексных отраслях отечественной правовой системы (на примере военного права) // Рос. журн. правовых исслед. 2015. № 1. С. 40 – 49.

ет требование о корректировке парадигмы военного права³.

На решение данных задач направлено монографическое, фундаментальное научное исследование, осуществляемое авторским коллективом под руководством профессора А.В. Кудашкина и под эгидой Института государства и права Российской академии наук. В данном исследовании на основе системного, комплексного анализа изложены современные взгляды на военное право как отрасль российской правовой системы.

Монография состоит из трех томов:

- том I. История и теория военного права;
- том II. Современное состояние военного права (институты военного права);
- том III. Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований.

К настоящему времени вышел первый том данной трилогии⁴.

Первый том монографии («История и теория военного права») посвящен истории возникновения отечественного военного права, его генезису и современному состоянию: дана развернутая характеристика предмета и метода правового регулирования, принципов и функций военного права, его структуры и источников. Структурно первый том состоит из 8 глав.

Первая глава «Генезис военного права» подготовлена коллективом авторов в составе докторов юридических наук профессоров В.М. Корякина, А.В. Кудашкина, А.А. Толкаченко, кандидата юридических наук, доцента С.В. Тарадонова.

³ Кудашкин А.В. Есть ли место новой парадигме военного права? // Право в Вооруженных Силах. 2020. № 12. С. 87.

⁴ Военное право: моногр.: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. I: История и теория военного права (с предисловием). М., 2021.

Глава представляет собой исторический очерк возникновения, становления и развития военного права как отрасли права и как науки в разные исторические периоды: Допетровский период (X в. – 1700 г.); Петровский период (1700 – 1725 гг.); Послепетровский период (1726 – 1812 гг.); Дооктябрьский период (1812 – 1917 гг.); Советский период (1917 – 1991 гг.); Постсоветский (современный) период (1992 – по настоящее время).

Из исследования генезиса российского военного права авторы обоснованно делают следующие выводы:

- исторический опыт убедительно свидетельствует об огромной роли военно-правового обеспечения деятельности войск в успешном выполнении задач защиты Отечества. Крепкая, боеспособная, высокоорганизованная и дисциплинированная армия невозможна без систематизированного и кодифицированного военного законодательства;
- анализ военных историко-правовых явлений способствует поискам дополнительных путей практического решения актуальных проблем повышения обороноспособности нашего государства, правильному пониманию современных задач укрепления законности и правопорядка в войсках, совершенствованию деятельности органов военной юстиции, дальнейшей научной разработке вопросов военного права;
- недопустим застой в развитии теории и практики военного права и военного законодательства;
- деятельность государственных органов по нормативно-правовому обеспечению военного строительства не может и не должна подменяться командно-административным ресурсом военных органов

управления. Рецидивы прошлого, выражающиеся в недопонимании государственными органами роли военного права и военного законодательства, всегда негативно отражались на боеготовности и боеспособности войск;

– научно-теоретические положения и накопленный исторический опыт деятельности государственных и военных органов по развитию военного права могут и должны быть творчески использованы в ходе решения проблем нормативно-правового обеспечения современной Российской армии.

Вторая глава, авторами которой являются доктор юридических наук, профессор К.В. Фатеев и доктор юридических наук, доцент Е.А. Свининых, посвящена рассмотрению вопросов военной безопасности Российской Федерации, обеспечение которой позиционируется указанными авторами как главная цель и предназначение военного права. В главе раскрывается понятие военной безопасности, названы виды военной безопасности и дается их правовая характеристика, а также анализируются полномочия органов государственной власти по обеспечению военной безопасности государства.

Военная безопасность исследуется как политико-правовой институт. Отмечено, что конечная цель регулирования всем комплексом военно-правовых норм общественных отношений, складывающихся в области военной деятельности государства (военных отношений), состоит в таком воздействии на поведение субъектов, при котором была бы обеспечена военная безопасность государства. Поэтому обеспечение военной безопасности государства следует рассматривать в качестве правовой цели, а правовые нормы,

образующие военное право как отрасль права, – в качестве юридических инструментов обеспечения данного вида национальной безопасности. Военно-правовые нормы представляют собой юридические инструменты (правовые средства) обеспечения военной безопасности государства. В свою очередь, обеспечение такого компонента национальной безопасности, как военная безопасность государства, – это желаемый результат регулирования посредством норм военного права военной деятельности государства, конечная правовая цель такого регулирования.

Третья глава рецензируемого издания (автор – доктор юридических наук, профессор А.В. Кудашкин) именуется «Военная деятельность Российской Федерации – объект военного права». В ней идет речь о защите Отечества как важнейшей функции государства, раскрыты правовые основы (средства, обеспечение) военного строительства, дана развернутая научная характеристика понятия обороны и правовых средств ее организации в Российской Федерации.

В данной главе особо отмечено, что главная потребность государства заключается в сохранении его самого как такового. Государство выступает в качестве объекта, обладающего исключительной ценностью, которая заключается в его территориальной целостности, независимости, охране и защите прав человека и т. д. Показано, что функция Российского государства по защите Отечества реализуется посредством реализации комплекса мер, в том числе комплекса мер по военному строительству. Военное строительство как область государственной деятельности ведется на основе общих и единых принципов государственности. В области военного стро-

ительства осуществляются общегосударственные виды деятельности (например, правоохранительная, контрольная, правосудие и др.), общесоциальные процессы и происходят явления, присущие данному обществу, государству в целом.

Военная деятельность государства предусматривает систему политических, экономических, военных, социальных, правовых и иных мер по подготовке к вооруженной защите и вооруженную защиту Российской Федерации, целостности и неприкосновенности ее территории, объединенных единым понятием «оборона». В третьей главе исследованы Конституция Российской Федерации, Федеральный закон «Об обороне» и другие законодательные акты, наделяющие полномочиями в области обороны Президента Российской Федерации, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственную Думу), Правительство Российской Федерации.

Если военная деятельность – это объект военного права, то его субъектом является военная организация государства. Этому вопросу посвящена *четвертая глава* первого тома монографии, которую подготовил кандидат юридических наук М.В. Конохов. В главе анализируется понятие военной организации Российской Федерации как коллективного субъекта права, раскрыты правовые основы применения военной организации государства, руководства и управления ею, представлен взгляд на правовое положение военной организации государства в особых условиях.

Содержание термина «военная организация государства» раскрыто в Военной доктрине Российской Федерации. Военная организация Российского государства включает в себя совокупность органов государственного и военного управления,

Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, создаваемых на военное время специальных формирований, составляющих ее основу и осуществляющих свою деятельность военными методами, и оборонно-промышленный комплекс страны, совместная деятельность которых направлена на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту Российской Федерации.

Отмечена проблема определения военных методов решения задач военной безопасности, которая, по мнению автора главы, заключается в том, что если при ведении боевых действий (при нахождении в состоянии войны или при вооруженных конфликтах) они являются очевидными, то в условиях мирного времени необходимо четко определить, какие конкретно методы являются военными, т. е. могут быть использованы только входящими в военную организацию государства структурами и не могут использоваться иными государственными органами и организациями, не говоря уже об организациях, не относящихся к государственным. Следует отметить, что в монографии предложены пути решения данной проблемы.

Гуманистическая сущность содержания военного права – предмет научного анализа *пятой главы* «Социальная ценность военного права» (автор – доктор юридических наук, профессор В.М. Корякин). Здесь проанализировано соотношение военного права и военной политики, показана роль военного права в формировании правосознания военнослужащих, сформулированы некоторые критерии оценки эффективности военного права, а также рассмотрен вопрос о человеческом измерении военного права.

В главе отмечена серьезная теоретическая проблема современной военно-правовой науки – соотношение военного права и военной политики (право определяет политику государства или же, наоборот, политика определяет право? Может ли политическая целесообразность оправдывать действия, идущие вразрез с действующим в стране правом?).

Автор подробно исследует данную проблему. Отмечается, что осуществление правового регулирования является одной из наиболее эффективных форм воздействия государства на общественные отношения. В связи с этим любую отрасль права, включая военное право, следует рассматривать как явление политическое. Политика – неперемнное условие формирования любых с отраслевой точки зрения правовых норм. Равным образом право – наиболее эффективный проводник выраженной в нем политики. Военная политика, воплотившись в военное право, уже не только самостоятельно, но и с помощью правовых средств оказывает обратное воздействие на общественные отношения в сфере обороны страны и военной безопасности. Это происходит потому, что военная политика, опосредованная правовыми нормами, наделяется такими характерными для юридически организованных процессов и механизмов свойствами, как определенность, общеобязательность, нормативность, обеспеченность государственно-правовыми средствами. Во всех разновидностях политики присутствует юридическая часть, аполитичных отраслей права с точки зрения формирования правовых норм и реализации существующей политики не существует.

Гуманистический аспект военного права выражается в его целях, задачах и

содержании, в используемых средствах правового регулирования общественных отношений в сфере обороны страны и военной безопасности государства. Гуманистический аспект военного права означает его ориентацию на сохранение жизни человека и человечества, а также на развитие гуманистических качеств человека как субъекта общественных отношений, регулируемых военным правом.

Под «человеческим измерением» военного права в рецензируемой монографии понимается оценка того, какое значение имеет военное право для конкретного человека, для обеспечения и защиты его прав, реализации его жизненных интересов и в конечном счете для утверждения принципа гуманизма в воинской деятельности. Важнейшим аспектом проблемы человеческого измерения военного права является его способность нормативно обеспечить социальную защиту военнослужащих и членов их семей, их право на достойную жизнь.

Не менее важный аспект человеческого измерения военного права – ограничение правовыми средствами масштабов вооруженного насилия. Гуманизация вооруженной борьбы может достигаться путем ограничения наиболее разрушительных методов ведения вооруженной борьбы; ограничения ее масштабов в пространстве и во времени; сокращения сроков продолжительности войн; количественного уменьшения в операциях соединений и объединений; неприменения тяжелых видов вооружений и военной техники. Цель гуманизации вооруженной борьбы состоит в том, чтобы реализовать по возможности право человека на жизнь. С данной точки зрения важную гуманистическую функцию выполняют нормы международ-

ного гуманитарного права, которые распространяются на военные действия на суше, на море и в воздухе.

Следующие главы рецензируемой научной работы – *шестая и седьмая* – раскрывают сущность, содержание и систему военного права (автор – профессор А.В. Кудашкин).

Указанный ученый раскрывает общие подходы к идентификации отрасли военного права, дает научное описание предмета и метода военного права как основных идентифицирующих признаков отрасли права. Значительное место уделено анализу системы военного права – сформулированы его принципы и функции, показана структура военного права, проанализированы источники военного права.

Характеризуя предмет военного права, автор обоснованно акцентирует внимание на том, что для начала нужно вспомнить или осмыслить, что речь идет о праве *военном*, и оно происходит от слова «война», тем самым явно обозначен методологический подход к исследованию, отмечается, что сугубо военный аспект, к сожалению, практически остался «за бортом» военно-правовых исследований (имеется ограниченное количество диссертаций по военному положению и вопросам обороны, защищенных более 30 лет назад), что свидетельствует об отсутствии разработанности теории военного права до недавнего времени. Но далее автор логически обоснованно исследуют основной системообразующий признак любой отрасли права.

Автор отмечает, что к поиску ответа на вопрос, что входит в предмет правового регулирования военного права, юристы обращались неоднократно, отмечая при этом, что общим предметом военного пра-

ва являются относительно однородные общественные отношения, складывающиеся в области военной деятельности государства, сгруппированные следующим образом:

1) общественные отношения, складывающиеся в сфере обеспечения обороны страны и безопасности государства военными методами, подготовки и применения в этих целях всех элементов военной организации государства; военного строительства; управления военной организацией государства и ее всестороннего обеспечения;

2) отношения, связанные с исполнением воинской обязанности, поступлением на военную службу по контракту, прохождением военной службы, а также статусом военнослужащих;

3) отношения, связанные с поддержанием воинской дисциплины, законности и правопорядка, деятельностью органов военной юстиции;

4) отношения, регулируемые нормами международного права, связанные с вопросами военного сотрудничества, а также ответственности за нарушение норм международного гуманитарного права.

На основе глубокого исследования А.В. Кудашкин приходит к выводу, что современное понимание военного права по предмету гораздо шире ранее существовавшего и должно охватывать следующие вопросы:

– понятие войны (вооруженного конфликта), порядок и поводы для ее объявления или отражения агрессии;

– правовые основы ведения войны (вооруженных конфликтов);

– формирование и реализация государственной политики в целях обеспечения военной безопасности государства;

– мобилизационная готовность Вооруженных Сил Российской Федерации, других государственных военных организаций, воинских формирований и органов, экономики и граждан к отражению агрессии или иного вооруженного нападения;

– правовое положение (статус) и ответственность участников военной деятельности, правомерность применения ими вооружений и иных средств для достижения целей войны, а также отношение к военнопленным и гражданскому населению на оккупированных территориях как в период боевых действий, так и после их завершения.

В рецензируемой монографии выявлены и сформулированы сущностные признаки метода правового регулирования военного права, отличающие его от других публично-правовых отраслей:

а) целевая направленность на поддержание стабильных общественных отношений в сфере обороны и безопасности государства;

б) императивность и авторитарность, позволяющая осуществлять правовое регулирование военной деятельности государства, обеспечивая реализацию интересов военной безопасности общества в целом и отдельных лиц в частности;

в) наличие жестких властно-подчиненных связей между субъектами военно-правовых отношений;

г) допустимость определенной самостоятельности властвующих субъектов в выборе форм и вариантов исполнения возложенных на них функций в сфере обороны и военной безопасности государства в сочетании с запретом на передачу полномочий в данной сфере из ведения Российской Федерации в ведение субъектов Рос-

сийской Федерации и негосударственных структур.

Подводя итог, автор сформулировал определение специфичного *метода правового регулирования* военного права как совокупность правовых приемов и средств воздействия на отношения, сопровождающие военную деятельность государства, имеющих преимущественно императивный характер, направленных на достижение целей и поставленных задач в условиях боевого воздействия на противника (вооруженных конфликтов, ведения боевых действий), в том числе допускающих возможность причинения ущерба инфраструктуре противника, жизни и здоровью его личного состава, а также регулирующих иные военные отношения по подготовке к вооруженной борьбе (боевому или военному противодействию).

Любая отрасль права имеет свою внутреннюю, присущую ей структуру. В монографии предложено структурировать военное право на общую (предмет, метод, принципы, функции) и особенную части. Особенная часть состоит из следующих подотраслей:

- право вооруженных конфликтов;
- военно-административное право;
- военно-уголовное право;
- военно-социальное право.

Отмечено, что отдельно в особенную часть военного права входит ряд самостоятельных правовых институтов, носящих комплексный характер, таких, например, как институт защиты Отечества; институт воинской обязанности и военной службы; институт правового статуса военнослужащего; международно-правовые институты военного права (военно-техническое сотрудничество, миротворческие операции, военное мореплавание и т. д.) и др.

Подводя итог проведенного исследования, авторы делают обоснованный вывод о том, что военное право – это исторически сложившаяся отрасль российского права, регулирующая отношения в области военной деятельности государства, имеющая специфический обособленный предмет и метод правового регулирования в целях достижения победы в вооруженной борьбе, а в условиях мирного времени – военной безопасности Российской Федерации. В таком качестве она представляет собой систему установленных государством военно-правовых норм, закрепляющих правила подготовки и урегулирования войны (вооруженных конфликтов), правила ведения боевых действий, правовое положение (статус) участников военной деятельности, а также правовые основы военной деятельности государства в целях обеспечения его военной безопасности.

Значительную информационную и познавательную ценность имеет *восьмая глава* монографии (автор – Н.Н. Мельник), в которой изложены основные положения военного права ведущих зарубежных государств (США, Германии, Великобритании, Франции).

Работа над монографией «Военное право» продолжается. Подготовлен к печати и до конца текущего года будет издан *второй том* монографии, в котором будет представлена развернутая характеристика основных институтов военного права, в частности, таких как:

– правовые формы комплектования военной организации, воинская обязанность, военная служба, военнослужащие, их правовой статус (права, обязанности, юридическая ответственность);

– правоприменительная и правоохранительная деятельность в военной организации государства (предупреждение правонарушений военнослужащих; организация и деятельность органов военной юстиции (военных судов, военной прокуратуры, военных следственных органов) и юридической службы);

– правовое положение военных организаций и организаций оборонно-промышленного комплекса; будут рассмотрены организационно-правовые основы их деятельности;

– военные аспекты международного права (международно-правовые формы военного сотрудничества, военно-техническое сотрудничество, международно-правовое регулирование вооруженных конфликтов, правовые основы пребывания войск за границей и миротворческой деятельности, международное морское право, международное воздушное и космическое право).

В *третьем томе* монографии, издание которого планируется в начале 2022 г., будут рассмотрены основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований.

Подводя итог, следует отметить, что поставленная коллективом авторов под руководством профессора А.В. Кудашкина цель по проведению фундаментального научного исследования, в котором на основе системного анализа дана развернутая характеристика современного российского военного права как отрасли права, успешно достигнута. Монография представляет несомненную ценность для науки военного права, в ней заложен прочный фундамент для текущих и последующих исследований военно-правовой проблематики.

ДОКТРИНА ПРАВА ВОЕННЫХ ОПЕРАЦИЙ: ПОНЯТИЕ, ЗНАЧЕНИЕ И МЕСТО В СТРУКТУРЕ РОССИЙСКОГО ВОЕННОГО ПРАВА

А.В. Кудашкин,

доктор юридических наук, профессор;

Н.Н. Мельник,

эксперт в области военного права США и стран Европы, PhD (США),

Почетный адвокат России

Авторы вводят в понятийный аппарат категорию «доктрина права военных операций», раскрывают ее понятие и содержание, значение и место в структуре российского военного права.

Военное право США, Великобритании, Германии, Франции и других стран представляет собой кодифицированные отрасли правовой системы, в которых доктрины военного права имеют важное значение. В США это «подборка согласованных основополагающих принципов, соображений и руководств по конкретной теме, принятых Объединенным комитетом начальников штабов, которые направляют использование объединенных сил для достижения общей цели»¹. В Великобритании в военной доктрине № 0-01 Министерства обороны указано: «Как военный термин армейская доктрина определяет фундаментальные принципы, в соответствии с которыми вооруженные силы или их элементы направляют свои действия в поддержку национальных целей. Но доктрина – это больше, чем просто принципы...»². О значении доктрины выдающийся археолог и дипломат, кавалер высших военных орденов Томас Лоуренс писал: «У армии есть доктри-

на, у флота есть традиции, а военно-воздушные силы – новые. За 2 000 лет примеров нет оправдания тому, чтобы плохо вести войну». Так полковник Королевских ВВС Лоуренс более века тому назад специально отметил отсутствие доктрины у британских ВВС. О военных средствах и форме ведения операций, а по сути о доктрине, А. Белеев в 1984 г. писал, что военно-техническая сторона должна соответствовать политическим целям и включает «создание военной структуры, техническое оснащение вооруженных сил, их обучение, определение форм и средств ведения операций и войны в целом»³.

Понятие, значение и место доктрины в структуре российского права играют важную роль. Теоретик права, профессор В.Д. Перевалов привел алгоритм возникновения и действия правовой доктрины: «Классический вариант возникновения, функционирования и развития правовой доктрины отражает следующая логико-познавательная и знаниево-преобразующая схема: идея – доктрина – учение – теория (доктрина) –

¹ DOD Dictionary of Military and Associated Terms. Joint Electronic Library. URL: <http://www.jcs.mil/Doctrine/DOD-Terminology/> (дата обращения: 31.08.2021).

² Joint Doctrine 0-01. U. K. Defense Doctrine. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/389755/20141208-JDP_0_01_Ed_5_UK_Defence_Doctrine.pdf (дата обращения: 24.08.2021).

³ Белеев А. Военно-теоретическое наследие М.В. Фрунзе // Красная Звезда. 1984. 4 нояб. (цитата из статьи Уильяма Одома в «Foreign Affairs». 1988/89 г.).

практика», отметил роль и значение право-применительного характера доктрины: «по отношению к правовой действительности может выступать в качестве руководящего начала, генеральной комплексной установки», а также отметил *значение доктрины как источника права*: «в разное историческое время и в разных правовых системах правовая доктрина проявляла себя и в качестве первоначального фактора формирования права (как источник права), и в качестве формы права»⁴. Как известно, форма права представляет собой единство всех составных элементов объектов, его свойств, связей, состояний, тенденций развития, в англосаксонской системе права правовая доктрина давно признана источником права⁵.

Международное право состоит из двух частей – «право мира» и «право войны», регулирующих взаимоотношения между государствами и другими субъектами международного права в мирное время и в условиях вооруженных конфликтов. «Право войны» (Law of War) также называется международным гуманитарным правом (МГП) или международным правом вооруженных конфликтов, применяемым согласно двум примерно идентичным концепциям: в настоящее время используется концепция *jus in bello* («право, применяемое во время войны»), а устаревшая концепция *jus ad bellum* («право на ведение войны») означала право государства на применение силы против других государств в качестве законного средства разрешения споров, но после создания Организации Объединенных Наций (ООН) преобразована в *jus contra bellum* – систему

норм, направленных на запрещение применения силы, закрепленных в Уставе ООН⁶.

Предмет, цели и задачи права войны кратко изложены в Директиве Минобороны США 2311.01E, Программа Права войны 3.1 от 9 мая 2006 г., (сертифицирована по состоянию на 22 февраля 2011 г.): «Право войны охватывает все нормы международного права ведения боевых действий, обязательные для США или их отдельных граждан, включая договоры и международные соглашения, участником которых являются США, и применимое международное обычное право»⁷. Из указанной дефиниции следуют основные признаки, источники и их виды, структура понятия «право войны», а также место *доктрины права войны* в военном законодательстве.

«Право войны» состоит из трех частей: международного гуманитарного права (МГП), международного права миротворческой деятельности и международного уголовного права, при этом значение последнего состоит в том, что любое нарушение международных договоров или норм международного обычного права субъектом международного права влечет его ответственность. Ответственность государства наступает за нарушение норм международного права представителем любого органа государства, в том числе и органа вооруженных сил⁸.

МГП направлено на снижение опасных последствий международных вооруженных конфликтов путем использования конкретных средств и методов ведения военных действий, с одной стороны, и установления

⁶ *Thèmes juridiques*. URL: <https://www.doc-du-juriste.com> (дата обращения: 24.08.2021).

⁷ DOD Law of War Programm. URL: <https://www.esd.whs.mil/Portals/54/Documents/DD/issuances/dodd/231101p.pdf?ver=2020-07-02-143157-007> (дата обращения: 24.08.2021).

⁸ Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния. URL: http://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/9_6_2001.pdf (дата обращения: 17.08.2018).

⁴ *Перевалов В.Д.* Правовая доктрина: понятие и соотношение с иными близкими по содержанию категориями // *Рос. право. Образование. Практика. Наука*. 2019. № 5. С. 45 – 47.

⁵ *Кудашкин А.В., Мельник Н.Н.* Военное право США: понятие, предмет и метод правового регулирования, структура // *Право в Вооруженных Силах*. 2021. № 1. С. 62 – 71.

мер защиты определенных категорий лиц и объектов, с другой стороны⁹, в ситуациях вооруженных конфликтов. Эти договоры (Женевские конвенции) обычно называют «правом Женевы» по месту их заключения, а «право Гааги» (Гаагские конвенции) – свод правил о законах и обычаях войны, регулирующих ведение военных действий и являющихся основой комплекса норм МГП.

Государства – члены международных организаций безопасности, например ООН, НАТО, ОДКБ, должны обеспечить соблюдение норм МГП личным составом вооруженных сил, подчиненных таким организациям. Нормы МГП применяются миротворцами в период проведения операций в соответствии с правом посылающего государства в той степени, в которой они выражены в актах национального законодательства. Хотя миротворческие операции не рассматриваются как вооруженные конфликты исходя из цели операции, состоящей в прекращении вооруженных конфликтов¹⁰, но миротворцы могут участвовать в военных операциях по принуждению к миру и применять военную силу и в целях самообороны, для чего применяют доктрины оперативного права миротворческих операций.

Доктрины военных операций называют «оперативным правом». К.В. Фатеев сделал важный вывод о практическом значении «оперативного права» для военного права России и указал, что «оперативное право в России должно стать составной частью отрасли военного права и представлять комплекс однородных правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере правового обеспечения подготовки и применения войск (сил) в

военных операциях, в условиях вооруженного противоборства и ликвидации последствий их действий в вооруженных конфликтах»¹¹.

Актуальность выводов К.В. Фатеева о значении «оперативного права» (доктрины) подтверждается мировой практикой. Так, в США были разработаны «Совместные публикации» (Joint Publication) для всех видов операций с участием Армии, ВВС, ВМФ и Корпуса морской пехоты, а также других подразделений для участия вооруженных сил в региональных конфликтах за пределами территории США. Затем была разработана серия концепций, раскрывающих подходы к совместному применению сил Армии, ВВС, ВМФ и Корпуса морской пехоты, а также сил специальных операций, в них определены задачи, формы и способы ведения боевых действий и роль военных юристов в процессе разработки доктрин, планов операций и юридической поддержки в ходе выполнения операций. Применение «оперативного права» вызвано и использованием боевых соединений за пределами США, часто в отрыве от командования главных сил, когда от командира требуется принятие срочного и правомерного решения на месте проведения военной операции.

А.И. Тюрин отметил необходимость *развития доктрин российского оперативного права* и верно указал на несовершенство терминологии, используемой в сфере, связанной с оперативным управлением войсками, что в большей степени является предметом военной, а не юридической науки. По мнению указанного автора, к толкованию термина «оперативное право» нет единого подхода¹²,

⁹ Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. 2-е изд. / МККК. 2011. URL: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/publication/ericdavid-principles.htm> (дата обращения: 24.08.2021).

¹⁰ URL: <https://international-review.icrc.org/reviews/irrc-no-891892-multinational-operations-and-law> (дата обращения: 24.08.2021).

¹¹ Фатеев К.В. Оперативное право и военные проблемы права безопасности как направления дальнейших исследований комплексной отрасли военного права // Рос. военно-правовой сб. 2007. № 9. С. 200 – 203.

¹² Тюрин А.И. Военное право Российской Федерации нуждается в развитии отдельной подотрасли, регулирующей процесс применения Вооруженных Сил по их предназначению // Рос. военно-правовой сб. 2007. № 9. С. 197 – 200.

хотя в зарубежных доктринах используются одинаковые юридические термины военных операций, военного права и подходы к толкованию термина «оперативное право».

Если признать доктрину оперативного права источником права, то она должна обладать качеством, присущим нормативным правовым актам, т. е. точностью, определенностью и ясностью языка, связанными с системой терминов и общепринятой юридической терминологией. Поскольку доктрины военных операций основаны на нормах МГП, в них используются иностранные термины (их точный перевод), поэтому большое значение имеет введение единых требований к использованию иностранных терминов (их перевода), где это необходимо. Понятийно-категориальный аппарат военного права является основным инструментом военной науки и практики, это язык не только юриспруденции, поэтому в языке доктрин оперативного права недопустим терминологический разлад.

Так, в связи с разработкой новых систем вооружений в оборот вошли новые категории и определения, например «киберкомандование», «автономное высокоточное оружие». Как верно отметила О.П. Сибилева, «автономные системы вооружения представляют собой серьезный вызов системе МГП, что, с учетом маловероятности их полного запрета на международном уровне, предопределяет необходимость разработки общепринятого определения смертоносных автономных систем вооружений»¹³. Поэтому формальная определенность военного права и доктрин «оперативного права» должна повлечь устранение противоречий в понимании юридических текстов, положенных в обоснование этих доктрин.

Необходимость разработки и принятия доктрин военных операций связана с отсутствием указаний о порядке применения норм и принципов «права войны» в правовых актах и принятых в соответствии с ними решениях по участию вооруженных формирований Российской Федерации в операциях за пределами государства, т. е. отсутствием подотрасли военного права и ее институтов по видам операций.

Обязательным условием реализации Президентом Российской Федерации своих властных полномочий в сфере участия вооруженных формирований Российской Федерации в операциях за пределами государства является получение специального разрешения Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (подп. «г» п. 1 ст. 102 Конституции Российской Федерации, п. 1 ст. 101 Федерального закона «Об обороне» от 15 мая 1996 г. № 61-ФЗ). После получения разрешения возникают юридические обязанности в сфере международно-правовых отношений, но в названных актах не указаны формы и способы использования Вооруженных Сил и их соответствие «праву войны».

Федеральный закон «О порядке представления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности» от 23 июня 1995 г. № 93-ФЗ регулирует отношения по предоставлению военного и гражданского персонала для участия в миротворческой деятельности (ст. 3), воинских формирований Вооруженных Сил Российской Федерации для участия в международных принудительных действиях с использованием вооруженных сил согласно ст. VII Устава ООН (ст. 10) и для участия в международных принудительных действиях с использованием вооруженных сил, предоставляемых

¹³ Сибилева О.П. Автономное высокоточное оружие как вызов международному гуманитарному праву // Право в Вооруженных Силах. 2020. № 2. С. 87 – 88.

в распоряжение Совета Безопасности ООН на условиях ст. 10 (ст. 11), а также по другим основаниям. Предложения, вносимые Президентом Российской Федерации, должны включать сведения о районе действий указанных воинских формирований, об их задачах, общей численности, о типе и составе вооружений, их подчиненности, сроке пребывания или порядке его продления, порядке замены и об условиях вывода, а также об устанавливаемых в соответствии с федеральными законами дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим и членам их семей (ст. 7 и ст. 10). В таких случаях режим использования Вооруженных Сил устанавливается мандатом Совета Безопасности ООН.

Основания использования Вооруженных Сил Российской Федерации или применения вооружений при введении военного положения указываются в проекте указа Президента Российской Федерации (п. 2 ст. 4 Федерального конституционного закона «О военном положении» от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ).

Оперативное использование Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории государства предусмотрено ст. 10.1 Федерального закона «Об обороне», ее содержание продублировано в Постановлении Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации «Об оперативном использовании формирований Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации» от 16 декабря 2009 г. № 456-СФ. Но ни в одном из названных актов не указаны ни формы и способы использования Вооруженных Сил, ни вопросы применения норм и принципов МПП. Такие вопросы могут раскрываться в правовых актах Министерства обороны Российской Федерации или Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, однако тогда они долж-

ны представлять собой руководство, если не краткий курс «права войны».

Ранее одним из авторов рассматривались доктрины «оперативного права» и их практическое применение¹⁴, по результатам анализа было сформулировано определение таких доктрин как *детального руководства по разработке планов операций, действий командования по их выполнению в зоне проведения операций, методам взаимодействия, а также участию военных юристов на всех стадиях операций и т. п.* В таком качестве они приобретают нормативное свойство и становятся *источниками «оперативного права».*

Одним из видов доктрин «оперативного права» является доктрина миротворческих операций. Необходимость разработки российской доктрины миротворческих операций связана в том числе и с тем, что «вступление российского миротворческого контингента в конфликт в Нагорном Карабахе не регулируется нормами Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), поскольку ее задачей является защита территориально-экономического пространства участников Договора совместными усилиями армий и вспомогательных подразделений от любых внешних военно-политических агрессоров. В Нагорно-Карабахском конфликте события нападения вооруженных сил Азербайджана на территорию Армении не было, поэтому Вооруженные Силы России не могли вступить в конфликт на стороне Армении в рамках Договора ОДКБ. Для таких случаев необходимо разработать доктрину в рамках *оперативного права как подотрасли военного права, регулирующего отношения, складывающиеся в таких видах операций»*¹⁵.

¹⁴ Богданов С.Л., Мельник Н.Н. Ввод вооруженных сил и военные действия США в Сирии: к вопросу об основаниях по законодательству США и международному праву // Право в Вооруженных Силах. 2020. № 5. С. 69.

¹⁵ Кудашкин А.В., Мельник Н.Н. Военное право США: понятие, предмет и метод правового регулирования, структура // Право в Вооруженных Силах. 2021. № 1.

Военная доктрина Российской Федерации утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. (№ Пр-2976) и представляет собой систему официально принятых взглядов на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту Российской Федерации, в ней сформулированы основные положения военной политики и военно-экономического обеспечения обороны страны, основания применения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск и некоторых видов оружия.

Указы Президента Российской Федерации относятся к нормативным правовым актам¹⁶, но в отличие от предыдущих версий Военной доктрины версия от 25 декабря 2014 г. утверждена без указания на статус документа. Вместе с тем, Военная доктрина основана на Конституции, законах Российской Федерации и на международных правовых актах, из чего усматривается ее больше юридический, чем политико-декларативный характер в сфере военной безопасности государства. Согласно ч. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации все законы подлежат официальному опубликованию, а в Указе Президента Российской Федерации «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти» от 23 мая 1996 г. № 763 указано о том, что акты Президента Российской Федерации имеют нормативный характер, если они подлежат официальному опубликованию. Военная доктрина от 25 декабря 2014 г. была опубликована в «Российской газете». Несмотря на то что указанная Военная док-

трина не является актом, устанавливающим нормы права, она имеет явно выраженный нормативно-правовой характер.

В связи с изложенным выше важно отметить, что суверенитет, предполагающий, по смыслу ст. 79 Конституции Российской Федерации, независимость в международном общении, представляет собой необходимый качественный признак Российской Федерации как государства, характеризующий ее конституционно-правовой статус. Поэтому независимость Российской Федерации в международном общении как субъекта международного права позволяет органам государства в издаваемых ими нормативных правовых актах устанавливать положения, закрепляющие статус Вооруженных Сил и их иммунитет от юрисдикции иностранного государства в соответствии с российским и международным правом. Это относится к вопросам в отношении оценки правомерности решений, принимаемых командованием контингента Вооруженных Сил Российской Федерации в период проведения военных операций и ответственности за них, за исключением случаев действия по мандату Совета Безопасности ООН или в рамках ОДКБ, а также действий в рамках соглашения о военно-техническом сотрудничестве в период нахождения в зарубежных государствах. Вопросы теории и практики реализации отношений в сфере военно-технического сотрудничества подробно рассмотрены в юридической литературе¹⁷.

Военная доктрина от 25 декабря 2014 г. является хорошей основой для разработки доктрин «оперативного права» разных видов военных операций и доктрин международного военно-технического сотрудничества. Для их разработки необходимо определить

¹⁶ Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 27 – 28; Военное право: моногр. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина: в 3 т. Т. 1: Теория и история военного права (с предисловием). М., 2021. С. 481 – 482.

¹⁷ Кудашкин В.В. Правовые основы военно-технического сотрудничества / Ин-т государства и права Акад. наук. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2019.

значение, роль и место доктрины в структуре военного законодательства России, а прежде всего – предмет доктрины. Для доктрин международного военно-технического сотрудничества требуется разработка соглашения о статусе сил, в том числе в вопросах распределения юрисдикции и иммунитета военнослужащих, дислоцированных на территориях других государств, в контексте международного военного сотрудничества или в рамках международных соглашений и организаций.

В Российской Федерации правовая доктрина не признана источником права, тем не менее, как толкование закона в виде научных комментариев Конституции, законов и кодексов правовая доктрина признается вспомогательным средством определения содержания правовых норм для целей их применения должностными лицами государства. Общеизвестно, что термины «источник международного права» и «категория системы права» относятся к группе абстрактных определений, «которые после категории «сущность права» выступают как наиболее широкие по объему и глубокие по содержанию правовые категории»¹⁸. Однако «эта правовая абстракция служит для выражения подразделений, связей, единства правовых норм, их внутренних взаимозависимостей и системы в целом»¹⁹, это относится к сфере научно-практического познания и оценки эффективности применения правовых норм. Но, вместе с тем, «под источником права» понимается именно форма права, «форма реального выражения и объективизации государственной воли господствующего класса, выраженной в норме права. Этот момент конкретизации

сущности права обобщенно выражает правовая абстракция «форма (источник)» права», как равно «в разных правовых системах правовая доктрина проявляла себя и в качестве первоначального фактора формирования права (как источник права), и в качестве формы права»²⁰. Очевидно, что в формировании военного права проявляется функция доктрины как источника права.

Некоторые ученые полагают, что включение *вспомогательных средств определения правовых норм* (доктрин, односторонних актов государства, внутривнутригосударственного законодательства и др.) в круг источников (форм) международного права необоснованно. По мнению В.М. Шумилова, национальное законодательство и односторонние акты государств – это «средство» выявления правовой «формы» и ее «содержания», но не сама форма, не само «содержание»²¹. Но в мировой практике в формально-юридическом отношении характеристиками доктрин военных операций, признанных источниками военного права, являются всеобщность, обязательность и устойчивость их применения в целях правового регулирования отношений. Основу положений «права войны» составляют соглашения его субъектов, прямо выраженные в международном договоре (конвенции, соглашениях и т. п.), а также каким-либо образом выраженные в решениях международных организаций и международных судов, хотя при этом допускаются спорные суждения.

Так, норма параграфа «с» п. 1 ст. 38 Статута Международного суда ООН «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями»²² относит к источникам международного права, но заметим, такая абстракт-

¹⁸ Ануфриева Л.П. Соотношение международного публичного и международного частного права: сравнительное исследование правовых категорий: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 67.

¹⁹ Васильев А.М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 166.

²⁰ Васильев А.М. Указ. соч. С. 167.

²¹ Шумилов В.М. Международное право: учеб. М., 2008. С. 109.

²² URL: <https://www.un.org/ru/icj/statut.shtml#chap2> (дата обращения: 24.08.2021).

ная формулировка о характере «общих принципов права» не допускает возможности их признания самостоятельными источниками международного публичного права. Тем более что за нарушение общих принципов права уголовная ответственность как мера обеспечения их соблюдения прямо не предусмотрена. МГП основано на фундаментальных принципах, которые должны быть соблюдены при принятии решения о нападении: принцип военной необходимости, принцип проведения различия, принцип соразмерности (пропорциональности) и принцип гуманности²³, их значение подробно описано во многих российских и зарубежных исследованиях, но в них не указано, был ли соблюден когда-либо, например, принцип «гуманности» и наступала ли ответственность за его нарушение. Возможность соблюдения этих принципов в различных обстоятельствах военной операции является темой отдельной статьи, поэтому важнее определить значение категории «форма права».

В философии «форма» – это метод существования, выражения и преобразования содержания, а в правовом аспекте категория «форма» применяется в значениях правовой формы и формы права. Правовая (юридическая) форма – это не абстракция, а правовая реальность, которая прямо связана с правовыми явлениями, опосредующими экономические, политические или другие реальные отношения, а также конкретные виды деятельности, включая военную деятельность, т. е. в ней проявляется связь права с военными отношениями и видами деятельности, включая военные операции. Форма права – это правовое явление, связанное с содержанием и систематизацией права, с наделением его свойствами государственно-властного характера.

В международном праве основной формой права является договор – соглашения, пакты, конвенции, принципы и нормы которых признаются законами и обычаями многих государств (ст. 15 Конституции Российской Федерации, ст. 25 Основного закона ФРГ, ст. 55 Конституции Франции), а правовая доктрина обычно используется при наличии пробела в законодательстве, т. е. в отсутствие источника права или надлежащего судебного прецедента для разрешения спора, имеющего юридическое значение. Но также может быть применен документ, не являющийся источником права; например, нормы МГП применяются к миротворцам, обладающим мандатом ООН в силу Бюллетеня Генерального секретаря ООН «Соблюдение силами ООН международного гуманитарного права» от 6 августа 1999 г., который подтверждает основополагающие обычные нормы МГП, применяемые в мире. Так, не будучи международным договором или иным обязательным источником международного права, указанный Бюллетень является обязательным для миротворцев, действующих по мандату ООН, так как он отражает обычное международное право. *Причин, по которым нельзя признать доктрину «оперативного права» военных операций источником права, нет, поскольку многообразность права порождает многообразие его источников, имеющих различную правовую природу.*

Стратегический, оперативный и тактический уровни ведения военных действий представляют собой модель отношения между национальной целью и тактическими действиями, где оперативный уровень боевых действий связывает тактическое применение сил с национальными стратегическими целями. Тактическое применение сил включает в себя теорию и практику подготовки и ведения военных операций соединениями, частями (кораблями, флотилиями) и другими подраз-

²³ URL: https://www.loc.gov/rr/frd/Military_Law/pdf/LOAC-Deskbook-2015_Ch9.pdf (дата обращения: 24.08.2021).

делениями различных видов вооруженных сил, родов войск и специальных сил на суше, в воздухе (в космическом пространстве), на море и в информационном пространстве. Тактическое применение Вооруженных Сил Российской Федерации осуществляется на основании указов Президента Российской Федерации, правовых актов Министра обороны Российской Федерации, Генерального штаба, которые регулируют общественные отношения в пределах предоставленной им компетенции. В них четко установлены правила поведения, которые считаются юридически значимыми как для участников этих отношений, так и для других лиц, они имеют нормативное значение. Доктрина «оперативного права» военных операций как основополагающий документ должна выполнять регулятивную функцию нормативного воздействия на правосознание и волю субъектов этих военных отношений в целях обеспечения выполнения ими конкретных видов правомерного поведения, т. е. выступать формой выражения, закрепления и соблюдения норм и принципов «права войны».

Поскольку совокупность доктрин «оперативного права» военных операций составляет подотрасль права, так как регулирует отдельные группы общественных отношений, характеризующиеся своей спецификой и обособленностью этой части общественных отношений, она имеет свой специфический предмет регулирования. Институты подотрасли права – доктрины различных видов военных операций, институт их планирования и др. Правовые институты этой подотрасли могут подразделяться на простые, регулирующие правоотношения внутри одной отрасли права, и сложные, регулирующие правоотношения в нескольких отраслях права.

Процесс разработки и принятия доктрин в качестве источников военного права, понятие

и структура доктрины «оперативного права», легитимность доктрины, вопросы имплементации норм и принципов «права войны» в национальное военное право рассматривались авторами ранее, при этом ими презюмировалось следующее: «Поскольку «Право войны» – это доктрина, то имплементация его положений может быть осуществлена путем включения положений в доктрины военного права. Процесс разработки доктрины «оперативного права» (права вооруженных конфликтов) как источника права сродни законодательному процессу, это упорядоченный процесс принятия общей доктрины или доктрины по какому-либо виду военных операций, он состоит из последовательных, логически завершаемых этапов, начиная с разработки проекта доктрины до введения ее в действие в качестве источника военного права. По сравнению с законотворчеством этот метод прост и экономичен, детализация производится путем ссылок на положения МГП, не требуется принимать специальный закон об имплементации изменения или дополнения какого-либо международного договора при возникновении новых обязательств для государства или в случае, когда государство становится участником нового договора²⁴.

В отличие от математики право не является точной наукой, поэтому доктрины военного права могут содержать ошибочные положения. В этом отношении профессор военной истории Оксфорда сэр Майкл Ховард отметил: «Я испытываю искушение заявить, что какую бы доктрину ни разрабатывали вооруженные силы, они ошибались. Я также испытываю искушение заявить, что не имеет значения, что они ошиблись. Что действительно важно, так это их способность быстро все исправить, ког-

²⁴ Кудашкин А.В., Мельник Н.Н.. Имплементация международного гуманитарного права и доктрина оперативного права как источник военного права // Право в Вооруженных Силах. 2021. № 3. С. 57 – 65.

да придет момент. Задача военной науки в век мира – не допустить, чтобы эта доктрина была слишком ошибочной»²⁵. Поэтому разрабатывать и принимать доктрины «оперативного

²⁵ Howard M., Major-General Wilson A.J. Military Source in an Age of Peace // Journal of the Royal United Services. 1974. P. 3.

права» военных операций, доктрины их планирования необходимо с учетом международного права, поскольку нормы и принципы «права войны» не знают национальных границ.

URL: <https://www.tandfonline.com/toc/rusi20/current> (дата обращения: 24.08.2021).

К ВОПРОСУ ОБ ОТНЕСЕНИИ НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО АКТА ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ К ИСТОЧНИКУ ВОЕННОГО ПРАВА

В.К. Артеменков,

кандидат юридических наук

В статье анализируется специфика нормативного правового акта Генерального прокурора Российской Федерации, его признаки и правовые основания издания. Обосновывается возможность отнесения нормативного правового акта Генерального прокурора Российской Федерации к источнику военного права.

Нормативный правовой акт Генерального прокурора Российской Федерации (далее – Генеральный прокурор) как источник права в целом и военного права в частности до настоящего времени остается малоизученным явлением. В законодательстве Российской Федерации содержание данного понятия не раскрывается, и лишь отдельные нормы упоминают о созвучных ему нормативных актах Генерального прокурора¹ и нормативных правовых актах Генеральной прокуратуры Российской Федерации², толкование которых составляет самостоятельную задачу правоприменителя.

В сложившейся ситуации вопрос о нормативном правовом характере приказов, указа-

ний, распоряжений, положений, инструкций и других актов, издаваемых Генеральным прокурором, предлагается рассматривать, прежде всего, в плоскости анализа их содержания на основе выработанных судебной практикой признаков нормативных правовых актов.

Согласно п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» от 25 декабря 2018 г. № 50 признаками, характеризующими нормативный правовой акт, являются: издание его в установленном порядке уполномоченным органом государственной власти, органом местного самоуправления, иным органом, уполномоченной организацией или должностным лицом, наличие в нем правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц, рассчитанных

¹ Положение ст. 18 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г. № 2202-1 (далее – Закон о прокуратуре).

² Положения п. 1 ч. 4 ст. 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ и п. 1 ст. 21 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

на неоднократное применение, направленных на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений. В отдельных случаях о нормативном характере акта могут свидетельствовать утвержденные данным актом типовые, примерные приложения, содержащие правовые нормы.

Кроме того, дополнительным аргументом в пользу отнесения акта, изданного Генеральным прокурором, к нормативному правовому является общность сферы его регулирования с аналогичными нормативными правовыми актами, подготовленными федеральными органами исполнительной власти в порядке, предусмотренном Постановлением Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» от 13 августа 1997 г. № 1009, с учетом приказа Министерства юстиции Российской Федерации «Об утверждении Разъяснений о применении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» от 23 апреля 2020 г. № 105.

Наиболее четко сопоставимость областей нормативного правового регулирования актов Генерального прокурора и федеральных органов исполнительной власти прослеживается в военном законодательстве, в части регулирования его нормами воинских отношений, связанных «...прежде всего с исполнением военной службы...»³, правовым положением военнослужащих, их материальным и финансовым обеспечени-

ем⁴. Данные нормы включаются в предмет военного права⁵.

Военное законодательство закрепляет специальную компетенцию руководителей федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов (в ряде случаев указывается на компетенцию самих органов), в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, по регулированию отдельных областей воинских отношений. В большинстве случаев данная компетенция на практике реализуется в форме нормативного правового акта.

Генеральная прокуратура Российской Федерации (далее – Генеральная прокуратура), как и Следственный комитет Российской Федерации (далее – Следственный комитет), относится к федеральным государственным органам, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба. Так как указанные государственные органы не перечислены среди субъектов, осуществляющих государственную власть (ст. 10 и ч. 1 ст. 11 Конституции Российской Федерации), в военном законодательстве они терминологически стали обособляться от федеральных органов исполнительной власти.

Формулировка «федеральные государственные органы, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба» получила распространение в связи с вступлением в силу Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам военной службы в органах военной прокуратуры и военных следственных органах Следственного комитета Российской Федерации» от 28 июля 2015 г. № 217-ФЗ.

³ Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 18.

⁴ Корякин В.М., Кудашкин А.В., Фатеев К.В. Военно-административное право (военная администрация): учеб. М., 2008. С. 18.

⁵ Кудашкин А.В. Военное право: понятие и содержание, дискуссия о соотношении отрасли права и законодательства, предмет исследования // Право в Вооруженных Силах. 2020. № 4. С. 76.

Федерации» от 4 июня 2014 г. № 145-ФЗ, предусмотревшего с 1 января 2017 г. прохождение военной службы в органах военной прокуратуры и военных следственных органах Следственного комитета.

С данного момента согласно п. 1 ст. 2 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ военная служба – особый вид федеральной государственной службы, исполняемой гражданами, не имеющими гражданства (подданства) иностранного государства, в том числе в органах военной прокуратуры.

Между тем отдельного пояснения требует вопрос отнесения к федеральным государственным органам Генеральной прокуратуры, не перечисленной среди элементов системы органов военной прокуратуры, которую согласно п. 1 ст. 46 Закона о прокуратуре составляют Главная военная прокуратура, военные прокуратуры военных округов, флотов, Ракетных войск стратегического назначения, Московская городская военная прокуратура и другие военные прокуратуры, приравненные к прокуратурам субъектов Российской Федерации, военные прокуратуры объединений, соединений, гарнизонов и другие военные прокуратуры, приравненные к прокуратурам городов и районов.

Вместе с тем именно в Генеральной прокуратуре в соответствии с п. 6 ст. 14 Закона о прокуратуре на правах структурного подразделения образуется Главная военная прокуратура.

Являясь частью целого, Главная военная прокуратура не наделена статусом федерального государственного органа. В то же время обозначенный статус признается за Генеральной прокуратурой, которую, например, применительно к сфере управления федеральным имуществом, закрепленным за органами и организациями прокуратуры, законодатель прямо называет уполномоченным

федеральным государственным органом (абз. 3 п. 1.1 ст. 11 Закона о прокуратуре).

Получается, что федеральным законом военная служба предусмотрена в определенной военизированной части Генеральной прокуратуры (в Главной военной прокуратуре), что позволяет считать ее федеральным государственным органом, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба.

Генеральную прокуратуру, в соответствии с п. 1 ст. 14 Закона о прокуратуре, возглавляет Генеральный прокурор. Главную военную прокуратуру возглавляет заместитель Генерального прокурора – Главный военный прокурор (п. 6 ст. 14 Закона о прокуратуре), который одновременно возглавляет органы военной прокуратуры (п. 3 ст. 46 Закона о прокуратуре).

В силу централизации системы органов прокуратуры (п. 1 ст. 1 Закона о прокуратуре) и принципа подчинения нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору (п. 1 ст. 4 Закона о прокуратуре) заместитель Генерального прокурора – Главный военный прокурор, возглавляющий органы военной прокуратуры, по своему служебному положению по отношению к Генеральному прокурору является подчиненным.

Таким образом, Генеральный прокурор как начальник обладает всей полнотой распорядительной власти по отношению к органам военной прокуратуры и военнослужащим, проходящим в них военную службу, а его нормативные правовые акты являются для них обязательными к исполнению.

Примером такого акта, обладающего всеми признаками нормативного правового акта, о которых мы писали выше, является Инструкция об организации и проведении плановой замены военнослужащих органов военной прокуратуры, утвержденная приказом Генерального прокурора от 22 декабря

2016 г. № 813 (далее – Инструкция о плановой замене военнослужащих).

Признак издания акта в установленном порядке уполномоченным органом или должностным лицом. Инструкция о плановой замене военнослужащих издана в порядке, установленном Регламентом Генеральной прокуратуры, утвержденным приказом Генерального прокурора от 11 мая 2016 г. № 276.

В соответствии с п. 2.1 названного Регламента для решения стоящих перед органами прокуратуры задач Генеральный прокурор издает организационно-распорядительные документы, регулирующие, в частности, вопросы прохождения службы.

Оформление документов осуществляется в соответствии с требованиями Инструкции по делопроизводству в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации, утвержденной приказом Генерального прокурора от 29 декабря 2011 г. № 450 (далее – Инструкция по делопроизводству).

Согласно приложению № 1 к Инструкции по делопроизводству инструкция – нормативный акт, издаваемый или утверждаемый руководителем прокуратуры в целях определения порядка выполнения отдельных видов работ, правил работы с документами, регулирования организационных, финансовых и иных сторон деятельности органов прокуратуры, структурных подразделений, должностных лиц.

Правовым основанием нормотворческой компетенции Генерального прокурора является норма п. 2 ст. 16 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации «Вопросы прохождения военной службы» от 16 сентября 1999 г. № 1237, согласно которому порядок организации и проведения плановой замены военнослужащих устанавливается руководителями федеральных органов исполнительной власти

и федеральных государственных органов, в которых предусмотрена военная служба.

Указанная компетенция реализована Генеральным прокурором в нормативных правовых положениях Инструкции о плановой замене военнослужащих, определяющей порядок организации и проведения плановой замены военнослужащих органов военной прокуратуры.

Признак наличия в акте правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц, рассчитанных на неоднократное применение, направленных на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений. Нормы Инструкции о плановой замене военнослужащих содержат правила поведения, обязательные для военных прокуроров окружного звена, военнослужащих органов военной прокуратуры, проходящих военную службу по контракту в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, местностях с неблагоприятными климатическими или экологическими условиями, в военных прокуратурах, находящихся в Чеченской Республике и за пределами Российской Федерации, а также местностях, где установлен срок военной службы (п. 1).

Указанный круг лиц не персонифицирован поименно и поэтому является неопределенным. Кроме того, положение абз. 2 п. 9 Инструкции о плановой замене военнослужащих затрагивает права и свободы членов семей военнослужащих органов военной прокуратуры, так как регулирует порядок проведения их медицинского освидетельствования. Данный круг лиц также является неопределенным.

Правовые нормы Инструкции о плановой замене военнослужащих рассчитаны на неоднократное применение и направлены

на урегулирование отношений, связанных с плановой заменой военнослужащих органов военной прокуратуры.

Следует отметить, что аналогичные правовые нормы содержатся в нормативных правовых актах федеральных органов исполнительной власти и Следственного комитета⁶. При этом формально-юридическим подтверждением того, что данные акты относятся к нормативным правовым актам, является их подготовка и государственная регистрация Министерством юстиции Российской Федерации в порядке, установленном Постановлением Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» от 13 августа 1997 г. № 1009, с учетом положений приказа Министерства юстиции Российской Федерации «Об утверждении Разъяснений о применении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» от 23 апреля 2020 г. № 105.

Кроме того, Порядок организации и проведения плановой замены военнослужащих военных следственных органов Следственного комитета в качестве нормативного правового

⁶ Порядок организации и проведения плановой замены военнослужащих военных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации, проходящих военную службу по контракту, утвержденный приказом Председателя Следственного комитета Российской Федерации от 2 февраля 2017 г. № 21 (далее – Порядок организации и проведения плановой замены военнослужащих военных следственных органов Следственного комитета); Порядок организации и проведения плановой замены военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, проходящих военную службу по контракту, утвержденный приказом Министра обороны Российской Федерации от 22 сентября 2014 г. № 696; Руководство по организации и проведению плановой замены офицеров, прапорщиков (мичманов), проходящих военную службу по контракту в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, местностях с неблагоприятными климатическими или экологическими условиями, утвержденное приказом Министра Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий от 8 ноября 2000 г. № 532.

акта оценивался Верховным Судом Российской Федерации, которым установлено, что оспариваемый акт издан федеральным государственным органом, в котором предусмотрена военная служба, в пределах его компетенции, зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации, официально опубликован для всеобщего сведения⁷.

В настоящее время Генеральным прокурором издано свыше 20 нормативных правовых актов, регулирующих отдельные области воинских отношений, аналогичных по содержанию зарегистрированным в Министерстве юстиции Российской Федерации нормативным правовым актам Следственного комитета и федеральных органов исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба⁸.

Анализ содержания указанных нормативных правовых актов позволяет сделать вывод, что нормативные правовые акты Генерального прокурора регулируют отношения в сфе-

⁷ Решение Верховного Суда Российской Федерации «Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующим пункта 5 Порядка организации и проведения плановой замены военнослужащих военных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации, проходящих военную службу по контракту, утвержденного приказом Следственного комитета Российской Федерации от 02.02.2017 № 21» от 1 октября 2020 г. № ВКАПИ 20-13.

⁸ См., например: приказы Генерального прокурора «Об утверждении Инструкции о порядке выплаты оклада по воинскому званию военнослужащим органов военной прокуратуры, проходившим военную службу по контракту, в течение одного года после увольнения с военной службы без права на пенсию» от 23 апреля 2018 г. № 244; «Об утверждении Инструкции о порядке присвоения (изменения, лишения) квалификационных классов военнослужащим, проходящим военную службу в органах военной прокуратуры на должностях военных прокуроров» от 19 апреля 2018 г. № 234; «О реализации накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих в органах военной прокуратуры» от 28 февраля 2017 г. № 128; «Об организации обязательного государственного страхования жизни и здоровья военнослужащих органов военной прокуратуры» от 3 февраля 2017 г. № 68; «Об утверждении Требований, предъявляемых к кандидату, поступающему на военную службу в органы военной прокуратуры, перечня документов, представляемых кандидатом, порядка формирования личного дела кандидата» от 30 января 2017 г. № 45; «О порядке реализации правовых актов по вопросам организации прохождения военной службы по контракту в органах военной прокуратуры» от 28 декабря 2016 г. № 827 и др.

ре комплектования кадров органов военной прокуратуры личным составом, исполнения в них военной службы, правового положения военнослужащих, их материального и финансового обеспечения, а также социальных прав членов семей военнослужащих.

Полагаем, что данные отношения, складывающиеся в области деятельности органов военной прокуратуры как разновидности военной деятельности государства, составляют предмет военного права, а нормативные правовые акты Генерального прокурора, регулирующие воинские отношения, являются его источником.

Следует отметить, что в общем предмете военного права, основой которого выступают общественные отношения, складывающиеся в области военной деятельности государства, в науке военного права принято выделять несколько групп относительно однородных общественных отношений, в том числе связанных с исполнением воинской обязанности и ее прохождением в органах; со статусом военнослужащих (правами, обязанностями и ответственностью), обеспечением военнослужащих натуральным и денежным довольствием, предоставлением военнослужащим, лицам, проходившим военную службу, и членам их семей пенсий и пособий⁹.

В качестве источника военного права нормативным правовым актам Генерального прокурора присущи три основополагающих признака, выделяемых теорией военного права: обязательность, формальная определенность и общеизвестность¹⁰.

Обязательность основана на непререкаемости правовых установлений, беспрекословности их выполнения со стороны всех военнослужащих органов военной прокуратуры.

⁹ Попов Л.Л., Мигачев Ю.И., Тихомиров С.В. Военное право: учеб. / под ред. Ю.И. Мигачева. М., 2008. С. 26 – 27.

¹⁰ Военное право: учеб. / под ред. В.Г. Стрекозова, А.В. Кудашкина. М., 2004. С. 11.

Выше нами доказывалось, что Генеральный прокурор как начальник обладает всей полнотой распорядительной власти по отношению к органам военной прокуратуры и военнослужащим, исполняющим в них военную службу, а его нормативные правовые акты являются для них обязательными для исполнения.

Формальная определенность выражается в оформлении правовых предписаний нормативных правовых актов Генерального прокурора в соответствии с требованиями Инструкции по делопроизводству.

Общеизвестность – доступность для ознакомления с содержанием источников военного права, которая предполагает, что правовая норма должна быть официально опубликована и доведена до сведения субъектов ее исполнения. Согласно п. 1 приказа Генерального прокурора «О порядке официального опубликования нормативных актов Генеральной прокуратуры Российской Федерации» от 3 апреля 2018 г. № 189 нормативные акты Генерального прокурора, кроме актов, содержащих сведения, составляющие государственную или иную специально охраняемую законом тайну, а также документов для служебного пользования, подлежат официальному опубликованию в журнале «Законность». Дополнительным источником официального опубликования определен официальный сайт Генеральной прокуратуры в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

В системе источников военного права нормативные правовые акты Генерального прокурора занимают место подзаконных ведомственных нормативных актов, по юридической силе сопоставимых с актами, издаваемыми в сфере воинских отношений в рамках своей компетенции руководителями федеральных органов исполнительной власти, Следственного комитета, в которых законом предусмотрена военная служба.

ПРИКАЗ КАК СРЕДСТВО УПРАВЛЯЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ДЛЯ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО И ДЛЯ ГРАЖДАНСКОГО СОТРУДНИКА

Е.А. Глухов,

докторант вуза, кандидат юридических наук, доцент

В статье проводится сравнение воздействия приказа руководителя подчиненному в зависимости от наличия или отсутствия у последнего статуса военнослужащего. В ходе анализа выявляется степень исполнительности и управляемости, характер регламентируемых ненормативными приказами вопросов в военной и невоенной организациях.

Добровольное повиновение всегда побеждает насильное повиновение.

Ксенофон

В настоящей статье будет проанализирован вопрос о характере воздействия приказа руководителя на деятельность подчиненного в ракурсе трудовых и воинских правоотношений. Автор акцентирует внимание на обязательности приказа для исполнения и сфере вопросов, по которым может быть отдан приказ.

Для уяснения влияния приказа на правоотношения следует сначала рассмотреть терминологию. В толковых словарях приказ определяется как:

а) официальное указание, подлежащее неукоснительному исполнению¹;

б) обязательное для исполнения официальное распоряжение начальника, того, кто облечен властью²;

в) официальное распоряжение органа власти (начальника), обращенное обычно к подчиненным и требующее выполнения определенных действий, соблюдения тех или иных правил или устанавливающее какой-нибудь порядок, положение³.

Приказ может быть отдан в письменном виде, устно, доведен по средствам автоматизации и связи или через посыльного. В любом случае приказ должен быть доведен подчиненному, верно им понят, после чего тот обязан его исполнить.

Для того чтобы иметь полномочия приказывать, необходимо обладать властью по отношению к исполнителю данного приказа. Объект управления (подчиненный) реагирует на управляющее воздействие, подчиняется субъекту управления (начальнику). Субъект управления формирует и реализует «господствующую волю», а объект управления подчиняется этой команде. Важно отметить, что подчинение приказу со стороны исполнителя происходит добровольно, сознательно, без применения в отношении его насилия в целях побуждения к исполнению приказа. Руководитель может быть уверен, что его распоряжения будут переданы подчиненным и исполнены ими.

Указанные выше теоретические положения применимы ко всем иерархическим организациям, построенным на принципе субординации, как в военной сфере, так и вне ее. В то же время имеются и существенные различия в механизме исполнения приказа в военной и не военной структурах. Рассмотрим данные тезисы подробнее.

1. Исполнение приказа гражданским сотрудником. Служебные взаимоотношения

¹ Большой энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова. М.; СПб., 2012.

² Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 2018.

³ Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2017.

между руководителем и его подчиненными выстраиваются в процессе осуществления ими совместной деятельности, где у каждого из них своя трудовая функция. Разделение здесь сотрудников на начальников и подчиненных основывается на принципе рационального разделения труда, возникающего в результате необходимой специализации выполнения трудовой функции на профессиональной основе.

Трудовые отношения в нашей стране регламентируются трудовым законодательством. Согласно ст. 15 Трудового кодекса Российской Федерации (ТК РФ) трудовые отношения основаны на соглашении между работником и работодателем о личном выполнении работником за плату трудовой функции (работы по должности, профессии, специальности; конкретного вида поручаемой работнику работы) в интересах, под управлением и контролем работодателя, подчинении работника правилам внутреннего трудового распорядка при обеспечении работодателем условий труда, предусмотренных трудовым законодательством.

В сфере трудовых отношений свобода труда проявляется в его договорном характере. На основе соглашения гражданина и работодателя решается вопрос о работе по той или иной профессии, специальности, квалификации или должности⁴.

Трудовая функция в обязательном порядке включается в письменный трудовой договор, один экземпляр которого хранится у работника. Зафиксированные в письменном виде трудовые обязанности работника являются своеобразной гарантией правовой определенности его положения. Причем зафиксированная единожды при трудоустройстве трудовая функция не может быть изменена работодателем в одностороннем порядке без согласия на то работника.

Кроме того, нормы локальных нормативных актов (в том числе приказов), ухудшающие положение работников по сравнению с установленным трудовым законодательством, коллективным договором, соглашениями, а также принятые без учета мнения представительного органа работников, не подлежат применению (ст. 8 ТК РФ).

В процессе трудовой деятельности руководитель вправе отдавать подчиненному работнику приказы, корректировать его трудовую деятельность. Но и в этом случае такие приказы все равно должны быть в русле трудовой функции работника и правил внутреннего распорядка. Запрещается требовать от работника выполнения работы, не обусловленной трудовым договором, за исключением случаев, предусмотренных ТК РФ и иными федеральными законами (ст. 60 ТК РФ). Так, руководитель вправе приказать водителю работать на другом автомобиле, бухгалтеру – заниматься составлением новой формы отчетности, педагогу – подготовить план проведения открытого занятия и т. п.

Конечно, приказы работодателя могут касаться и других, более общих вопросов дисциплины труда, охраны здоровья, регламента рабочего времени, командировок и т. п. Но и в этих случаях приказ руководителя не изменяет трудовой функции работника (за редким исключением и лишь в строго определенных законом случаях). Согласно ст. 60.2 ТК РФ *с письменного согласия работника* ему может быть поручено выполнение в течение установленной продолжительности рабочего дня (смены) наряду с работой, определенной трудовым договором, дополнительной работы по другой или такой же профессии (должности) *за дополнительную оплату*.

Таким образом, отношения между работником и работодателем строятся на осознанном и заранее выраженном в письменном виде

⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 октября 2018 г. № 37-П // Рос. газ. 2018. 26 окт.

согласии работника выполнять определенную трудовую функцию, работу. Естественно, что и работодатель знает, какую трудовую функцию должен исполнять нанятый им работник, поэтому он и не требует от него выполнения иных задач. Думаю, что не вызовет возражений постулат о том, что бухгалтер, скорее всего, откажется исполнять функцию дворника даже несмотря на приказ об этом руководителя (хотя работник и может пойти навстречу начальнику при своем согласии выполнять такой приказ). Не должен идти повар ремонтировать станок и т. п. Такой отказ работника от выполнения приказа руководителя вполне соответствует закону и не влечет для отказавшегося выполнять приказ каких-либо санкций.

Приведенная логика подкрепляется и материалами судебной практики. Так, начальник автоколонны устно и в грубой форме отправил истца выполнять работы в ремонтный цех. Удовлетворяя иски о признании истца о признании увольнения на основании подп. «а» п. 6 ст. 81 ТК РФ незаконным, суд установил, что истец (машинист автокрана) правомерно не исполнил устное распоряжение о переводе в ремонтную зону для участия в окончании ремонта автокрана, поскольку в его должностные обязанности не входит ремонт автокрана, в установленном законом порядке перевод истца на иную работу ответчиком не был осуществлен⁵.

Хабаровский краевой суд признал неправомерным возложение на работника обязанности по ведению фотоотчета объектов строительства, определенной приказом его начальника и не внесенной в трудовой договор в качестве трудовой функции данного работника⁶.

⁵ Сулов А. Оспаривание наказаний сотрудников за выполнение (невыполнение) устных приказов руководителя // Трудовое право. 2018. № 1. С. 87 – 99.

⁶ Постановление президиума Хабаровского краевого суда от 8 апреля 2019 г. по делу № 44г-44/2019. URL: https://kraevoy-hbr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_

Президиум Верховного Суда Российской Федерации признал незаконным привлечение работника к дисциплинарной ответственности за неисполнение незаконного приказа своего руководителя. Суть приказа сводилась к загрузке в самолет груза без контейнера, тогда как правила предусматривали погрузку вместе с контейнером⁷.

Даже возложение классного руководства на педагогического работника (сопутствующей занимаемой должности обязанности) возможно только с его письменного согласия⁸.

Кроме того, взаимоотношения между начальником и подчиненным работником ограничены рамками рабочего времени последнего, трудового распорядка. За пределами служебного времени руководитель и подчиненный становятся равными субъектами взаимоотношений, руководитель теряет властные полномочия в отношении работника. Гармоничный «work-life balance» (баланс между работой и личной жизнью) дает гарантии для восполнения сил и развития работника⁹.

Правовым обоснованием указанного подхода служат нормы международного и российского законодательства. Так, Международный пакт о гражданских и политических правах¹⁰ гарантирует невмешательство и защиту от подобного вмешательства (в том числе и со стороны работодателя) личной и семейной жизни человека. А согласно ст. 91 ТК РФ трудовые обязанности работник должен исполнять лишь в рабочее время.

ор=doc&number=9539655&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1 (дата обращения: 01.09.2021).

⁷ Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 11 сентября 1996 г. № 32пв-96. URL: http://www.sudbiblioteka.ru/vs/text_big1/verhsud_big_765.htm (дата обращения: 01.09.2021).

⁸ Письмо Минпросвещения России от 6 ноября 2020 г. № 08-ПГ-МП-47539 // Официальные документы в образовании. 2021. № 4.

⁹ Глухов Е.А., Чукин Д.С. Допустимость вмешательства командования в личную жизнь подчиненных // Право в Вооруженных Силах. 2018. № 8. С. 90 – 103.

¹⁰ Ведомости Верхов. Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

2. Действие приказа в отношении военнослужащего. Начнем с того, что в военной среде взаимоотношения начальника с подчиненными отличаются гораздо большей степенью власти. Объясняется данное положение спецификой возлагаемых на военнослужащего задач.

Само по себе определение приказа в ст. 39 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации¹¹ (УВС ВС РФ) соответствует по смыслу значению, указанному выше в толковых словарях. Приказ – это распоряжение командира (начальника), обращенное к подчиненным и требующее обязательного выполнения определенных действий, соблюдения тех или иных правил или устанавливающее какой-либо порядок, положение.

Вместе с тем, УВС ВС РФ содержит весьма важные особенности механизма исполнения приказа в военной среде.

Во-первых, в военных структурах существует принцип безусловной обязательности приказа, за исключением явно преступных приказов. Самая главная особенность воинского приказа содержится в ст. 43 УВС ВС РФ, согласно которой приказ командира (начальника) должен быть выполнен беспрекословно, точно и в срок. Выполнен обязательно. Подчиненному нельзя отказываться от его исполнения, ссылаться на свое нежелание его исполнять, на свое неумение, отсутствие опыта, окончание рабочего дня и прочие причины. Военнослужащий, получив приказ, обязан ответить: «Есть» и приступить к исполнению полученного приказа, а об исполнении доложить. Если он не может его исполнить (по любым причинам), он также обязан об этом доложить.

Однако все это хорошо в теории, когда приказ законен, целесообразен, своевременен, подкреплён необходимыми ресурсами, учи-

тывает интересы всех заинтересованных лиц и приоритет главной задачи. К сожалению, любой командир может ошибаться. Тем более, может ошибаться огромная военно-бюрократическая система, с большим количеством должностных лиц, принимающая ежедневно множество решений (приказов) по различного направления вопросам. Здесь ошибка одного руководителя наверху иерархической системы может повлечь за собой лавинообразный рост числа ошибок других связанных с ним должностных лиц, особенно его подчиненных. Поэтому беспрекословность и невозможность даже малейшего отступления от полученного распоряжения может трактоваться и как вредный фактор в русле достижения положительного результата.

В теории управления приветствуется, когда подчиненный думает над приказом (полученной командой), критически анализирует его слабые и сильные стороны, процесс исполнения и связанные с ним трудности. Процесс размышления над приказом, обмен мнениями по данному вопросу с иными лицами, постановка задач подчиненным и обсуждение с ними возможных трудностей их реализации никоим образом не вредят достижению цели, поставленной в приказе.

Однако на военной службе все равно существует императивный запрет на обсуждение приказа. Приказ должен исполняться *беспрекословно* (ст.ст. 16, 19, 34, 37, 43 УВС ВС РФ). Согласно ст. 7 Федерального закона «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (в редакции от 8 декабря 2020 г.) военнослужащие не вправе обсуждать и критиковать приказы.

Конечно, такой жесткий принцип исполнения команд (исполнение обязательно, обсуждение запрещено) повышает управляемость военной организации, но не всегда ведет к повышению эффективности управ-

¹¹ Утвержден Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495 (в редакции от 12 июля 2021 г.).

ления и достижению главного результата с затратой наименьших ресурсов¹².

При этом требования приказа командира могут быть недостаточно логичными или не соответствовать характеру обстановки, но подчиненный все равно обязан выполнить их безо всяких возражений. Ни один правовой акт вообще не требует от командира каким-либо образом обосновывать перед подчиненным отданный приказ, нет в современной армии и специальных органов, оценивающих справедливость и целесообразность приказов, органы прокуратуры и суды оценивают лишь соответствие их законодательству¹³.

Беспрекословность подчинения заложена и в систему воинского воспитания, которая с самого начала военной службы вырабатывает у военнослужащего автоматизм выполнения команд и подчинение любым, даже бессмысленным, с его точки зрения, приказам. Та же пресловутая строевая подготовка имеет главной целью не обучение строевым приемам, а именно автоматизм выполнения подчиненными команд¹⁴.

Следует напомнить о кардинальной специфике предназначения военнослужащих — вся их деятельность обусловлена возможностью войны и применения военных методов разрешения конфликтов. Смысл военной службы заключается в защите Отечества от внешних угроз вплоть до степени самопожертвования, и командиры вправе отдавать приказы, последствиями которых возможны ранение или смерть подчиненных. Обязательность, неукоснительность исполнения приказа свидетельствуют о необходимости действий подчиненного во исполнение

требований начальника даже в тех случаях, когда их совершение сопряжено с причинением вреда правоохраняемым интересам¹⁵.

Военная служба связана с применением насилия в отношении противника, элементы такого рода насилия отрабатываются уже в мирное время. Для военнослужащих вполне естественны команды: применить оружие, задержать кого-то, нейтрализовать деятельность. Поэтому даже опасность для своей жизни (или жизни подчиненных), причинение вреда иным лицам или охраняемым интересам не является обстоятельством, освобождающим от необходимости исполнения приказа.

Приведем интересный, на взгляд автора, пример из истории Великой Отечественной войны из книги Ю.В. Рубцова «Маршалы Сталина»:

«28 октября 1944 г. Сталин И.В. позвонил командующему войсками 2-го Украинского фронта Малиновскому Р.Я. Между ними состоялся примерно следующий разговор:

Сталин: *Необходимо, чтобы Вы в самое ближайшее время, буквально на днях, овладели Будапештом. Можете ли Вы это сделать?*

Малиновский: *Эту задачу можно было бы выполнить дней через пять после того, как к 46-й армии подойдет 4-й механизированный корпус. Его подход ожидается к 1 ноября. Тогда 46-я армия смогла бы нанести мощный, совершенно внезапный для противника удар и через 2 – 3 дня овладеть Будапештом.*

Сталин: *Ставка не может предоставить Вам пять дней, нам надо возможно скорее взять Будапешт.*

Малиновский: *Я понимаю, но следовало бы подождать несколько дней прибытия*

¹² Глухов Е.А. Влияние критики и обсуждения приказа на результативность военного управления // Право в Вооруженных Силах. 2017. № 12. С. 94 – 103.

¹³ Глухов Е.А. О необходимости общественного контроля в армии // Воен. право: электрон. науч. изд. 2017. Вып. № 5. С. 5 – 13.

¹⁴ Глухов Е.А. О соотношении муштры и строевой выучки... или как второстепенное может перерасти в главное // Право в Вооруженных Силах. 2018. № 4. С. 116 – 124.

¹⁵ Сидоров Б.В., Гумеров И.А. Исполнение приказа или распоряжения: социально-правовая природа, вопросы ответственности, наказания и совершенствования уголовного закона за деяния, совершаемые во исполнение приказа или распоряжения // Вестн. экономики, права и социологии. 2015. № 3. С. 283 – 287.

4-го корпуса. Лишь тогда можно рассчитывать на успех.

Сталин: Мы не можем пойти на отсрочку наступления на 5 дней. По политическим соображениям надо немедленно переходить в наступление.

Малиновский: Если Вы дадите мне 5 дней сейчас, то еще через 5 дней Будапешт будет взят. Если же немедленно перейти в наступление, то 46-я армия, ввиду недостатка сил, не сможет развить удар, она неминуемо ввяжется в затяжные бои. Короче говоря, она не сумеет овладеть Будапештом с ходу.

Сталин: Я Вам категорически приказываю завтра же перейти в наступление на Будапешт...

Малиновский Р.Я. приступил к исполнению приказа. К сожалению, подтвердился его худший прогноз: начав операцию в соответствии с приказом Ставки 29 октября 1944 г., войска фронта втянулись в изнурительные бои на подступах к Будапешту и смогли взять столицу Венгрии лишь 13 февраля 1945 года¹⁶.

В приведенном примере показано, что подчиненный не просто не хочет выполнять приказ, а аргументирует, почему это нецелесообразно. Подчиненный может иначе, чем командир, понимать интересы службы, свои обязанности, но это не изменяет обязательности подчинения его чужой воле. И вполне возможно, подчиненный мыслит более рационально, чем отдающий приказ начальник, но он должен оставить свое мнение при себе и «переключиться» на исполнение приказа.

Кстати, желание уволиться и написание соответствующего рапорта об увольнении также не отменяет и не приостанавливает действие отданного приказа. До момента прекращения статуса военнослужащего, т. е. до исключения из списков личного состава воинской части подчиненный обязан исполнять все приказы командиров.

¹⁶ Рубцов Ю.В. Маршалы Сталина. М., 2013. С. 235 – 237.

Единственным исключением из правила об обязательности приказа является возможность не исполнять явно преступный приказ. Да и то данное исключение содержится не в самих изучаемых военными документах – не в общевоинских уставах Вооруженных Сил Российской Федерации, – а в ч. 2 ст. 42 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), где указано: «Лицо, совершившее умышленное преступление во исполнение заведомо незаконных приказа или распоряжения, несет уголовную ответственность на общих основаниях. Неисполнение заведомо незаконных приказа или распоряжения исключает уголовную ответственность». Поэтому исполнитель приказа, если он осознавал его незаконный характер, подлежит уголовной ответственности как исполнитель, а лицо, отдавшее преступный приказ, – как организатор преступления. При этом в нормах международного права¹⁷ и в юридической литературе обосновывается, что осознание незаконного характера приказа для исполнителя презюмируется¹⁸ (доктрина «умных штыков»).

Во-вторых, повышенная степень управляемости в военной среде достигается более жесткими санкциями за нарушения правовых норм и приказов начальников по сравнению с обычными гражданами. В отношении военнослужащих, например, введена уголовная ответственность по ст. 332 УК РФ за неисполнение приказа, тогда как для гражданского лица указанные деяния влекут максимально лишь дисциплинарную ответственность.

Анализ материалов судебной практики показывает, что объективную сторону пре-

¹⁷ Принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого Трибунала (приняты в 1950 г. на второй сессии Комиссии международного права ООН) // Международное публичное право: сб. документов. Т. 2. М., 1996. С. 101 – 102.

¹⁸ Дорогин Д.А. Исполнение приказа в условиях военной службы как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность // Право в Вооруженных Силах. 2016. № 4. С. 89 – 94.

ступления, предусмотренного ст. 332 УК РФ, составляли такие деяния, как отказ выполнить приказ о заступлении в наряд, отказ чистить овощи в столовой, отказ от убытия к новому месту военной службы¹⁹. Казалось бы, вполне обыденные события, от которых нет человеческих жертв или материального ущерба, но на практике такие случаи неповиновения влекут не просто дисциплинарные взыскания, а уголовное наказание и судимость.

Гораздо шире и спектр оснований для наказания военнослужащих по сравнению с гражданскими работниками. Совсем не наказуемо в «гражданской среде» пользование смартфонами в рабочее время, наличие аккаунта в социальных сетях с информацией о своей работе, неумение быстро бегать или метко стрелять, выезд на выходные в другой город без разрешения начальника, трудоустройство на вторую работу, занятие предпринимательством и т. п. Между тем все указанные поступки влекут дисциплинарную ответственность или увольнение со службы для военнослужащих.

Военнослужащий может быть наказан за те деяния, за которые никогда не накажут гражданского сотрудника, в том числе и за правонарушения, допущенные виновным во внеслужебное время. Например, за появление в общественном месте в нетрезвом виде, за управление личным автомобилем в состоянии опьянения и т. п.

В случае открытого неповиновения или сопротивления подчиненного командир (начальник) обязан для восстановления порядка и воинской дисциплины принять все установленные федеральными законами и общевоинскими уставами меры принуждения, вплоть до задержания и применения оружия в отношении непови누ющегося.

В-третьих, в соответствии с УВС ВС РФ обжалование приказа подчиненным возможно лишь после его исполнения (абз. 3 ст. 43), т. е. даже при несогласии подчиненного с полученным приказом, даже при его кажущейся абсурдности или незаконности подчиненный все равно должен сначала его исполнить. И до момента исполнения обжаловать приказ нельзя, по крайней мере, во внесудебном порядке.

Таким образом, несогласие подчиненного с полученным приказом и желание его оспорить, даже сама подача жалобы, все равно не приостанавливают процесс его исполнения.

На практике военные суды имеют возможность приостанавливать действие оспариваемых военнослужащими приказов (п. 2 ст. 85 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации). Но и в этом случае с момента отдачи приказа до приостановления его действия все равно пройдет несколько дней, а за этот срок обжалуемый приказ, как правило, должен быть уже исполнен. Поэтому в ряде случаев оспаривание приказа в суде не будет иметь смысла как раз потому, что после его исполнения пользы от обжалования приказа просто не будет (например, командир отправил подчиненного офицера из числа ветеранов боевых действий в основной отпуск с 1 января, несмотря на то, что сам подчиненный с 1 января убывать в отпуск не хотел и по своему статусу ветерана имел право сам выбирать время предоставления ему отпуска)²⁰. Однако если суд будет рассматривать такой спор, то, скорее всего, отправленному в отпуск офицеру будет отказано в признании приказа об убытии его в отпуск незаконным, так как в отпуске он фактически был и

¹⁹ Лебедев В. М., Давыдов В.А., Иванова И.Н. Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации: науч.-практ. пособие. М., 2017. С. 221 – 228.

²⁰ Подпункт 11 п. 1 ст. 16 Федерального закона «О ветеранах» от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ (в редакции от 30 апреля 2021 г.).

предоставить ему еще один отпуск было бы не верно.

Единственная возможность «втянуть» начальника в некий диалог относительно полученного приказа, чтобы лучше его понять или уточнить, – это просьба повторить приказ при непонимании его смысла или неуверенности в правильности его понимания (ст. 43 УВС ВС РФ). Но опять-таки не допуская его явной критики и обсуждения со стороны подчиненного.

И если в мирное время российское законодательство хотя и фрагментарно, но все же регламентирует процесс обжалования приказов воинских должностных лиц, то в условиях военного времени использование тех же самых механизмов вряд ли будет возможно.

В-четвертых, приказы военнослужащим могут отдаваться не только по вопросам их должностных обязанностей. У военнослужащего нет понятия «трудовая функция», фактически военнослужащий должен быть специалистом широчайшего профиля в сфере применения военного насилия. А возложенная на него обязанность исполнять любые (кроме явно незаконных) приказы означает и то, что исполнение им служебных обязанностей не совпадает с его компетенцией по занимаемой должности.

И хотя командирам (начальникам) запрещается отдавать приказы, не имеющие отношения к исполнению обязанностей военной службы или направленные на нарушение законодательства (ст. 41 УВС ВС РФ), круг вопросов, по которым отдаются приказы военнослужащему, чрезвычайно широк, так как к исполнению обязанностей военной службы можно подвести почти любые мероприятия, обосновывая их выполнение тренировкой деятельности в кризисных ситуациях.

В мирное время предметом воинского труда выступает боевая готовность, опре-

деляемая как способность воинских формирований в любых условиях обстановки начать военные действия в установленные сроки и успешно выполнять поставленные задачи. Боевая готовность не может застыть на каком-то определенном уровне, не может носить временный характер²¹, она требует постоянных усилий для ее поддержания на заданном уровне. Поэтому, кроме исполнения должностных обязанностей, на военнослужащих возлагается также исполнение общих и специальных обязанностей (ст.ст. 26 и 27 Федерального закона «О статусе военнослужащих»).

Трудовое законодательство не возлагает такого рода обязанности на гражданских сотрудников, вместе с тем, работник должен соблюдать правила внутреннего трудового распорядка и трудовую дисциплину (ст. 29 ТК РФ). Однако указанные обязанности работника нельзя отождествлять с выполнением разовых поручений работодателя, здесь речь идет об установлении режима работы и отдыха работника, о порядке приема на работу и увольнения с нее и т. п. Кроме того, правила внутреннего трудового распорядка являются нормативным актом, утверждаются с учетом мнения представительного органа работников, рассчитаны на длительное применение всеми категориями работников, а не адресованы одному из них (ст.ст. 189, 190 ТК РФ).

В сфере военной службы вполне естественны и соответствуют закону приказы командиров о назначении подчиненного старшим машины и его поездках на ней в течение длительного времени, о назначении подчиненного старшим на уборке снега или рытье канавы, об участии во внеплановых строевых тренажах или занятиях по физической подготовке и т. п. В отличие от, на-

²¹ Смелик Р.Г. Характер и содержание воинского труда // Вестн. Ом. ун-та. 2000. № 2. С. 107 – 111.

пример, гражданского преподавателя такой же преподаватель в погонах будет обязан исполнить приказ лично мыть пол в кабине-те или учить наизусть текст военного марша²². Исполнение всех подобного рода распоряжений и многих других охватывается обязанностью военнослужащего исполнять общие обязанности (в части исполнения приказов командиров и начальников).

К приказам, касающимся исполнения специальных обязанностей, можно отнести приказы о заступлении во внутренний или гарнизонный наряд (караул), о привлечении к проведению учений, походов кораблей, участию в миротворческих операциях, проверкам боевой готовности и т. п.

Бесспорно, что совсем не касается исполнения должностных обязанностей приказ постричься или укомплектовать офицерскую сумку для смотра. Кстати, такого рода приказы исполняются, в частности, во внеслужебное время и, естественно, за собственный счет.

Временные рамки отдачи приказов подчиненному военнослужащему не ограничены регламентом служебного времени. Получив приказ начальника в выходной день или ночью, военнослужащий также обязан приступить к его исполнению. В этом случае время отдыха заканчивается, военнослужащий приступает к исполнению обязанностей военной службы. Желание или нежелание военнослужащего прекратить свое время отдыха также не влияет на необходимость исполнять приказ немедленно. Не требуется здесь и издания письменного приказа.

В-пятых, приказ может отдать военнослужащему совершенно незнакомый ему

начальник. Объясняется данное положение тем, что в отличие от гражданского работника, который подчиняется лишь своему работодателю (или уполномоченным этим работодателем должностным лицам своей организации), для военнослужащего перечень начальников не ограничивается командованием своей воинской части. Все старшие начальники в иерархической лестнице подчинения также являются для военнослужащего прямыми начальниками, имеющими полномочия по отдаче ему приказов по широчайшему кругу вопросов. Так, если гражданский сотрудник в должности фельдшера или бухгалтера вполне законно может проигнорировать приказы как заместителя командира по вооружению своей воинской части, так и руководителя вышестоящей воинской части, то для военнослужащего приказы названных должностных лиц обязательны. У обычного рядового или сержанта Вооруженных Сил Российской Федерации только в своей воинской части насчитывается порядка десяти начальников, и это только по служебному положению (по должности).

Вместе с тем, согласно ст. 36 УВС ВС РФ начальниками для военнослужащего могут быть лица, не только занимающие вышестоящую должность в одной организации, но и занимающие определенные должности в иных организациях (например, в вышестоящих органах управления или штабах видов Вооруженных Сил, Генеральном штабе Вооруженных Сил Российской Федерации и т. п.), а также имеющие определенное воинское звание (начальники по воинскому званию). Они могут проходить военную службу как в той же воинской части, так и в иной воинской части, при этом обладать всей полнотой распорядительной власти.

Подводя итог настоящей статье, можно прийти к следующим *выводам*:

²² Глухов Е.А. Бюрократические дефекты системы военного образования (на примере сравнения функционала военных и гражданских педагогов) // Воен. право: электрон. науч. изд. 2021. Вып. № 3. С. 49 – 57.

В отличие от трудовых отношений, где трудовая функция определяется соглашением сторон и не подлежит произвольному одностороннему изменению, отношения военнослужащего с командованием не являются частноправовыми. Закрепленный в ст. 2 ТК РФ принцип свободы труда (включая право на труд, который каждый свободно выбирает или на который свободно соглашается, право распоряжаться своими способностями к труду, выбирать профессию и род деятельности) распространяется на военнослужащих лишь в самых общих чертах.

В сфере военных правоотношений примат приказа начальника ведет к возможности увеличения объема служебной нагрузки, ее характера, и даже к изменению самого характера служебных обязанностей. Это достигается путем возложения временных и нештатных обязанностей, отдания приказов, направленных на выполнение иных обязанностей, не связанных с должностным предназначением. Все это допускается без согласия самого военнослужащего, без письменного оформления распоряжения, по решению любого из прямых начальников военнослужащего. При этом военнослужащий хотя и не освобождается от занимаемой должности, но фактически не исполняет обязанности по ней ввиду нехватки на это времени (которое затрачивается на выполнение полученного приказа). Сказанное означает, что приказ командира превалирует над необходимостью исполнить должностные обязанности.

И военнослужащий, и гражданский сотрудник в своей деятельности руководствуются нормативными актами, определяющими их статус, права и обязанности. Указанные правовые акты могут быть изданы как на федеральном, так и на локальном уровне. Вместе с тем, законодательная возможность

корректировать повседневную деятельность возглавляемого воинского формирования посредством отдачи устных приказов (распоряжений), а также довольно «размытый» перечень обязанностей военнослужащего обуславливают гораздо более высокий уровень локального «ручного управления» в военной сфере по сравнению с невоенными организациями. В условиях военного времени (боевых действий), в кризисных ситуациях, когда заранее все возможные алгоритмы деятельности прописать невозможно²³, без такого рода форм управления просто не обойтись. Положительными качествами такого способа управления являются: оперативность вмешательства, отсутствие искажений управляющего распоряжения при передаче, быстрота доведения, возможность более глубокого разъяснения задачи. К отрицательным же качествам можно отнести усмотренческий характер многих решений руководителей, отсутствие стабильности, определенности и плановости в работе, возможное ограничение и нарушение прав подчиненных на отдых, а также совершение правонарушений подчиненными во исполнение приказа старшего начальника.

Считается, что ручное управление наличествует, когда субъект управления, минуя промежуточные уровни власти, обращается непосредственно к низшим элементам системы управления в режиме прямых директивных указаний. По мнению автора, данный признак ручного управления не является единственным. В армейской среде для ручного управления характерен, кроме того, приоритет устных приказов (распоряжений) над существующими у воинских должностных лиц должностными обязанностями и регламентами работы.

²³ Понкин И.В. Режим ручного управления // Гос. служба. 2016. № 4. С. 45 – 48.

О НОВЫХ ПРАВОВЫХ ОСНОВАНИЯХ ВОЗМЕЩЕНИЯ БЫВШИМИ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ РАСХОДОВ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТА, ЗАТРАЧЕННЫХ НА ИХ ВОЕННУЮ (СПЕЦИАЛЬНУЮ) ПОДГОТОВКУ

Д.Ю. Мананников,

кандидат юридических наук

В статье рассмотрены положения Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» от 30 апреля 2021 г. № 130, которым расширен перечень оснований досрочного увольнения военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, с военной службы, влекущих обязательное возмещение ими расходов, затраченных на их военную или специальную подготовку.

По результатам правового анализа сделан вывод об обоснованности внесенных изменений, позволяющих обеспечить формирование единого подхода при решении вопроса взыскания с бывших военнослужащих денежных средств федерального бюджета, затраченных на их военную или специальную подготовку, что положительно скажется на общем престиже военной службы.

30 апреля 2021 г. Президентом Российской Федерации подписан Федеральный закон № 130-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе»» (далее – Федеральный закон от 30 апреля 2021 г. № 130), которым расширен перечень оснований досрочного увольнения военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, с военной службы, влекущих обязательное возмещение ими расходов, затраченных на их военную или специальную подготовку.

С учетом актуальности указанного вопроса для увольняемых военнослужащих представляется целесообразным проанализировать последние изменения, внесенные законодателем в абз. 1 п. 7 ст. 35 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ (далее по тексту – Закон № 53 от 28 марта 1998 г.).

Необходимо отметить, что согласно ст. 43 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование в государственном или муниципальном образовательном учреждении и на предприятии. При этом государственной гарантией бесплатного получения гражданами Российской Федерации высшего образования в пределах государственных образовательных стандартов является государственное финансирование обучения в высших учебных заведениях.

Граждане Российской Федерации свободны в выборе формы получения высшего профессионального образования, образовательного учреждения, направления подготовки, что предполагает возможность обучения как в гражданском, так и в высшем военном учебном заведении.

Статья 81 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ предусматривает особенности реализации профессиональных образовательных программ и деятельности образовательных организаций федеральных государственных органов, осуществляющих подготовку кадров в интересах обороны и безопасности государства.

Выбор гражданином Российской Федерации военной образовательной организации для получения высшего образования влечет за собой его добровольное вступление в отношения военной службы. В силу ст. 8 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237, контракт с военнослужащим, поступающим в военно-учебное заведение или обучающимся в нем, заключается на время обучения в военно-учебном заведении и на пять лет военной службы после его окончания.

Следует иметь в виду, что при заключении контракта о прохождении военной службы граждане, поступившие в военную образовательную организацию высшего образования, добровольно принимают на себя предусмотренные этим контрактом обязанности, обусловленные особым статусом военнослужащего, а также спецификой обучения в такой образовательной организации, а государство гарантирует им прохождение оплачиваемой военной службы с предоставлением гарантий, установленных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами.

Особенности поступления в военные образовательные организации и прохождения военной службы регулируются Законом № 53 от 28 марта 1998 г. Условие о возмещении средств, указанных в п. 7 ст. 35 данного Закона, и размер подлежащих возмещению

средств включаются в контракт о прохождении военной службы. В силу требований федерального законодательства данное условие является обязательным.

Согласно действовавшей ранее редакции п. 7 ст. 35 Закона № 53 от 28 марта 1998 г. граждане (бывшие военнослужащие, курсанты военных образовательных организаций высшего образования) возмещали средства федерального бюджета, затраченные на их военную или специальную подготовку, в следующих случаях:

1) отчисления из военных образовательных организаций высшего образования или учебных военных центров при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования за недисциплинированность, неуспеваемость или нежелание учиться либо при отказе заключить контракты о прохождении военной службы;

2) окончания образовательных организаций и увольнения с военной службы ранее срока, установленного контрактом о прохождении военной службы:

– в связи с лишением воинского звания (подп. «д» п. 1 ст. 51 Закона № 53 от 28 марта 1998 г.);

– в связи с вступлением в законную силу приговора суда о назначении военнослужащему наказания в виде лишения свободы (подп. «е» п. 1 ст. 51 Закона № 53 от 28 марта 1998 г.);

– в связи с вступлением в законную силу приговора суда о назначении военнослужащему, проходящему военную службу по контракту, наказания в виде лишения свободы условно за преступление, совершенное умышленно (подп. «е.1» п. 1 ст. 51 Закона № 53 от 28 марта 1998 г.);

– в связи с вступлением в законную силу приговора суда о лишении военнослужащего права занимать воинские должности в

течение определенного срока (подп. «з» п. 1 ст. 51 Закона № 53 от 28 марта 1998 г.);

– в связи с невыполнением им условий контракта (подп. «в» п. 2 ст. 51 Закона № 53 от 28 марта 1998 г.);

– в связи с вступлением в законную силу приговора суда о назначении военнослужащему наказания в виде лишения свободы условно за преступление, совершенное по неосторожности (подп. «д» п. 2 ст. 51 Закона № 53 от 28 марта 1998 г.).

В то же время в Министерстве обороны Российской Федерации, а также в иных федеральных органах, в которых предусмотрена военная служба, распространены и иные компрометирующие основания досрочного увольнения с военной службы, в том числе при совершении военнослужащими коррупционных правонарушений, утрате доверия, нарушении (неисполнении) установленных запретов, ограничений и обязанностей.

До принятия Федерального закона от 30 апреля 2021 г. № 130-ФЗ взыскание с бывших военнослужащих средств федерального бюджета, затраченных на военную (специальную) подготовку, не представлялось возможным, поскольку указанные негативные основания увольнения не были предусмотрены в п. 7 ст. 35 Закона № 53 от 28 марта 1998 г.

Кроме того, юридическая обязанность возмещения средств федерального бюджета не распространялась на увольняемых военнослужащих при выявлении фактов потребления ими наркотических средств (психотропных веществ) без назначения врача.

Проблема усугублялась и тем, что данным пробелом в военном законодательстве нередко пользовались не желающие проходить военную службу молодые офицеры (выпускники военных образовательных организаций и военных учебных центров), умышленно создавая условия возникнове-

ния негативных (компрометирующих) для себя оснований досрочного увольнения.

Доктор юридических наук, авторитетный ученый в области военно-административного права В.М. Корякин не случайно в одной из своих научных публикаций приводил примеры, когда офицеры намеренно регистрировались в качестве индивидуальных предпринимателей и подавали рапорты командирам (начальникам) на увольнение с военной службы в связи с утратой доверия (подп. «д.1» и «д.2» п. 1 ст. 51 Закона № 53 от 28 марта 1998 г.).

В последующем командование воинских частей (учреждений) было вынуждено готовить документы на досрочное увольнение именно по данному основанию. В конечном итоге затраченные на военную и специальную подготовку средства федерального бюджета, ввиду наличия указанного пробела в правовом регулировании, оставались невозмещенными¹.

Действительно, различный законодательный подход при решении вопроса о возмещении средств федерального бюджета представлялся несправедливым, более того, он противоречил общему принципу равенства прав и обязанностей граждан Российской Федерации в соответствии с требованиями Основного Закона Российской Федерации (ч. 2 ст. 6).

В правоприменительной практике обоснованно возникал вопрос, по какой причине с точки зрения справедливости военнослужащие, увольняемые с военной службы по основанию невыполнения ими условий контракта, обязаны по закону возмещать средства федерального бюджета за полученное образование, а военнослужащие, которые досрочно увольняются, например, в связи с

¹ Корякин В.М. Возмещение военнослужащими средств федерального бюджета, затраченных на их военную и специальную подготовку: проблемные вопросы при увольнении в связи с совершением коррупционных правонарушений // Воен. право: электрон. науч. изд. 2020. Вып. № 1. С. 97.

утратой доверия или нарушением (неисполнением) установленных коррупционных запретов (ограничений и обязанностей), к указанной обязанности не привлекаются.

Несовершенное правовое регулирование вопроса возмещения увольняемыми военнослужащими средств федерального бюджета, затраченных на их военную (специальную) подготовку, нарушало публичные интересы государства и Министерства обороны Российской Федерации в области обеспечения обороны и безопасности, в том числе при удовлетворении потребностей и нужд Вооруженных Сил в части комплектования квалифицированными кадрами².

Данные обстоятельства обусловили необходимость законодательного вмешательства. Поскольку список оснований досрочного увольнения военнослужащего с военной службы по негативным основаниям не являлся исчерпывающим, законодатель обоснованно расширил перечень правовых условий возмещения бывшими военнослужащими расходов федерального бюджета, внося изменения в п. 7 ст. 35 Закона № 53 от 28 марта 1998 г.

Федеральным законом от 30 апреля 2021 г. № 130 указанный выше перечень был дополнен следующими основаниями досрочного увольнения с военной службы:

– в связи с утратой доверия (подп. «д.1» и «д.2» п. 1 ст. 51 Закона № 53 от 28 марта 1998 г.);

– в связи с нарушением (неисполнением) установленных запретов, ограничений и обязанностей (подп. «е.1» и «е.2» п. 2 ст. 51 Закона № 53 от 28 марта 1998 г.);

– в связи с непрохождением в установленном порядке обязательных химико-токсикологических исследований наличия в организме

человека наркотических средств, психотропных веществ и их метаболитов (подп. «к» п. 2 ст. 51 Закона № 53 от 28 марта 1998 г.);

– в связи с совершением административного правонарушения, связанного с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ (подп. «л» п. 2 ст. 51 Закона № 53 от 28 марта 1998 г.).

В данный перечень также включено такое основание увольнения с военной службы, как «в связи с отказом в допуске к государственной тайне или лишением указанного допуска» (подп. «г» п. 2 ст. 51 Закона № 53 от 28 марта 1998 г.) в отношении военнослужащих, совершивших действия (бездействие), обусловленные нарушением законодательства Российской Федерации о государственной тайне, в случаях:

– наличия у военнослужащего статуса обвиняемого (подсудимого) по уголовному делу о совершенном по неосторожности преступлении против государственной власти или об умышленном преступлении (см., например, ст.ст. 283, 283.1, 284 Уголовного кодекса Российской Федерации);

– наличия у военнослужащего непогашенной или неснятой судимости за данные преступления, прекращения в отношении его уголовного дела (уголовного преследования) по реабилитирующим основаниям, если со дня прекращения такого уголовного дела (уголовного преследования) не истек срок, равный сроку давности привлечения к уголовной ответственности за совершение этих преступлений;

– уклонения военнослужащего от проверочных мероприятий и (или) сообщения им заведомо ложных анкетных данных, однократного нарушения военнослужащим взятых на себя предусмотренных контрактом о прохождении военной службы обязательств, связанных с

² См. также: Малаханов А.В. Некоторые аспекты возмещения средств федерального бюджета гражданами, отчисленными из военных учебных центров при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования // Воен. право: электрон. науч. изд. 2019. № 3. С. 106 – 108.

защитой государственной тайны, либо выявления в результате проверочных мероприятий действий военнослужащего, создающих угрозу безопасности Российской Федерации.

Указанные выше положения согласуются со ст. 51 Закона № 53 от 28 марта 1998 г. и приведены в соответствие с терминологией, использованной в ст.ст. 22, 23 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне».

Не вызывает сомнения и тот факт, что дополненные в указанный перечень новые основания досрочного увольнения с военной службы, наряду с теми основаниями, которые ранее были перечислены в п. 7 ст. 35 Закона № 53 от 28 марта 1998 г., относятся к числу компрометирующих и соответственно должны влечь за собой для бывшего военнослужащего негативные правовые последствия, в том числе в виде материальной ответственности.

Юридический факт прекращения военно-служебных отношений влечет за собой правовую обязанность бывшего военнослужащего возместить ранее выделенные государством на его подготовку средства федерального бюджета³.

С экономической точки зрения Федеральный закон от 30 апреля 2021 г. № 130 выгоден государству, так как он обеспечил повышение эффективности механизма использования федеральных бюджетных средств, выделяемых на военное образование⁴.

Включение в п. 7 ст. 35 Закона № 53 от 28 марта 1998 г. новых оснований досрочного увольнения с военной службы является за-

кономерным и логичным процессом, позволившим также уравнивать в правах граждан, уволенных с военной службы по компрометирующим основаниям, что, как представляется, будет способствовать оптимизации действующего законодательства, совершенствованию системы государственной службы в целом и военной службы в частности как неотъемлемой ее составляющей.

Следует также учитывать, что порядок исчисления размера возмещаемых средств определяется Правительством Российской Федерации.

Принятие Федерального закона от 30 апреля 2021 г. № 130 повлечет внесение изменений в Постановление Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера подлежащих возмещению средств федерального бюджета, затраченных на военную или специальную подготовку граждан Российской Федерации в военных профессиональных образовательных организациях и образовательных организациях высшего образования» от 25 июня 2007 г. № 402 и Постановление Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера подлежащих возмещению средств федерального бюджета, затраченных на военную подготовку граждан Российской Федерации в военных учебных центрах при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования по программам военной подготовки для прохождения военной службы по контракту на воинских должностях, подлежащих замещению офицерами» от 1 октября 2007 г. № 629.

Внесение изменений в данные нормативные правовые акты обусловлено необходимостью приведения их в соответствие с нормами федерального законодательства.

Как представляется, расширение перечня оснований увольнения с военной служ-

³ См. также: *Завальнюк А.В.* К вопросу об основаниях для возмещения гражданами Российской Федерации средств федерального бюджета за военную (специальную) подготовку // *Право в Вооруженных Силах*. 2013. № 4. С. 92.

⁴ См. также: *Харитонов С.С.* О некоторых правовых аспектах возмещения расходов на военную и специальную подготовку военнослужащих, отчисленных из военных вузов // Там же. 2018. № 7. С. 32 – 36.

бы в соответствии с п. 7 ст. 35 Закона № 53 от 28 марта 1998 г. обеспечило формирование единого подхода при решении вопроса взыскания с бывших военнослужащих денежных средств федерального бюджета, затраченных на их военную (специальную) подготовку, что одновременно положитель-

но скажется на престиже военной службы, будет стимулировать к ее добросовестному прохождению и препятствовать оттоку офицеров из Вооруженных Сил Российской Федерации, иных войск, воинских формирований и органов, в которых предусмотрена военная служба.

О СООТНОШЕНИИ НОРМ О МАТЕРИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И ИСПОЛНЕНИЯ ИМИ ОБЯЗАННОСТЕЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

В.В. Калашников,

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры военно-юридической подготовки военного учебного центра при ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»;

П.Ю. Наумов,

кандидат педагогических наук, помощник начальника государственного учреждения по правовой работе;

Р.В. Залепукин,

кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора Института права и национальной безопасности по научной работе ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

В статье рассматривается соотношение норм о материальной ответственности военнослужащих и исполнения ими обязанностей военной службы. Авторы анализируют положения нормативных правовых актов и судебную практику по данному вопросу и приходят к выводу, что существующая правовая конструкция определения случаев, при которых военнослужащий считается исполняющим обязанности военной службы, и их учета при привлечении военнослужащего к материальной ответственности имеет признаки правовой неопределенности и затрудняет практическое применение соответствующих нормативных правовых актов.

Юридическая ответственность является важнейшим элементом социальной конструкции права и выполняет в системе общественных отношений солидарные, воздающие и предупредительные функции. Юридическая ответственность по своему предназначению обращена не только к обычным гражданам, в ее субъектный состав входят и так называемые специальные

субъекты – военнослужащие, сотрудники органов прокуратуры, сотрудники органов внутренних дел и т. д., чья юридическая ответственность зависит от их специального, законодательно определенного правового статуса.

В зависимости от характера и тяжести совершенного правонарушения видами юридической ответственности военнору-

жащих, проходящих военную службу по призыву или по контракту, а также граждан, призванных на военные сборы, в том числе граждан, пребывающих в мобилизационном людском резерве¹, исходя из п. 1 ст. 28 Федерального закона «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ² и ст. 26 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации³, являются: дисциплинарная, административная, материальная, гражданско-правовая и уголовная ответственность.

Как следует из приведенных норм, одним из видов юридической ответственности является материальная ответственность военнослужащих, которая наступает для военнослужащего в случае причинения им прямого действительного ущерба государству в лице органов военного управления, объединений, соединений, воинских частей, воинских формирований, воинских подразделений, специальных формирований, органов военной прокуратуры, военных следственных органов, в которых военнослужащие проходят (проходили) военную службу, военные сборы.

Рассмотрение проблематики привлечения военнослужащих к материальной ответственности по-прежнему остается актуальным, что обусловлено важной ролью данного правового института в системе юридической ответственности военнослужащих и ее социальной остротой. Вопросам материальной ответственности военнослужащих и случаям исполнения ими обязанностей военной службы посвящено

большое количество научных публикаций отечественных ученых в области военного права⁴.

Условия и размеры материальной ответственности военнослужащих за ущерб, причиненный ими при исполнении обязанностей военной службы имуществу воинской части, а также порядок возмещения причиненного ущерба определены Федеральным законом «О материальной ответственности военнослужащих» от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ⁵ и ст. 29 УВС ВС РФ.

В соответствии с п. 2 ст. 3 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» военнослужащие, причинившие ущерб не при исполнении обязанностей военной службы, несут гражданско-правовую ответственность в соответствии с гражданским законода-

⁴ Харитонов В.С. О возмещении материального ущерба, причиненного вследствие совершенных военнослужащими преступлений (на примерах судебной практики) // Воен. право: электрон. науч. изд. 2020. Вып. № 5. С. 168 – 172; Туганов Ю.Н., Аулов В.К. Материальная ответственность военнослужащих: что нового? // Военно-юрид. журн. 2020. № 7. С. 7 – 12; Корякин В.М., Кириченко Н.С. Новаши законодательного регулирования материальной ответственности военнослужащих // Право в Вооруженных Силах. 2020. № 6. С. 17 – 24; Большакова В.М., Наумов П.Ю., Шматков Р.Н. Исполнение обязанностей военной службы военнослужащими или выполнение ими служебных обязанностей? К анализу нормативного правового регулирования // Там же. 2021. № 7. С. 20 – 26; Кудашкин А.В., Фатеев К.В. Комментарий к Федеральному закону «О статусе военнослужащих» (постатейный). 4-е изд., перераб. и доп. М., 2005. 752 с.; Военно-административное право (военная администрация): учеб. / под общ. ред. В.М. Корякина. М., 2008. 620 с.; Землин А.И. О генезисе и перспективах развития военной администрации // Вестн. воен. права. 2016. № 3. С. 39 – 46; Корякин В.М., Глухов Е.А. О вмешательстве командования в частную жизнь подчиненных (на примере предупреждения дорожно-транспортных происшествий с участием военнослужащих) // Воен. право: электрон. науч. изд. 2017. Вып. № 3. С. 38 – 48; Правовая работа в военных организациях / А.И. Землин [и др.]; под ред. А.И. Землина. М., 2011. 152 с.; Холиков И.В. Международно-правовой статус военно-медицинского персонала: моногр. М., 2002. С. 161; Холиков И.В., Бабайцева Е.С. Некоторые вопросы правового регулирования медицинского обеспечения войск национальной гвардии Российской Федерации // Воен. право: электрон. науч. изд. 2020. Вып. № 2. С. 78 – 86.

⁵ Далее – Федеральный закон «О материальной ответственности военнослужащих».

¹ Далее – военнослужащие.

² Далее – Федеральный закон «О статусе военнослужащих».

³ Утвержден Указом Президента Российской Федерации «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» от 10 ноября 2007 г. № 1495. Далее – УВС ВС РФ.

тельством Российской Федерации. При этом в силу ст. 30 УВС ВС РФ к гражданско-правовой ответственности военнослужащие привлекаются за невыполнение или ненадлежащее исполнение предусмотренных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами обязательств, за убытки и моральный вред, причиненные военнослужащими, не находящимися при исполнении обязанностей военной службы, государству, физическим и юридическим лицам, и в других случаях, предусмотренных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами.

Из вышесказанного следует, что обязательным условием для привлечения военнослужащего к материальной ответственности является причинение им прямого действительного ущерба воинской части (организации) при исполнении обязанностей военной службы.

Законодательство о материальной ответственности не содержит перечня случаев, при которых военнослужащий считается исполняющим обязанности военной службы, поскольку согласно п. 2 ст. 26 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащий считается исполняющим обязанности военной службы в случаях, предусмотренных Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе».

Перечень таких случаев закреплен п. 1 ст. 37 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ⁶, и к ним относятся следующие: а) участие в боевых действиях, выполнение задач в условиях чрезвычайного или военного положения,

вооруженных конфликтов, а также участие в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности либо пресечению международной террористической деятельности за пределами территории Российской Федерации; б) исполнение должностных обязанностей; в) несение боевого дежурства, боевой службы, службы в гарнизонном наряде, исполнение обязанностей в составе суточного наряда; г) участие в учениях или походах кораблей; д) выполнение приказа или распоряжения, отданных командиром (начальником); е) нахождение на территории воинской части в течение установленного распорядком дня служебного времени или в другое время, если это вызвано служебной необходимостью; ж) нахождение в служебной командировке; з) нахождение на лечении, следование к месту лечения и обратно; и) следование к месту военной службы и обратно; к) прохождение военных сборов; л) нахождение в плену (за исключением случаев добровольной сдачи в плен), в положении заложника или интернированного; м) безвестное отсутствие – до признания военнослужащего в установленном законом порядке безвестно отсутствующим или объявления его умершим; н) защита жизни, здоровья, чести и достоинства личности; о) оказание помощи органам внутренних дел, другим правоохранительным органам по защите прав и свобод человека и гражданина, охране правопорядка и обеспечению общественной безопасности; п) участие в предотвращении и ликвидации последствий стихийных бедствий, аварий и катастроф; р) совершение иных действий, признанных судом совершенными в интересах личности, общества и государства.

⁶ Далее – Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе».

В соответствии с п. 2 ст. 37 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий или гражданин, проходящий военные сборы, не признается погибшим (умершим), получившим увечье (ранение, травму, контузию) или заболевание при исполнении обязанностей военной службы, если это явилось следствием: а) самовольного нахождения вне расположения воинской части или установленного за пределами воинской части места военной службы, за исключением случаев, предусмотренных подп. «л», «м», «н», «о», «п» и «р» п. 1 ст. 37 названного Федерального закона; б) добровольного приведения себя в состояние опьянения; в) совершения им деяния, признанного в установленном порядке общественно опасным.

Наряду с этим, в соответствии со ст. 5 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» военнослужащие несут материальную ответственность в полном размере ущерба в случаях, когда ущерб причинен: по неосторожности военнослужащим, которому имущество было вверено на основании документа (документов), подтверждающего (подтверждающих) получение им этого имущества для обеспечения хранения, перевозки и (или) выдачи этого имущества либо производства финансовых расчетов; в результате преступных действий (бездействия) военнослужащего, установленных вступившим в законную силу приговором суда; в результате хищения, умышленных уничтожения, повреждения, порчи, незаконных расходования или использования имущества либо иных умышленных действий (бездействия) независимо от того, содержат ли они признаки состава

преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации; умышленными действиями военнослужащих, повлекшими затраты на лечение в медицинских организациях военнослужащих, пострадавших в результате этих действий; военнослужащим, добровольно приведшим себя в состояние алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения.

В связи с изложенным выше возникает вопрос: привлекать военнослужащего к материальной или гражданско-правовой ответственности за причинение ущерба в случаях, предусмотренных ст. 5 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» и ст. 29 УВС ВС РФ, при условии причинения им ущерба при исполнении обязанностей военной службы, если согласно Федеральному закону «О воинской обязанности и военной службе» случай, при котором причинен материальный ущерб, не относится к исполнению обязанностей военной службы? Каким образом соотносятся п. 2 ст. 37 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», п. 2 ст. 3 и ст. 5 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих», а также ст. 29 УВС ВС РФ?

В соответствии со ст. 1 Федерального закона «О статусе военнослужащих» статус военнослужащих есть совокупность прав, свобод, гарантированных государством, а также обязанностей и ответственности военнослужащих, установленных названным Федеральным законом, федеральными конституционными законами, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Согласно классическим представлениям юридическая ответственность рассматривается в качестве государственного принуждения к выполнению правовых предписаний, правоотношения, в котором каждая из сторон обязуется отвечать друг перед другом за свои деяния, отвечать за это перед государством, обществом⁷.

В свою очередь, социальная гарантия представляет собой некоторую обязанность государства восполнить военному служащему определенные утраты либо реализовать его право на обеспечение чем-либо при определенных законодательством условиях и основаниях.

Правовые основания для наступления юридической ответственности и возникновения права на реализацию социальной гарантии по своей правовой природе отличны друг от друга, хотя в правоприменительной практике могут быть использованы (а часто и используются) для разрешения иных вопросов, связанных с исполнением обязанностей военной службы, в том числе при привлечении военнослужащих к различным видам ответственности.

Возвращаясь к положениям п. 2 ст. 37 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», важно отметить, что он начинается со слов: «Военнослужащий или гражданин, проходящий военные сборы, не признается погибшим (умершим), получившим увечье (ранение, травму, контузию) или заболевание при исполнении обязанностей военной службы, если это явилось следствием...». Из прямого толкования указанных положений следует, что случаи, при которых военнослужащий не считается находящимся (находившимся) при исполнении обязан-

ностей военной службы, будут относиться к фактам его гибели (смерти), получения увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания. При этом правоприменительная практика свидетельствует о том, что случаи, при которых военнослужащий не является исполняющим обязанности военной службы, имеют юридическое значение как для обеспечения его социальными гарантиями, так и для привлечения военнослужащего к различным видам юридической ответственности⁸.

Пунктом 30 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих» от 29 мая 2014 г. № 8 (в редакции от 28 июня 2016 г.) установлено, что согласно п. 9 ст. 2 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие, граждане, уволенные с военной службы, члены их семей, имеющие право на социальные гарантии и компенсации, пользуются социальными гарантиями и компенсациями, установленными для граждан федеральными конституционными законами, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами. При этом необходимо исходить из того, что право на предоставление социальных гарантий и компенсаций членам семей военнослужащих непосредственно вытекает из факта исполнения военнослужащими обязанностей военной службы и наступает при определенных условиях (например, в случае смерти военнослужащего вследствие

⁸ См., например: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 октября 2015 г. № 2439-О; определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 23 марта 2020 г. № 5-КГ19-237; Кассационное определение Московского городского суда от 24 августа 2010 г. № 33-26404/10 и др.

⁷ Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 186.

увечья (ранения, травмы, контузии) либо заболеваний, полученных им при исполнении обязанностей военной службы, в том числе при участии в проведении контртеррористических операций и (или) иных мероприятий по борьбе с терроризмом).

Кроме того, согласно п. 35 указанного постановления возмещение ущерба, причиненного военнослужащими не при исполнении обязанностей военной службы или при исполнении таких обязанностей, но имуществу, не находящемуся в федеральной собственности и незакрепленному за воинскими частями, либо ущерба, причиненного физическим лицам, осуществляется в порядке, предусмотренном Гражданским кодексом Российской Федерации. При этом судам следует иметь в виду, что приведение военнослужащим себя в состояние опьянения, а также другие обстоятельства, перечисленные в п. 2 ст. 37 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», не освобождают его от ответственности, в том числе материальной, за нарушение обязанностей военной службы.

Таким образом, в настоящее время поставленный авторами статьи вопрос разрешен на уровне рекомендаций высшего судебного органа, что представляется недостаточным. Существующая на уровне нормативного правового регулирования неопределенность может привести к неод-

нзначному пониманию или применению соответствующих норм правоприменителем. Подобная несогласованность может быть устранена путем законодательного закрепления определенного перечня случаев, когда военнослужащий (для любых обстоятельств) не является исполняющим обязанности военной службы, как это было ранее в п. 2 ст. 36 Закона Российской Федерации «О воинской обязанности и военной службе» от 11 февраля 1993 г. № 4455-1. Кроме того, одним из способов устранения возникшей неопределенности является изложение п. 1 ст. 3 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» в следующей редакции:

«1. Военнослужащие несут материальную ответственность только за причиненный при исполнении обязанностей военной службы по их вине ущерб.

Военнослужащие считаются исполняющими обязанности военной службы в случаях, предусмотренных Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе».

Приведение военнослужащим себя в состояние опьянения, а также другие обстоятельства, перечисленные в пункте 2 статьи 37 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», не являются основанием для освобождения его от материальной ответственности».

Довольствие военнослужащих проиндексируют выше уровня инфляции

Президент Российской Федерации дал ряд поручений по итогам второго этапа XX съезда Всероссийской политической партии «Единая Россия». Правительству, в частности, поручено предусмотреть средства на индексацию в 2022 и 2023 гг. денежного довольствия военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов выше уровня инфляции.

Источник: Поручение Президента Российской Федерации от 11 сентября 2021 г. «Перечень поручений по итогам второго этапа XX съезда партии «Единая Россия»»

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ СОТРУДНИКАМИ РОСГВАРДИИ ОСНОВАНИЙ ОСВОБОЖДЕНИЯ ГРАЖДАН ОТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СЛУЧАЕ ДОБРОВОЛЬНОЙ СДАЧИ ИМИ ГРАЖДАНСКОГО ОРУЖИЯ

Р.Р. Фаисханов,

аспирант кафедры административного и муниципального права ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная юридическая академия»

Введение института освобождения от административной ответственности за совершение правонарушений в сфере оборота оружия в случае добровольной сдачи гражданского оружия, основных частей оружия и патронов к нему обусловлено достижением целей снижения количества оружия, находящегося в незаконном обороте и устранения пробелов в перспективном регулировании в рассматриваемой сфере, что в целом свидетельствует об актуальности избранной темы.

В наше время общественный резонанс, возникающий вследствие противоправных действий, совершенных с использованием оружия, колоссален, что обусловлено, прежде всего, той опасностью, которая исходит от вооруженного субъекта преступления, и степенью причиненного общественной безопасности вреда.

Также заметим, что вопрос снижения количества нарушений в области оборота оружия является одной из острых проблем не только российского права в частности, но и международного права в целом¹.

Конституционным Судом Российской Федерации многократно указывалось, что оборотом оружия обусловлено создание государством надлежащего механизма защиты конституционно значимых ценностей, в том числе основ конститу-

ционного строя, нравственности, прав и законных интересов граждан².

В Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в сфере оборота оружия, является Росгвардия. Сотрудники Росгвардии, имеющие специальные звания полиции и проходящие службу в подразделениях лицензионно-разрешительной работы, уполномочены на осуществление государственного контроля (надзора), предметом которого является соблюдение гражданами и юридическими лицами, имеющими во владении и (или) в пользовании оружие, патроны к оружию, боеприпасы, обязательных требований законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Фе-

¹ Ковалева Н.Н., Фаисханов Р.Р. Использование исторического опыта в решении проблемных вопросов контроля над оборотом оружия // Адм. право и процесс. 2020. № 10. С. 58.

² См., например: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2020 г. № 2323-О; кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 3 июня 2020 г. № 24-КА20-1. Документы опубликованы не были. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

дерации в сфере оборота оружия³ (далее – правила оборота оружия), в том числе лицензионных требований при осуществлении юридическими лицами лицензируемых видов деятельности по хранению гражданского и служебного оружия, торговле гражданским и служебным оружием, а также хранению и реализации патронов к гражданскому и служебному оружию⁴ (далее – лицензионные требования).

Результатом осуществления государственного контроля (надзора) сотрудниками лицензионно-разрешительных подразделений Росгвардии является:

- составление акта проверки;
- выдача предписания (в случае выявления нарушений правил оборота оружия);
- составление протокола об административном правонарушении (в случае выявления административного правонарушения);
- оформление заключения о приостановлении действия лицензии (в случаях, предусмотренных п. 1 ч. 1 ст. 20 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ);

³ Правила оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации, утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации от 21 июля 1998 г. № 814.

⁴ Положение о лицензировании разработки, производства, испытания, хранения, ремонта и утилизации гражданского и служебного оружия и основных частей огнестрельного оружия, торговли гражданским и служебным оружием и основными частями огнестрельного оружия, утвержденное Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 августа 2012 г. № 865; Положение о лицензировании разработки, производства, испытания, хранения, реализации и утилизации боеприпасов (в том числе патронов к гражданскому и служебному оружию и составных частей патронов), пиротехнических изделий IV и V классов в соответствии с национальным стандартом, применения пиротехнических изделий IV и V классов в соответствии с техническим регламентом, утвержденное Постановлением Правительства Российской Федерации от 14 сентября 2012 г. № 925.

– обращение в суд с заявлением о приостановлении действия лицензии на осуществление лицензируемых видов деятельности (на срок до шести месяцев) либо об аннулировании лицензии на осуществление лицензируемых видов деятельности (в случаях, предусмотренных п. 2 ч. 1 или ч. 12 ст. 20 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности»);

– временное изъятие лицензии на приобретение оружия и (или) разрешения на хранение или хранение и ношение оружия (в случаях, предусмотренных чч. 2 и 3 ст. 26 Федерального закона «Об оружии» от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ);

– оформление заключения об аннулировании лицензии на приобретение оружия и (или) разрешения на хранение или хранение и ношение оружия (в случаях, предусмотренных пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 26 Федерального закона «Об оружии»);

– обращение в суд с заявлением об аннулировании лицензии на приобретение оружия и (или) разрешения на хранение или хранение и ношение оружия (в случаях, предусмотренных пп. 3 и 4 ч. 1 ст. 26 Федерального закона «Об оружии»);

– изъятие оружия и патронов (в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 27 Федерального закона «Об оружии»).

На сегодняшний день административная ответственность за нарушение гражданами и юридическими лицами предмета государственного контроля (надзора), осуществляемого сотрудниками лицен-

⁵ Шеншин В.М. Обеспечение Росгвардией государственной и общественной безопасности и административно-юрисдикционная деятельность // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 26 марта 2021 года / под общ. ред. А.И. Каплунова; С.-Петерб. ун-т М-ва внутренних дел Рос. Федерации. СПб., 2021. С. 842.

зионно-разрешительных подразделений Росгвардии, предусмотрена ст. 20.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ).

Заметим, что действующее административное законодательство не предусматривает оснований освобождения от административной ответственности за нарушение правил оборота оружия или лицензионных требований. Однако примечанием к ст. 41.2 проекта нового КоАП РФ декларируется освобождение от административной ответственности за незаконные изготовление, приобретение, продажу, передачу, хранение, транспортирование, перевозку, ношение или использование гражданского огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия, огнестрельного оружия ограниченного поражения, пневматического оружия, основных частей и патронов к указанному оружию в случае добровольной сдачи таких предметов⁶.

Вместе с тем, очевидна невозможность однозначного понимания и применения данной нормы. Во-первых, проектом нового КоАП РФ понятие добровольной сдачи оружия, основных частей оружия и патронов к нему (далее – гражданское оружие), раскрыто поверхностно. Так, лишь отмечено, что изъятие гражданского оружия при задержании лица, а также при применении мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении по его обнаружению и изъятию, добровольной сдачей не признается.

При этом, например, в п. 19 интерпретационного акта Пленума Верховно-

го Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» от 12 марта 2002 г. № 5 определено, что под добровольной сдачей предметов, указанных в ст.ст. 222 и 223 Уголовного кодекса Российской Федерации, следует понимать выдачу их лицом по своей воле или сообщении органам власти о месте их нахождения при реальной возможности дальнейшего хранения таких предметов. Но применение названного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации допускается лишь в рамках уголовного судопроизводства и не применимо в производстве по административным делам.

Таким образом, полагаем обоснованным признание добровольной сдачей гражданского оружия и в том случае, когда в ходе контрольно-надзорной деятельности уполномоченными должностными лицами оно не изымалось, а также при сообщении о месте его нахождения правоохранительным органам, если они не располагали такой информацией и в ходе применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении гражданское оружие не было обнаружено (например, если в ходе применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении лицо сообщает о хранении оружия в другом месте, а не в месте применения таких мер⁷). Закрепление таких норм в

⁶ URL: <https://regulation.gov.ru> (дата обращения: 19.05.2021).

⁷ *Крупнов И.В.* О некоторых изменениях, внесенных в постановление Пленума Верховного суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // Уголов. право. 2014. № 2. С. 43.

законодательстве послужит мотивацией к добровольной сдаче гражданского оружия и позволит избежать ситуаций, когда субъект рассматриваемого правонарушения предпринимает попытки избавиться от такого оружия (выбросить или спрятать), и в целом будет способствовать предупреждению правонарушений и преступлений, связанных с оборотом оружия.

В то же время добавим, что нормативное закрепление освобождения от административной ответственности при условии добровольной сдачи гражданского оружия нуждается в соответствующих пояснениях, связанных и с реабилитацией лица, совершившего административное правонарушение⁸.

Так, следует учесть, что освобождение от административной ответственности за административное правонарушение в связи с добровольной сдачей гражданского оружия не означает отсутствие состава правонарушения, следовательно, права на реабилитацию не влечет⁹.

Актуальность наших доводов обусловлена отсутствием института реабилитации в рамках действующего КоАП РФ и введением соответствующей регламентации права на реабилитацию в ст. 1.17 проекта Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях¹⁰.

⁸ *Ананиев А.А.* Органы внутренних дел в процессе декриминализации экономических отношений // Следственная деятельность: настоящее и будущее: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Краснодар, 10 июля 2018 года. Краснодар, 2018. С. 6.

⁹ *Мельников В.Ю.* Обеспечение государством социальных прав человека. Ростов н/Д, 2020. С. 217 – 219.

¹⁰ URL: <https://regulation.gov.ru> (дата обращения: 27.05.2021).

Во-вторых, объективная сторона рассматриваемой статьи проекта нового КоАП РФ является альтернативной, т. е. правонарушения признается ряд противоправных действий, в том числе продажа и передача гражданского оружия.

Однако для освобождения от ответственности субъект правонарушения должен добровольно сдать предметы правонарушения. Но в случае продажи либо передачи гражданского оружия указанные предметы выбывают из владения субъекта правонарушения.

Таким образом, примечание к ст. 41.2 проекта нового КоАП РФ распространяется не на весь перечень действий, предусмотренных диспозицией указанной статьи.

На основании изложенного и в целях надлежащего функционирования нормы о реализации сотрудниками Росгвардии оснований освобождения от административной ответственности предлагаем примечание к ст. 41.2 проекта КоАП РФ дополнить п. 4 следующего содержания:

«4. Под добровольной сдачей оружия, основных частей оружия и патронов к нему, понимается выдача лицом указанных предметов по своей воле или сообщении органам власти о месте их нахождения при реальной возможности дальнейшего хранения названных предметов».

Предложенное дополнение будет способствовать изъятию незаконного оружия из оборота, исключению возможности его дальнейшего использования, а также предотвращению совершения преступлений с использованием оружия.

О НАЛОЖЕНИИ АРЕСТА И ОБРАЩЕНИИ ВЗЫСКАНИЯ НА ДЕНЕЖНЫЕ СРЕДСТВА, НАХОДЯЩИЕСЯ НА БАНКОВСКИХ СЧЕТАХ УЧАСТНИКОВ НАКОПИТЕЛЬНО- ИПОТЕЧНОЙ СИСТЕМЫ ЖИЛИЩНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Е.А. Свининых,

доктор юридических наук, доцент

В статье описывается отрицательное влияние на реализацию военнослужащими права на жилище существующей практики наложения ареста и обращения взыскания на денежные средства, находящиеся на банковских счетах участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих. Автор критически оценивает позицию по этому вопросу федерального государственного казенного учреждения «Федеральное управление накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих». Описываются возможные варианты решения проблемы. Раскрываются предложения Министерства обороны Российской Федерации по изменению законодательства в части включения отдельных видов доходов, связанных с вопросами жилищного обеспечения участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих, в нормативный перечень доходов, на которые не может быть обращено взыскание.

Описание проблемы. Как показывают результаты анализа практики функционирования накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих (далее – НИС), участники НИС при реализации своего права на получение целевого жилищного займа (далее – ЦЖЗ) могут сталкиваться с проблемами, не связанными с добросовестным исполнением ими обязанностей военной службы. Например, кредитные организации могут отказать военнослужащему в выдаче ипотечного кредита для приобретения жилого помещения с использованием средств ЦЖЗ и кредита (п. 2 ч. 1 ст. 14 Федерального закона «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ (далее – Закон о НИС) вследствие плохой кредитной

истории военнослужащего или наличия у него крупного кредита. Наряду с этим, в последние годы все чаще стало проявлять себя еще одно препятствие на пути реализации участником НИС своего права на использование ЦЖЗ. Это наложение ареста на денежные средства, находящиеся на банковских счетах участников НИС, предназначенных для операций со средствами ЦЖЗ, по причине возбужденного исполнительного производства в отношении участника НИС (алименты, штрафы и пр.). Кроме того, денежные средства списываются с таких счетов по исполнительному документу.

Напомним, что при заключении участником НИС кредитного договора ему открывается банковский счет в целях перечисления федеральному государственно-

му казенному учреждению «Федеральное управление накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих» (далее – ФГКУ «Росвоенипотека») средств ЦЖЗ для погашения долга участника НИС по ипотечному кредиту. Открытие счета осуществляется в соответствии с договором банковского счета, заключенным участником НИС с кредитной организацией, предоставившей ему ипотечный кредит. После регистрации права собственности участника НИС на жилое помещение средства ЦЖЗ, как правило, ежемесячными платежами поступают на банковский счет участника НИС и в дальнейшем перечисляются на счет кредитора.

При наложении ареста на денежные средства, находящиеся на банковском счете участника НИС, кредитная организация незамедлительно по получении решения о наложении ареста прекращает расходные операции по данному счету в пределах денежных средств, на которые наложен арест (ч. 2 ст. 27 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» от 2 декабря 1990 г. № 395-1). Вследствие ареста денежных средств, находящихся на банковском счете участника НИС, равно как и при списании этих средств по исполнительному документу, кредитор не получает выплаты по предоставленному им ипотечному кредиту и вправе инициировать судебное разбирательство в целях обращения взыскания на заложенное имущество – жилое помещение, приобретенное военнослужащим – участником НИС за счет средств ЦЖЗ и ипотечного кредита¹.

¹ См., напр.: решение Североморского районного суда Мурманской области от 22 февраля 2018 г. по делу № 2а-384/2018. URL: https://sevr--mrm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=33065295&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 22.08.2021).

Юридическая оценка позиции ФГКУ «Росвоенипотека» по проблеме. В январе 2017 г. ФГКУ «Росвоенипотека» признало наличие вышеописанной проблемы². Данное учреждение сделало запрос в Федеральную службу судебных приставов России (далее – ФССП России). Та, в свою очередь, направила в свои территориальные органы информационное письмо о недопустимости нарушения Федерального закона «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об исполнительном производстве) в части наложения ареста и обращения взыскания на денежные средства, находящиеся на специальных счетах участников НИС. Как считает ФГКУ «Росвоенипотека», данные денежные средства не являются доходом участника НИС, следовательно, они не могут выступать в качестве предмета обеспечения обязательств участника НИС. Вероятно, используя такую аргументацию, ФГКУ «Росвоенипотека» стремится обосновать, что денежные средства являются доходом кредитора, а не участника НИС, и по этой причине на них не может быть наложен арест или обращено взыскание.

Считаем утверждение о том, что средства на счете участника НИС не являются доходом последнего, очень спорным. Целевой характер денежных средств, перечисленных ФГКУ «Росвоенипотека» на банковский счет участника НИС, не приводит к утрате ими качества экономической выгоды участника НИС. До момента зачисления этих средств на счет кредитора, который в большинстве случаев на-

² Информация для участников НИС по вопросу арестов судебными приставами банковских счетов, открытых для перечисления средств ЦЖЗ. URL: https://www.rosvoenipoteka.ru/razdeli_podvala/lp/news/informaciya_dlya_uchastnikov_nis_po_voprosu_arestov_sudebnimi_prstavami_bankovskih_schetov_otkritih_dlya_perechisleniya_sredstv_cjz (дата обращения: 22.08.2021).

ступает в последний день календарного месяца, кредитор не может распоряжаться ими и, следовательно, они не являются его доходом. Кроме того, не следует забывать, что в случае частичного или полного досрочного погашения участником НИС своего долга по ипотечному кредиту за счет не заемных, а собственных средств последние первоначально зачисляются на банковский счет участника НИС, а уже затем перечисляются на расчетный счет кредитора. На эти средства, пока они находятся на банковском счете участника НИС, может быть наложен арест и обращено взыскание.

Исходя из вышеизложенного можно заключить, что по действующему законодательству об исполнительном производстве арест и обращение взыскания на денежные средства, находящиеся на банковском счете участника НИС, допустимы.

Следует также упомянуть, что в рамках своего разъяснения существующей проблемы ФГКУ «Росвоенипотека» указало участникам НИС на необходимость учитывать то обстоятельство, что судебный пристав не может однозначно определить принадлежность банковского счета участнику НИС. Это, по всей видимости, означает, что судебные приставы не располагают информацией о том, что должник – владелец счета, денежные средства на котором арестованы или взыскиваются, является участником НИС, а указанные средства – это средства ЦЖЗ. По этой причине ФГКУ «Росвоенипотека» рекомендует всем участникам НИС, в отношении которых возбуждено исполнительное производство, самостоятельно предъявлять в службу судебных приставов документы, подтверждающие принадлежность денежных средств на их счетах к денежным

средствам участников НИС, полученных по договору ЦЖЗ.

Заметим, что информационное письмо ФССП России и разъяснение с рекомендациями ФГКУ «Росвоенипотека» не привели к улучшению сложившегося положения дел. Более того, в 2018 г. были приняты Стандарты предоставления ипотечного кредита (займа) участникам накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих³, в п. 21 которых допускается возможность наложения ареста на счет и списания денежных средств со счета по исполнительному документу. В этом случае кредитор (заимодавец) в течение трех дней со дня совершения указанных действий обязан проинформировать ФГКУ «Росвоенипотека».

Ситуация стала усугубляться. К маю 2021 г. на банковские счета 3 215 военнослужащих – участников НИС судебными приставами был наложен арест в рамках принудительного исполнения судебных актов. Отмечается тенденция к увеличению числа таких случаев⁴.

Варианты решения проблемы. Одним из вариантов запрета на арест и обращение взыскания на денежные средства, зачисленные согласно договору ЦЖЗ на банковский счет участника НИС для последующего перечисления на счет кредитора в целях погашения ипотечного долга, могло бы стать прямое выведение средств, находящихся на счете участника

³ Об утверждении Стандарта предоставления ипотечного кредита (займа) участникам накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих: приказ Министра обороны Рос. Федерации от 9 окт. 2018 г. № 558. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О внесении изменений в статьи 40 и 101 Федерального закона «Об исполнительном производстве»: поясн. записка к проекту федерального закона ID 01/05/04-21/00115461. С. 1 – 2. URL: <https://regulation.gov.ru/Files/GetFile?fileid=e48e7e5b-4ff7-45b7-97a2-15cfd0302e8c> (дата обращения: 22.08.2021).

НИС, из-под действия ст.ст. 70 и 81 Закона об исполнительном производстве. Законодатель поступил таким образом, например, в отношении средств, находящихся на специальных избирательных счетах и специальных счетах фондов референдума (п. 14 ст. 70, п. 8 ст. 81 Закона об исполнительном производстве). Однако такое решение в отношении денежных средств, находящихся на счетах участников НИС, представляется неприемлемым. Как уже отмечалось нами выше, на банковском счете могут находиться не только заемные средства, перечисленные по договору ЦЖЗ, но и собственные средства участника НИС. Установление запрета на арест и обращение взыскания на последние может привести к злоупотреблениям со стороны военнослужащих-должников в рамках исполнительного производства.

Для решения рассматриваемой нами проблемы можно использовать подход, примененный Верховным Судом Российской Федерации при разрешении споров о допустимости списания денежных средств по исполнительным документам со специального банковского счета поставщика коммунальных услуг в смысле Федерального закона «О деятельности по приему платежей физических лиц, осуществляемой платежными агентами» от 3 июня 2009 г. № 103-ФЗ. Верховный Суд Российской Федерации занял позицию, в соответствии с которой денежные средства, поступающие на специальный счет поставщика, до их распределения по расчетным счетам поставщика и ресурсоснабжающих организаций, включают в себя платежи граждан за коммунальные услуги, оказанные ресурсоснабжающими организациями, и имеют специальное значение, следовательно, не могут быть

признаны денежными средствами поставщика. Списанию со специального счета подлежат исключительно денежные средства, принадлежащие только должнику, а не иным лицам⁵. Однако для применения описанного подхода требуется признание Верховным Судом Российской Федерации средств ЦЖЗ средствами, не принадлежащими участнику НИС. На наш взгляд, подобная квалификация будет довольно спорной.

Еще одним вариантом решения проблемы может стать включение средств ЦЖЗ, зачисляемых на банковский счет участника НИС для погашения ипотечного кредита, в нормативный перечень доходов, на которые не может быть обращено взыскание (ч. 1 ст. 101 Закона об исполнительном производстве). Этот подход не исключит возможности ареста и обращения взыскания на денежные средства, внесенные участником НИС на свой счет самостоятельно в целях частичного или полного погашения долга по ипотечному кредиту.

Законодательные изменения, предлагаемые Министерством обороны Российской Федерации. Данным министерством был разработан законопроект, направленный на исключение случаев наложения ареста и обращения взыскания на средства, перечисленные ФГКУ «Росвоенипотека» на банковские счета участников НИС⁶.

Разработчики законопроекта, в отличие от ФГКУ «Росвоенипотека», прямо признают, что действующим законодательством не запрещается наложение ареста судебными

⁵ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2016 г. № 303-КГ16-10101 по делу № А24-2370/2015. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ О внесении изменений в статьи 40 и 101 Федерального закона «Об исполнительном производстве»: паспорт проекта федерального закона ID 01/05/04-21/00115461. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=115461> (дата обращения: 22.08.2021).

приставами-исполнителями на денежные средства, поступившие на банковский счет участника НИС. Они совершенно справедливо отмечают, что сложившаяся ситуация отрицательно отражается на правах военнослужащих на жилищное обеспечение. Существующий порядок влечет нецелевое использование бюджетных средств, так как судебные приставы направляют взысканные денежные средства в счет погашения личных обязательств граждан-должников, хотя указанные средства предназначены для исполнения публичных обязательств Российской Федерации по жилищному обеспечению военнослужащих. Кроме того, как уже указывалось выше, арест денежных средств, находящихся на счете участника НИС, влечет возникновение просроченной задолженности военнослужащего по погашению ипотечного кредита и риск обращения взыскания кредитором на предмет залога – жилое помещение военнослужащего.

Считаем оправданным предложение разработчиков законопроекта включить отдельные виды доходов, связанные с вопросами жилищного обеспечения участников НИС, в закрепленный в ч. 1 ст. 101 Закона об исполнительном производстве перечень доходов, на которые не может быть обращено взыскание⁷. К таким доходам отнесены средства накоплений для жилищного обеспечения, денежные средства, дополняющие накопления для жилищного обеспечения, и средства единовременного начисления, предусмотренные Законом о НИС.

Также разработчики законопроекта предлагают законодательно установить

возможность приостановления исполнительного производства судебным приставом-исполнителем в отношении должника-военнослужащего, ранее уволенного без права на использование накоплений для жилищного обеспечения, повторно поступившего на военную службу и восстановленного в реестре участников НИС.

Данное предложение связано с многочисленными случаями заключения нового контракта должниками, ранее уволенными с военной службы без права на использование накоплений для жилищного обеспечения и обязанными по решению суда возратить государству средства ЦЖЗ. При этом такой контракт заключается в период применения судебными приставами-исполнителями мер принудительного исполнения судебного решения. Вследствие заключения нового контракта должник вновь включается в реестр участников НИС и ему возобновляется начисление за счет средств федерального бюджета накопительных взносов для жилищного обеспечения⁸. В данной ситуации дальнейшее принудительное исполнение решения суда может привести к изъятию у военнослужащего жилого помещения, приобретенного с использованием средств федерального бюджета. В то же время отказ уполномоченного органа от дальнейшего принудительного исполнения решения суда создаст риски невозможности взыскания долга в будущем, в случае если такой военнослужащий снова будет уволен с военной службы без права на жилищное обеспечение и при этом процессуальные сроки истекнут.

⁷ О внесении изменений в статьи 40 и 101 Федерального закона «Об исполнительном производстве»: проект федерального закона ID 01/05/04-21/00115461. URL: <https://regulation.gov.ru/Files/GetFile?fileid=c2d49354-bc30-4d4e-bb61-abf2c2636950> (дата обращения: 22.08.2021).

⁸ О внесении изменений в статьи 40 и 101 Федерального закона «Об исполнительном производстве»: поясн. записка к проекту федерального закона ID 01/05/04-21/00115461. С. 2 – 3.

ДЕНЕЖНОЕ ДОВОЛЬСТВИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И ВОЕННЫЕ ПЕНСИИ: КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОПТИМАЛЬНЫХ РАЗМЕРОВ

В.М. Корякин,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой «Гражданское право, международное частное право и гражданский процесс» Российского университета транспорта (РУТ (МИТ)), профессор Военного университета

В статье рассматриваются основные критерии определения оптимальных размеров денежного довольствия. Показаны изъяны действующего правового регулирования и правоприменительной практики в сфере денежного довольствия и военно-пенсионного обеспечения. Обоснованы некоторые предложения по совершенствованию критериев повышения денежного довольствия и военных пенсий. В частности, предложено использовать в этих целях институт минимального размера оплаты труда.

Практикой деятельности государства и его институтов по социальной защите населения давно доказано, что для того, чтобы данная деятельность носила целевой, адресный характер, а выделенные на эти цели бюджетные средства расходовались эффективно, у субъектов этой деятельности должны быть нормативно закрепленные ориентиры – социальные стандарты и нормативы, а также научно обоснованные критерии эффективности правоприменительной деятельности в социальной сфере.

В гражданском секторе социальной защиты граждан России такими ключевыми ориентирами являются:

– во-первых, *минимальный размер оплаты труда* (МРОТ). Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 1 октября 2009 г. № 1160-О-О подчеркнул, что институт минимального размера оплаты труда по своей конституционно-правовой природе предназначен для установления того минимума денежных средств, который должен быть гарантирован работнику в качестве вознаграждения за выполнение трудовых обязанностей с учетом прожиточного минимума;

– во-вторых, *прожиточный минимум*, под которым понимается «стоимостная величина минимального набора продуктов питания, товаров и услуг, достаточного для сохранения здоровья и обеспечения нормальной жизнедеятельности человека, а также для удовлетворения основных социальных и культурных потребностей»¹. Некоторые авторы, наряду с потребительской корзиной, вполне обоснованно включают в данное понятие также обязательные платежи и сборы, которые должен уплачивать каждый гражданин².

По соотношению двух данных показателей в значительной степени можно судить об эффективности социальной политики государства, о способности такого государства обеспечить подлинную социальную защищенность своих граждан. В 2019 г. произошло, можно без преувеличения сказать, историческое событие: впервые в России законодательно установлена норма о том, что с 1 января 2019 г. и далее ежегодно минимальный размер оплаты труда уста-

¹ Лоскутова Е.Ф. Прожиточный минимум и минимальный размер оплаты труда в Российской Федерации // Вестн. совр. исслед. 2018. № 5.2. С. 234.

² Антонова Н.В., Еремينا О.Ю. Социальные функции государства: новые векторы развития // Журн. рос. права. 2020. № 12. С. 89 – 102.

навливается соответствующим федеральным законом в размере прожиточного минимума для трудоспособного населения в целом по стране³, т. е. государство обязало всех работодателей выплачивать работникам вознаграждение за труд, которое бы обеспечивало хотя бы минимально

приемлемый уровень жизни. Безусловно, это решение является важнейшим шагом на пути России к подлинно социальному государству, указанному в Конституции Российской Федерации в качестве стратегической цели развития страны. Динамика этого соотношения за последнее десятилетие показана в таблице 1.

³ Федеральный закон от 28 декабря 2017 г. № 421-ФЗ.

Таблица 1

Соотношение минимального размера оплаты труда и величины прожиточного минимума в период 2012 – 2021 гг.

№ п/п	Год	Минимальный размер оплаты труда (руб.)	Прожиточный минимум (руб.)	Соотношение минимального размера оплаты труда и прожиточного минимума
1	2012	4 611	6 307	73,1 %
2	2013	5 520	7 633	72,3 %
3	2014	5 554	8 283	67,8 %
4	2015	5 965	10 404	57,3 %
5	2016	6 204	10 524	58,9 %
6	2017	7 800	10 701	72,9 %
7	2018	9 487	10 842	87,5 %
8	2019	11 280	11 653	96,8 %
9	2020	12 130	11 731	103,4 %
10	2021	12 792	12 702	100,7 %

В военно-социальном законодательстве данные показатели в настоящее время в качестве официальных социальных стандартов не применяются. Вместе с тем, следует напомнить, что до июля 2000 г. в п. 2 ст. 12 Федерального закона «О статусе военнослужащих» содержалась норма, согласно которой оклады по первичным воинским должностям солдат и матросов, проходящих военную службу по контракту, не могли быть менее пяти установленных законом МРОТ, а оклады по воинским званиям военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, – менее половины окладов по воинским должностям, т. е. был установлен фиксированный нижний предел размеров денежного довольствия военнослужащих. Кроме того, согласно п. 4 ст. 16 названного Закона военнослужащим ежегодно подлежала выплата

денежная компенсация на санаторно-курортное лечение в размере шести МРОТ.

Однако с 1 июля 2000 г. в связи с принятием Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» норма об учете МРОТ при исчислении размеров денежного довольствия военнослужащих из Федерального закона «О статусе военнослужащих» была исключена, а компенсация на санаторно-курортное лечение, исчисляемая в сумме, кратной МРОТ, заменена твердой денежной суммой – 600 руб. на самого военнослужащего и по 300 руб. на каждого члена семьи⁴. Основным мотивом такого решения явилась недостаточность бюджетных средств на реализацию данной нормы, а также придание законодателем МРОТу иного функционального предназначения.

⁴ В настоящее время такая компенсационная выплата упряднена.

Как представляется, поскольку сегодня ситуация существенно изменилась и МРОТ законодательно установлен на уровне прожиточного минимума, есть смысл вернуться к вопросу об использовании МРОТ в качестве инструмента регулирования размеров денежного довольствия военнослужащих. Например, по состоянию на сентябрь 2021 г. размер должностного оклада военнослужащего по первому (самому низшему) тарифному разряду составляет 10 848 руб., а оклад по воинскому званию рядового (матроса) – 5 424 руб.⁵ Как показано в таблице 1, в 2021 г. МРОТ составляет 12 792 руб., и он равен прожиточному минимуму, т. е. разница составляет чуть менее 2 000 руб. Есть все основания поставить вопрос-предложение: почему бы не установить этот первичный должностной оклад в размере одного МРОТ, а оклад в соответствии с присвоенным воинским званием – в половину МРОТ?

⁵ Приказ Министра обороны Российской Федерации «Об определении Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации и предоставления им и членам их семей отдельных выплат» от 6 декабря 2019 г. № 727.

Для остальных тарифных разрядов (их сегодня 50) и воинских званий (всего законодательством о военной службе предусмотрены 20 воинских званий) предлагается установить повышающие коэффициенты в процентном отношении к первичной воинской должности (1 тарифный разряд) и первичному воинскому званию (рядовой). Согласно действующей сетке окладов такой коэффициент, по нашим подсчетам, составляет, в частности:

а) по воинским должностям: 5 тарифный разряд (командир отделения) – 150 %; 10 тарифный разряд (командир взвода) – 200 %; 15 тарифный разряд (командир роты) – 225 %; 18 тарифный разряд (командир батальона) – 240 %; 23 тарифный разряд (командир полка) – 265 %;

б) по воинским званиям: сержант – 130 %; старший лейтенант – 210 %; майор – 230 %; полковник – 260 %.

Такое соотношение окладов предлагается сохранить. В случае если предложение об использовании МРОТ в качестве критерия исчисления окладов денежного довольствия будет реализовано, то сетка окладов могла бы иметь следующий вид (см. таблицу 2)

Таблица 2

Размеры окладов денежного довольствия военнослужащих: действующие и предлагаемые (при их исчислении в размерах, кратных МРОТ)

№ п/п	Должность, тарифный разряд	Оклад по воинской должности		Воинское звание	Оклад по воинскому званию	
		Действующий	Предлагаемый		Действующий	Предлагаемый
1	Стрелок (1 тарифный разряд)	10 848	12 792	Рядовой	5 424	6 396
2	Командир отделения (5 тарифный разряд)	16 271	19 188	Сержант	7 051	9 594
3	Командир взвода (10 тарифный разряд)	21 695	25 584	Старший лейтенант	11 390	12 792
4	Командир роты (15 тарифный разряд)	23 864	28 782	Капитан	11 932	14 391
5	Командир батальона (18 тарифный разряд.)	26 034	30 700	Майор	12 475	15 350
6	Командир полка (23 тарифный разряд)	28 746	33 259	Полковник	14 102	16 629

Поскольку денежное довольствие является для военнослужащих основным источником средств к существованию, а также с учетом того, что размеры денежного довольствия напрямую определяют размеры военных пенсий, принятие такого решения позволит, на наш взгляд, преодолеть многие проблемы в военно-социальной сфере, придаст политике в сфере доходов военнослужащих и военных пенсионеров качества определенности и предсказуемости. С организационной стороны это существенно упростит порядок принятия решений об определении размеров денежного довольствия и военных пенсий на очередной год и планирования военного бюджета. Принятие законодателем решения о повышении МРОТ автоматически, без проведения дополнительных расчетов, будет влечь необходимость провести соответствующий перерасчет денежных выплат военнослужащим и военным пенсионерам. Немаловажным является и то, что военно-социальная политика станет более сопряженной с об-

щими векторами социального развития государства, доходы военнослужащих и военных пенсионеров будут увязаны с размером прожиточного минимума, что предупредит появление семей военнослужащих, находящихся по уровню доходов ниже «черты бедности». Да и сам механизм повышения денежного довольствия военнослужащих и военных пенсий станет более простым и понятным для широких масс граждан, что немаловажно.

В настоящее время в качестве основного регулятора определения размеров денежного довольствия военнослужащих и военных пенсий используется уровень *инфляции*. Согласно п. 9 ст. 2 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ размеры окладов по воинским должностям и окладов по воинским званиям ежегодно увеличиваются (индексируются) с учетом уровня инфляции (потребительских цен). Однако на практике данная законодатель-

Таблица 3

Соотношение размера увеличения военных пенсий и уровня инфляции в Российской Федерации в 2013 – 2021 гг.

Год	Уровень инфляции (согласно законам о бюджете на соответствующий год)	Предполагаемый размер повышения военных пенсий с учетом подп. «г» п. 1 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 604	Фактический размер повышения военных пенсий	Нереализованный размер повышения военных пенсий
2013	5,5 %	7,5 %	4,05 %	– 3,45 %
2014	5,0 %	7,0 %	4,12 %	– 2,88 %
2015	12,2 %	14,2 %	4,66 %	– 9,54 %
2016	5,8 %	7,8 %	2,67 %	– 5,13 %
2017	3,2 %	5,2 %	2,78 %	– 2,42 %
2018	2,8 %	4,8 %	4,0 %	– 0,8 %
2019	4,3 %	6,3 %	5,75 %	– 0,55 %
2020	3,0 %	5,0 %	3,0 %	– 2,0 %
2021	3,7 %	5,7 %	3,7 %	– 2,0 %

ная норма в 2012 – 2017 гг. не действовала, поскольку со ссылкой на сложную финансово-экономическую ситуацию ее действие на каждый очередной год приостанавливалось, и лишь с 2018 г. такая индексация стала осуществляться⁶.

Используется данный норматив и при индексации военных пенсий: согласно подп. «г» п. 1 Указа Президента Российской Федерации «О дальнейшем совершенствовании военной службы в Российской Федерации» от 7 мая 2012 г. № 604 Правительству Российской Федерации предписано обеспечить ежегодное увеличение пенсий гражданам, уволенным с военной службы, не менее чем на 2 % сверх уровня инфляции (см. таблицу 3).

Однако, как наглядно видно из приведенной таблицы, это требование за 10 лет не было исполнено ни разу. Возникает риторический вопрос: по каким причинам это поручение главы государства не выполняется и понес ли кто-либо ответственность за неисполнение рассматриваемого социально значимого для миллионов

военных пенсионеров положения одного из «майских указов» Президента Российской Федерации? Данное обстоятельство подтверждает актуальность обоснованного выше предложения о законодательной привязке размеров денежного довольствия военнослужащих к МРОТ, хотя, конечно, с учетом складывающейся практики правоприменения в сфере денежных доходов военнослужащих и военных пенсионеров, это не дает гарантии их безусловного исполнения. Риски недостаточного финансирования исполнения данного законодательства, а также издержек организационно-распорядительного и контрольно-надзорного характера, к сожалению, сохраняются.

Богатую пищу для размышления о перспективах развития военно-социального права в части, касающейся пенсионного обеспечения граждан, уволенных с военной службы, дают данные официального сайта Министерства обороны Российской Федерации (Минобороны России) о фактических размерах военных пенсий (см. таблицу 4).

⁶ Более подробно см.: *Корякин В.М.* Денежное довольствие военнослужащих и военные пенсии: инфляция и индексация // *Право в Вооруженных Силах*. 2019. № 2. С. 14 – 19.

⁷ URL: <https://sc.mil.ru/social/itogi.htm> (дата обращения: 01.09.2021).

Таблица 4

Средние размеры пенсий пенсионеров Минобороны России

(по состоянию на 1 сентября 2020 г.)⁷

Наименование воинской должности, воинское звание, выслуга лет	Должностной оклад	Оклад по воинскому званию	Надбавка за выслугу лет		Размер пенсии		
			%	руб.	%	%	руб.
Командующий армией (44 тарифный разряд), генерал-лейтенант, выслуга 30 лет	41 340	24 580	40	26 368	80	73,68	54 398
Командир бригады (28 тарифный разряд), полковник, выслуга 25 лет	32 401	14 526	40	18 771	65	73,68	31 464
Командир полка (23 тарифный разряд), полковник, выслуга 25 лет	29 609	14 526	40	17 654	65	73,68	29 592

Командир батальона (18 тарифный разряд) подполковник, выслуга 25 лет	26 816	13 408	40	16 089	65	73,68	26 969
Командир роты (14 тарифный разряд), капитан, выслуга 23 года	24 580	12 290	30	11 061	59	73,68	20 836
Командир взвода (10 тарифный разряд), старший лейтенант, выслуга 20 лет	22 346	11 732	30	10 223	50	73,68	16 321
Старшина роты (9 тарифный разряд), старший прапорщик, выслуга 20 лет	20 111	9 498	30	8 883	50	73,68	14 180
Командир отделения (5 тарифный разряд), сержант, выслуга 20 лет	16 760	7 263	30	7 207	50	73,68	11 505
Старший гранатометчик (3 тарифный разряд), ефрейтор, выслуга 20 лет	13	13 408	30	5 866	50	73,68	9 364

Если сопоставить данные о размерах пенсий с величиной прожиточного минимума (12,702 руб.), то можно увидеть, что соотношение между ними составляет: для командующего армией – 4,28; для командира бригады – 2,48; для командира полка – 2,33; для командира батальона – 2,12; для командира роты – 1,64; для командира взвода – 1,28; для старшины роты – 1,11; для командира отделения – 0,9; для старшего гранатометчика – 0,74.

По расчетам социологов, устойчивость в социальном благополучии приобретает тот социальный слой населения, чьи доходы превышают прожиточный минимум в три раза, а превышение семи прожиточных минимумов относится к доходам верхнего слоя среднего класса, обеспечивающего стабильность общества и собственного положения⁸. Из данного тезиса следует вывод, что ныне действующая система военно-пенсионного законодательства способ-

на обеспечить социальное благополучие только пенсионеров из числа высших офицеров. Как представляется, обоснованное выше предложение о применении МРОТ в качестве критерия исчисления денежного довольствия военнослужащих позволит существенно продвинуться в росте качества жизни военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и их семей.

Очень важный норматив и целевой индикатор развития системы денежного довольствия военнослужащих определен в подп. «в» п. 1 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 604: Правительству Российской Федерации было предписано установить денежное довольствие военнослужащих на уровне не ниже уровня оплаты труда работников организаций ведущих отраслей экономики. В целях методического обеспечения реализации данной задачи приказом Росстата от 29 ноября 2018 г. № 703 утверждена Методика расчета показателя «Соотношение уровня денежного довольствия военнослужащих и

⁸ Бычков П.И. Оценка социально-экономического и правового положения военнослужащих по контракту Вооруженных Сил (теоретический и практический анализ) // Социально-гуманитар. знания. 2019. № 8. С. 264 – 272.

уровня оплаты труда работников организаций ведущих отраслей экономики».

К сожалению, официальной информации о том, как выполняется данное поручение, нам обнаружить не удалось ни на сайте Минобороны России, ни в каких-либо иных базах данных. Лишь в выступлениях руководителей военного ведомства можно иногда услышать утверждение о том, что размеры денежного довольствия военнослужащих сегодня соответствуют оплате труда работников ведущих отраслей экономики. При этом каких-либо конкретных

цифр и статистических данных не приводится.

Таким образом, сложившаяся система денежного довольствия военнослужащих и пенсионного обеспечения лиц, проходивших военную службу, требует оптимизации и совершенствования в части, касающейся критериев и нормативов их повышения. Выказанное в настоящей публикации предложение о привязке размеров окладов денежного довольствия к МРОТ, является, по нашему мнению, вполне разумным и обоснованным.

О СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ РАЗРЕШЕНИЯ ВОЕННЫМИ СУДАМИ ДЕЛ, СВЯЗАННЫХ С ОБЕСПЕЧЕНИЕМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ДЕНЕЖНЫМ ДОВОЛЬСТВИЕМ

С.С. Харитонов,

кандидат юридических наук, профессор, полковник юстиции запаса;

А.В. Малаханов,

юрист, подполковник запаса

В статье дан анализ судебных решений по разрешению споров применительно к денежному довольствию и отдельным выплатам военнослужащих. Показана необходимость единого понимания и толкования правовых предписаний в указанной сфере военно-административных отношений.

Военная служба предопределяет динамику статуса военнослужащего, в том числе и изменение его денежного вознаграждения, обусловленного его должностью, воинским званием, выполнением специальных обязанностей и другими реалиями, правовое регулирование которых основано на военно-административных нормах. С учетом многообразия условий, влияющих в каждый конкретный момент времени на определенное правовое положение военнослужащего по отношению к другим субъектам военно-административных отношений, важно правильно применять нор-

мы множества нормативных актов разной юридической силы, регулирующих вопросы обеспечения военнослужащих денежным довольствием и иными выплатами. Следует подчеркнуть, что регулирование денежного довольствия военнослужащих в контексте выявления дефектов правовых предписаний в целях их корректировки по-прежнему в центре внимания юристов, специализирующихся в военном праве¹.

¹ См., напр.: Ильин Ю.А. Денежное довольствие военнослужащих в современной России // Воен. право: электрон. науч. изд. 2018. Вып. № 5. С. 68 – 76; Корякин В.М., Кудашкин А.В., Фатеев К.В. Военно-административное право (военная администрация): учеб. М., 2008. 496 с.; Корякин В.М. Денежное довольствие военнослужащих и военные пенсии: инфляция

Вместе с тем, полагаем, что именно последние по времени принятия судебные решения по спорам, связанным с денежным довольствием, находящиеся в общедоступном интернет-пространстве, что характеризует открытость военно-судебной системы, дают ориентир военнослужащим, командирам, военным прокурорам в понимании правовых предписаний, регулирующих многообразность военно-административных отношений. А с учетом сложившейся практики обращения военнослужащих в военные суды за защитой своих прав представляется возможным рекомендовать ознакомление с судебной практикой по данным категориям споров и таким образом избежать выяснения отношений в судебном заседании.

Так, по-прежнему актуальным остается вопрос возврата военнослужащими денежного содержания, которое поступило им на банковские карточки в случаях, когда не было правовых оснований для начислений тех или иных сумм. Важным этапом в формировании судебной практики по этой проблеме стало постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 марта 2021 г. № 8-П, которым дана оценка конституционности подп. 3 ст. 1109 ГК РФ. Согласно указанному законоположению не подлежат возврату в качестве неосновательного обогащения заработная плата и приравненные к ней платежи, пенсии, пособия, стипендии, возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью, алименты

и индексация // *Право в Вооруженных Силах*. 2019. № 2. С. 14 – 20; *Корякин В.М., Харитонов В.С.* Некоторые вопросы признания правовых актов недействующими (по материалам судебной практики) // *Воен. право: электрон. науч. изд.* 2020. Вып. № 6. С. 127 – 132; *Сливков А.С.* Правовое регулирование денежного довольствия военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015; *Туганов Ю.Н., Харитонов В.С.* О конфликте интересов при исполнении судьями военных судов своих полномочий // *Военно-юрид. журн.* 2020. № 8. С. 25 – 28 и др.

и иные денежные суммы, предоставленные гражданину в качестве средства к существованию, при отсутствии недобросовестности с его стороны и счетной ошибки. Оспоренное законоположение признано не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку не предполагает взыскания с военнослужащего, в том числе после увольнения с военной службы, полученных им в период ее прохождения сумм дополнительного материального стимулирования, предусмотренного нормативными правовыми актами в качестве периодических выплат за счет бюджетных средств, выделяемых на денежное довольствие военнослужащих, в случае выявления после их выплаты обстоятельств, препятствовавших предоставлению такого материального стимулирования, при отсутствии недобросовестности со стороны военнослужащего и счетной ошибки².

В указанном постановлении Конституционного Суда Российской Федерации отмечено, что:

– во-первых, по своей правовой природе денежное довольствие военнослужащих сопоставимо с заработной платой, которая представляет собой вознаграждение за труд, предназначенное работнику как стороне трудового договора и выплачиваемое ему работодателем в зависимости от квалификации работника, сложности, количества, качества и условий выполняемой работы, включающее также компенсационные и стимулирующие выплаты;

– во-вторых, чч. 1 и 2 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ

---

² Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за первый квартал 2021 года. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

(далее – Закон о денежном довольствии военнослужащих), закрепляя понятие «денежное довольствие военнослужащих» и определяя его состав применительно к военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, направлены на оплату воинского труда (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2018 г. № 2308-О), что позволяет рассматривать денежное довольствие этой категории военнослужащих в качестве выплаты, приравненной к заработной плате;

– в-третьих, денежное довольствие военнослужащих, проходящих военную службу по контракту (соответственно и все составные его части, включая дополнительное материальное стимулирование), являясь формой оплаты их труда, по смыслу подп. 3 ст. 1109 ГК РФ представляет собой платеж, приравненный к заработной плате;

– в-четвертых, наличие либо отсутствие при начислении и выплате дополнительного материального стимулирования признаков недобросовестности в действиях военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, не обладающего для этого специальными знаниями и навыками, относится к обстоятельствам, которые подлежат оценке судом, рассматривающим возникший спор, связанный со взысканием неосновательного обогащения.

Таким образом, если военнослужащему по ошибке кадровых, финансовых органов или командира начислены «лишние» деньги (например, при нахождении в распоряжении командира – премия, или начислены «северные» или «горные», хотя военнослужащий уже давно служит в Москве или Твери), то взыскать их обратно будет проблематично. Это подтверждает и последняя по времени судебная практика Судебной

коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда России³.

В связи с изменениями в процедуре кассационного производства, законодательным решением о дифференциации кассационного производства на два вида (сплошную кассацию и выборочную кассацию) особый интерес, наверное, представляет практика оценки решений гарнизонных и окружных (флотских) военных судов Кассационным военным судом по вопросу взысканий с военнослужащих. Поясним это на двух примерах. Первый из них подтверждает, что *в случае выплаты военнослужащему на основании приказа дополнительного материального стимулирования, входящего в состав денежного довольствия, эти денежные средства при отсутствии при их начислении счетной ошибки или недобросовестных действий самого военнослужащего не могут считаться неосновательным обогащением и не подлежат возврату.*

Итак, решением гарнизонного военного суда, оставленным без изменения апелляционным определением флотского военного суда, удовлетворено исковое заявление командира воинской части о взыскании с К. денежных средств, выплаченных в качестве дополнительного материального стимулирования, предусмотренного приказом Министра обороны Российской Федерации от 26 июля 2010 г. № 1010, утвердившим Порядок определения и расходования объемов бюджетных средств, направляемых на дополнительные выплаты военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, и премии лицам гражданского

³ Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 8 июня 2021 г. № 226 КГ21-1-К10 по исковому заявлению командира воинской части к М. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

персонала Вооруженных Сил Российской Федерации, за 1-й и 4-й кварталы 2017 г.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе К., Кассационный военный суд судебные постановления отменил и принял по делу новое решение – об отказе командиру воинской части в удовлетворении исковых требований, приведя в обоснование следующие доводы.

Из материалов дела следует, что на основании приказа Министра обороны Российской Федерации от 26 июля 2010 г. № 1010 К. приказом командира воинской части от 5 декабря 2017 г. установлено дополнительное материальное стимулирование по результатам военной службы за 2017 г. в размере 60 030 руб. Финансовой проверкой, проведенной в феврале 2019 г., выявлено, что премия К. установлена в нарушение названного приказа Министра обороны Российской Федерации, поскольку в 1-м квартале 2017 г. К. оценивался по физической подготовленности на «неудовлетворительно» и отсутствовал без уважительных причин на зачетах по физической подготовке в декабре 2017 г. После этого командир воинской части обратился в гарнизонный военный суд с иском о взыскании с К. выплаченного в 2017 г. дополнительного материального стимулирования.

Удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что право на получение указанного стимулирования К. не имел, в связи с чем излишне выплаченные денежные суммы не могли быть отнесены к денежному довольствию и приравнены к заработной плате. На основании этого вывода суд посчитал, что выплаченные суммы не относятся к неосновательному обогащению, не подлежащему возврату. Однако такие выводы суда основаны на не-

правильном применении норм материального права.

Пунктом 2 приказа Министра обороны Российской Федерации от 26 июля 2010 г. № 1010 по результатам военной службы предусмотрена возможность обеспечения военнослужащих дополнительным материальным стимулированием за счет бюджетных средств, выделенных на денежное довольствие военнослужащих, проходящих военную службу по контракту. Названный приказ принят в соответствии с Указом Президента Российской Федерации «О дополнительных мерах по повышению эффективности использования средств на оплату труда работников федеральных органов исполнительной власти» от 26 декабря 2006 г. № 1459, которым Министру обороны Российской Федерации предоставлено право использовать разницу между средствами, выделяемыми из федерального бюджета на соответствующий год на денежное довольствие военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, и средствами федерального бюджета, предназначенными для содержания фактической численности указанных военнослужащих, имеющейся на 1 января соответствующего года, и материального стимулирования военнослужащих в виде дополнительной выплаты наряду с дополнительными выплатами, установленными законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. Согласно п. 2 приказа Министра обороны Российской Федерации от 26 июля 2010 г. № 1010 и п. 11 Порядка, утвержденного данным приказом, дополнительное материальное стимулирование производится периодически (ежеквартально, соответственно при наличии в определенном периоде разницы между предусмотренными

и выплаченными исходя из фактической численности средствами) и, будучи обусловленным эффективностью исполнения военнотружущим своих обязанностей, не предоставляется, в частности, тем из них, кто имеет дисциплинарные взыскания за совершенные грубые дисциплинарные проступки в период, за который производится дополнительная выплата, либо неудовлетворительные результаты по профессионально-должностной (командирской) и физической подготовке, а также допустил нарушения в финансово-экономической и хозяйственной деятельности. Таким образом, дополнительное материальное стимулирование является периодической выплатой, предоставляемой военнотружущим, проходящим военную службу по контракту, за счет бюджетных средств, выделенных на денежное довольствие военнотружущих, и непосредственно обусловленной надлежащим исполнением ими своих служебных обязанностей.

Несмотря на то что Законом о денежном довольствии военнотружущих дополнительное материальное стимулирование к денежному довольствию военнотружущих непосредственно не отнесено, основания и условия предоставления указанной выплаты, характеризующие ее правовую природу, позволяют признать ее составным элементом системы оплаты воинского труда, входящим в состав денежного довольствия лиц, проходящих военную службу по контракту, установленным Президентом Российской Федерации в соответствии с ч. 34 ст. 2 названного Федерального закона. Следовательно, денежное довольствие военнотружущих, проходящих военную службу по контракту (соответственно и все составные его части, включая дополнительное материальное стимулирование), являясь

формой оплаты их труда, по смыслу подп. 3 ст. 1109 ГК РФ представляет собой платеж, приравненный к заработной плате. В то же время в соответствии с подп. 3 ст. 1109 ГК РФ заработная плата и приравненные к ней платежи при отсутствии недобросовестности со стороны лиц, их получающих, и счетной ошибки не подлежат возврату в качестве неосновательного обогащения.

Таким образом, поскольку выплата дополнительного материального стимулирования К. производилась на основании приказа командира воинской части, при этом со стороны военнотружущего отсутствовала недобросовестность и не усматривается счетной ошибки при начислении указанного материального стимулирования, суд кассационной инстанции посчитал выводы судов о взыскании с ответчика полученных денежных средств в качестве неосновательного обогащения не основанными на законе⁴.

Применительно ко второму примеру отметим, что по-прежнему актуальны споры о размере премии, которая выплачивается военнотружущему за высокие показатели в служебной деятельности, хотя позиция военных судов подтверждает приоритет командира в решении этого вопроса. Другими словами, *размер премии за добросовестное и эффективное исполнение военнотружущим должностных обязанностей устанавливается командиром (начальником) в пределах представленных ему дискреционных полномочий*, что подтверждено итогами рассмотрения дела в кассационной инстанции.

⁴ Кассационное определение Кассационного военного суда от 21 апреля 2021 г. № 88-665/2021 по гражданскому делу в отношении К. URL: https://vkas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=2942857&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1 (дата обращения: 30.08.2021).

Решением гарнизонного военного суда, которое оставлено без изменения апелляционным определением окружного военного суда, признаны нарушенными права административного истца К. в связи с изданием командиром воинской части приказа о снижении размера премии за добросовестное и эффективное исполнение должностных обязанностей в июне 2019 г. При этом судебные инстанции сочли необходимым в целях восстановления прав К. обязать привлеченное к участию в деле в качестве ответчика воинское должностное лицо внести изменения в оспоренный приказ, установив К. данную премию в размере 25 % оклада его денежного содержания.

В данной части судебные акты изменены Кассационным военным судом по следующим основаниям.

Согласно п. 4 Правил выплаты военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, премии за добросовестное и эффективное исполнение должностных обязанностей, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 5 декабря 2011 г. № 993 (далее – Правила выплаты военнослужащим премии), ее размеры в зависимости от качества и эффективности исполнения военнослужащими должностных обязанностей, а также порядок выплаты устанавливаются в отношении военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации Министром обороны Российской Федерации. В соответствии с п. 79 Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 30 декабря 2011 г. № 2700, действовавшего на момент возникновения

спорных отношений⁵, указанная премия подлежала выплате на основании приказа соответствующего командира (начальника) в размере до 25 % оклада денежного содержания в месяц. При этом конкретный размер премии поставлен в зависимость от качества и эффективности исполнения военнослужащими должностных обязанностей в месяце, за который производится выплата премии, с учетом имеющихся дисциплинарных взысканий за совершенные дисциплинарные проступки, результатов по профессионально-должностной (командирской) и физической подготовке, а также нарушений в финансово-экономической и хозяйственной деятельности, повлекших ущерб для Вооруженных Сил и отраженных в актах ревизий (проверок отдельных вопросов) финансово-экономической и хозяйственной деятельности (п. 80 вышеназванного Порядка).

Основания для невыплаты военнослужащим указанной премии определены в п. 6 Правил выплаты военнослужащим премии и в п. 82 Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих (п. 78 нового Порядка).

Кроме того, согласно п. 33 УВС ВС РФ единоначалие выражается в праве командира (начальника), исходя из всесторонней оценки обстановки, единолично принимать решения, отдавать в установленном порядке соответствующие приказы и обеспечивать их выполнение. При этом в силу абз. 10 п. 83 названного Устава к общим обязанностям командира воинской части относится систематическое подведение с подчиненными итогов боевой подготовки, состо-

⁵ Пункт 75 Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации и предоставления им и членам их семей отдельных выплат, утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 6 декабря 2019 г. № 727.

яния воинской дисциплины, поддержания внутреннего порядка и определение мер по улучшению полученных результатов.

Таким образом, исходя из приведенного нормативного регулирования оценка эффективности служебной деятельности военнослужащего и, как следствие, определение полагающегося к установлению размера премии отнесены к исключительной компетенции соответствующего командира. Такой подход согласуется с содержащимися в п. 62 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» от 27 сентября 2016 г. № 36 разъяснениями о том, что суд не осуществляет проверку целесообразности оспариваемых решений, действий (бездействия) должностных лиц, принимаемых, совершаемых ими в пределах своего усмотрения в соответствии с компетенцией, предоставленной законом или иным нормативным правовым актом⁶.

В то же время есть понимание, что основная часть споров в сфере денежных выплат военнослужащим разрешается гарнизонными и окружными (флотскими) военными судами.

В связи со сказанным выше по причине частых командировок военнослужащих по-прежнему остры *споры об отказах финансовых органов в оплате расходов по возмещению им стоимости проживания и проезда к месту выполнения служебного задания и обратно.*

Так, решением гарнизонного военного суда удовлетворены требования П., свя-

занные с возмещением стоимости проезда к месту выполнения служебного задания и обратно. Удовлетворяя заявление, суд указал, что в соответствии со ст. 3 Федерального закона «О статусе военнослужащих» для военнослужащих устанавливается единая система правовой и социальной защиты, а также материального и иных видов обеспечения с учетом занимаемых воинских должностей, присвоенных воинских званий, общей продолжительности военной службы, выполняемых задач, условий и порядка прохождения ими военной службы.

Социальная защита военнослужащих является функцией государства и предусматривает, в частности, обеспечение органами военного управления реализации военнослужащими прав, социальных гарантий и компенсаций при исполнении ими обязанностей военной службы. Также суд обоснованно сослался на пп. 4 и 5 ст. 18 Федерального закона «О статусе военнослужащих», согласно которым убытки, причиненные военнослужащим, находящимся при исполнении ими обязанностей военной службы, возмещаются за счет средств федерального бюджета в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. В связи с этим суд сделал правильный вывод, что военнослужащим должны быть возмещены расходы, понесенные ими при приобретении за счет личных средств проездных билетов для следования к месту выполнения служебного задания в ином населенном пункте и месту прохождения военной службы после его выполнения. Отсутствие ведомственного регулирования вопроса о возмещении военнослужащим расходов на проезд к месту выполнения служебного задания и обратно не может

⁶ Обзор судебной практики Кассационного военного суда по административным и гражданским делам во втором полугодии 2020 г., утвержденный президиумом Кассационного военного суда 3 февраля 2021 г. URL: https://vkas.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=16 (дата обращения: 30.08.2021).

ограничивать их прав, предоставленных законом.

Следовательно, то обстоятельство, что служебные поездки не являются командировками, не может служить основанием для ограничения прав военнослужащих, предоставленных законом, в случае если они были вынуждены за свой счет нести дополнительные расходы в связи с указанными поездками в целях выполнения отданных им в установленном порядке распоряжений командования. При рассмотрении таких дел не следует путать Перечень мероприятий, проводимых вне пункта постоянной дислокации воинской части, за период непосредственного участия в которых выплачивается ежемесячная надбавка за выполнение задач, непосредственно связанных с риском для жизни и здоровья в мирное время, утвержденный приказом Министра обороны Российской Федерации от 19 ноября 2014 г. № 844, по которому производится выплата надбавки за риск, с Перечнем мероприятий, которые проводятся при необходимости без ограничения общей продолжительности еженедельного служебного времени военнослужащих, утвержденный приказом Министра обороны Российской Федерации от 10 ноября 1998 г. № 492, в соответствии с которым выплачивается денежная компенсация за сутки отдыха⁷.

Другой пример подтверждает, что *расходы, понесенные военнослужащим на приобретение билетов к месту выполнения служебного задания, подлежат возмещению.*

⁷ Информационная справка о практике рассмотрения гарнизонными военными судами дел, связанных с денежным довольствием и дополнительными выплатами, а также со взысканием с военнослужащих излишне выплаченных денежных средств и привлечением их к материальной ответственности, утвержденная постановлением президиума Южного окружного военного суда от 11 декабря 2020 г. № 37. URL: http://ovs.ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_community&id=295 (дата обращения: 02.09.2021).

Решением гарнизонного военного суда отказано в удовлетворении административного искового заявления А., в котором он просил признать незаконным решение финансового органа об отказе в возмещении расходов по проезду от Анапы до Санкт-Петербурга.

Апелляционным определением окружного военного суда решение отменено, и по делу принято новое решение – об удовлетворении требований А. по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что в соответствии с приказом командира воинской части А. на период с 5 февраля по 29 декабря 2019 г. направлялся для выполнения в полевых условиях учебно-боевых и специальных задач и находился в составе Центра специальной подготовки (далее – Центр) (ст. Раевская, г. Новороссийск). Для указанных целей, в том числе для следования после выполнения задач к месту прохождения военной службы в Санкт-Петербург, А. 1 февраля 2019 г. были выданы воинские проездные документы (ВПД), срок действия которых истек 1 мая 2019 г.

6 февраля 2019 г. А. прибыл в Центр, приступил к выполнению задач, а 30 сентября 2019 г., получив предписание начальника Центра, убыл к месту постоянной службы. В связи с истечением срока действия ВПД их замена А. не производилась по причине их отсутствия в Центре. Такая замена планировалась в период с 28 октября по 3 ноября 2019 г. А., в свою очередь, через терминал банка 29 сентября 2019 г. приобретен электронный билет на проезд железнодорожным транспортом от Анапы до Санкт-Петербурга. Предварительно он обращался с просьбой о выдаче ВПД в военный комиссариат по месту нахождения Центра, но получил отказ, а линейный ор-

ган военных сообщений в данной местности отсутствовал.

2 октября 2019 г. А. по месту службы подал рапорт о возмещении понесенных расходов. Командир воинской части направил необходимые документы для исполнения в финансовый орган, которым в возмещении расходов было отказано на том основании, что выполнение военнослужащими учебно-боевых (специальных) задач в полевых условиях не считается служебной командировкой, а приобретение для этих целей проездных документов возможно только путем использования ВПД.

Согласно действовавшему в период возникновения спорных правоотношений подп. «и» п. 125 Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих выполнение А. указанных задач служебной командировкой действительно не считалось. Вместе с тем, А. на момент убытия из Центра не был обеспечен действующими ВПД по независящим от него причинам. При этом требования ст. 39 УВС ВС РФ и ст. 9 ДУ ВС РФ не освобождали его от обязанности исполнить предписание об убытии к постоянному месту прохождения военной службы.

Согласно п. 1 ст. 20 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие имеют право на проезд на безвозмездной основе железнодорожным, воздушным, водным и автомобильным (за исключением такси) транспортом в служебные командировки. Таким военнослужащим возмещаются расходы, связанные с проездом, на основании пп. 1 и 6 Постановления Правительства Российской Федерации от 20 апреля 2000 г. № 354 «О порядке возмещения расходов, связанных с перевозкой военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов

их семей, а также их личного имущества» и изданным во исполнение данного постановления приказом Министра обороны Российской Федерации от 8 июня 2000 г. № 300. Подпунктом «е» п. 42 Порядка случаев и особенностей оформления, выдачи и использования воинских перевозочных документов, отчетности по ним и организации контроля за их использованием и установления категорий проезда военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей на железнодорожном, воздушном, водном и автомобильном (за исключением такси) транспорте, утвержденным приказом Министра обороны Российской Федерации от 27 декабря 2017 г. № 815, определено, что военнослужащим, направляемым в составе воинских частей (подразделений) или в одиночном порядке (при следовании в пункт временной дислокации воинской части (подразделения) или обратно) для отработки задач по боевой (учебно-боевой) подготовке в учебные центры, лагеря, на запасные аэродромы и (или) привлекаемым к участию в маневрах, полевых и командно-штабных учениях (играх), в походах кораблей, других мероприятиях боевой (учебно-боевой) подготовки вне пункта постоянной дислокации воинской части, выдаются воинские перевозочные документы для проезда к месту проведения мероприятия и обратно. Данный приказ, также изданный во исполнение Постановления Правительства Российской Федерации от 20 апреля 2000 г. № 354, запрета на возмещение расходов на проезд не содержит.

Так как поездка, в результате которой А. понес обоснованные расходы, осуществлялась во исполнение приказа о выполнении служебного задания, связанного с обеспечением обороны страны и безопасности

государства, финансирование таких расходов на основании п. 1 ст. 26 Федерального закона «Об обороне» должно производиться за счет средств федерального бюджета, выделяемых для обеспечения деятельности военного ведомства⁸.

Также в связи с ротацией военнослужащих все чаще стали возникать вопросы, касающиеся социальной защиты членов семей военнослужащих. В этой связи следует обратить внимание на то, что *выплата выходного пособия не производится супруге военнослужащего, расторгнувшей трудовой договор по месту службы последнего в связи с его переводом из воинской части, дислоцированной на территории иностранного государства, к новому месту службы на территорию Российской Федерации.*

Например, решением гарнизонного военного суда удовлетворено заявление О., который оспорил отказ финансового органа, не согласовавшего проект приказа командования о выплате ему выходного пособия в связи с расторжением супругой трудового договора вследствие перевода его из воинской части, находящейся на территории иностранного государства, к новому месту военной службы в Россию.

Суд первой инстанции, ссылаясь на положения п. 1 приказа Министра обороны Российской Федерации «О выплате женам военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, выходного пособия в случаях расторжения ими трудового договора в связи с перемещением военнослужащих к новому месту военной службы

в другую местность» от 11 июля 2002 г. № 265, исходил из того, что перевод военнослужащего из расположенного за пределами России (Республика Южная Осетия) места военной службы в другую местность в России, не может являться основанием для отказа в выплате его супруге, расторгнувшей по месту службы в связи с этим трудовой договор, названного выходного пособия.

С таким выводом окружной военный суд не согласился и указал, что Постановлением Совета Министров РСФСР «Об усилении социальной защищенности военнослужащих, проходящих службу на территории РСФСР» от 5 ноября 1991 г. № 585 (действовавшим до 1 февраля 2020 г.) и изданным в его исполнение приказом Министра обороны Российской Федерации от 11 июля 2002 г. № 265 предусмотрена выплата выходного пособия женам проходящих военную службу по контракту военнослужащих при условии перевода военнослужащего из одной местности в другую в пределах России либо с территории Российской Федерации в иную местность бывшего СССР. Выплата выходного пособия в случае перевода военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, с территории иностранного государства на территорию России не предусмотрена. Поскольку О. был переведен к новому месту военной службы из воинской части, дислоцированной в Республике Южная Осетия, то оснований для выплаты выходного пособия его супруге не имеется. В апелляционном порядке решение суда отменено и принято новое решение – об отказе в удовлетворении заявленных истцом требований. Кроме того, установленная Постановлением Совета Министров РСФСР от 5 ноября 1991 г. № 585 социальная гарантия распространяется только на военнослужащих

⁸ Обзор судебной практики гарнизонных военных судов по гражданским и административным делам за 1-е полугодие 2020 года, утвержденный президиумом 1-го Западного окружного военного суда 20.07.2020, URL: http://1zovs.spb.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=277 (дата обращения: 02.09.2021).

щих Вооруженных Сил Российской Федерации и не касается военнослужащих иных силовых ведомств⁹.

В развитие темы компенсации военнослужащим и членам их семей расходов на поездки к новому месту службы нельзя не упомянуть и подъемное пособие, имея в виду, что *право на подъемное пособие неразрывно связано с основанием переезда военнослужащего, предполагающим дальнейшее прохождение им военной службы на соответствующей должности в другом населенном пункте.*

Непосредственно связано с изложенным выше решение гарнизонного военного суда, оставленным без изменения апелляционным определением флотского военного суда, которым удовлетворено административное исковое заявление Ф., в котором он просил признать незаконным отказ финансового органа согласовать проект приказа командующего флотом о выплате ему подъемного пособия.

Согласно материалам дела проходящий военную службу по контракту Ф. приказом Министра обороны Российской Федерации от 21 июня 2019 г. после окончания военного вуза назначен на соответствующую воинскую должность, в связи с чем переехал к месту службы из Санкт-Петербурга во Владивосток, но в исполнение обязанностей по должности не вступил в связи с ее замещением другим военнослужащим. На основании приказа командующего флотом от 27 августа 2019 г. Ф. зачислен в списки личного состава технического управления

флота и поставлен на все виды обеспечения. Приказом этого же должностного лица от 5 сентября 2019 г. Ф. назначен в пределах указанного управления на иную воинскую должность, дела по которой принял 10 сентября 2019 г.

10 сентября 2019 г. Ф. обратился к командованию с рапортом о выплате подъемного пособия, о чем подготовлен надлежащий проект приказа, который направлен начальнику финансового органа для согласования. Оспоренным решением должностного лица финансового органа в согласовании проекта этого приказа отказано по причине невступления Ф. в исполнение обязанностей по первоначальной воинской должности.

В соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 3 Закона о денежном довольствии военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, при переезде на новое место (к месту) военной службы в другой населенный пункт в связи с назначением на воинскую должность производится выплата подъемного пособия в размере одного оклада денежного содержания. Аналогичные положения закреплены в подп. «а» п. 131 действовавшего на момент возникновения спорных отношений Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих. Одновременно п. 132 названного Порядка определено, что подъемное пособие выплачивается на основании приказа соответствующего командира (начальника) исходя из оклада по воинской должности, получаемого военнослужащим на день вступления в исполнение обязанностей по этой должности, на которую он назначен, и оклада по воинскому званию. Таким образом, право на подъемное пособие неразрывно связано с основанием переезда военнослужащего, предполагающим дальнейшее прохожде-

⁹ Информационная справка о практике рассмотрения гарнизонными военными судами дел, связанных с денежным довольствием и дополнительными выплатами, а также со взысканием с военнослужащих излишне выплаченных денежных средств и привлечением их к материальной ответственности, утвержденная постановлением президиума Южного окружного военного суда от 11 декабря 2020 г. № 37. URL: http://yovs.ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_community&id=295 (дата обращения: 30.08.2021).

ние им военной службы на соответствующей должности в другом населенном пункте.

С учетом изложенного, а также установленных по делу обстоятельств суд пришел к обоснованному выводу о наличии у Ф. права на выплату подъемного пособия, поскольку он после окончания вуза фактически переехал к новому месту службы и вступил в исполнение обязанностей по воинской должности. То, что Ф. не вступил в исполнение обязанностей по воинской должности, на которую он был назначен первоначально, основанием к ограничению его права на получение подъемного пособия служить не может, так как обстоятельства, связанные с назначением на данную должность, и последующее перемещение по службе от воли Ф. не зависели¹⁰.

Выплата материальной помощи, законность ее начисления составляет значительную часть судебных споров между командованием и увольняемым военнослужащим, что позволяет еще раз отметить, что *материальная помощь не выплачивается военнослужащим, увольняемым с военной службы в конце текущего года с предоставлением им при увольнении отпуска, завершающегося в следующем году, за год, в котором оканчивается отпуск.*

Приведем пример. Решением гарнизонного военного суда удовлетворено административное исковое заявление М. в той части, в которой он просил признать незаконным отказ командования в выплате ему материальной помощи за 2020 г. Апелляционным определением флотского военного

суда решение в указанной части отменено, и по делу принято новое решение – об отказе М. в удовлетворении заявленного требования по следующим основаниям.

Согласно п. 1 Правил выплаты военнослужащим премии, а также п. 79 Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих ежегодная материальная помощь в размере одного оклада денежного содержания выплачивается военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, по их рапорту. По смыслу приведенных норм выплата материальной помощи носит заявительный характер и производится лишь тем военнослужащим, которые обратились за ней в установленном порядке. Исключение из этого правила предусмотрено п. 3 Правил и п. 80 Порядка для военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, имеющих право на получение материальной помощи, но не обратившихся за ней в текущем году. Таким военнослужащим материальная помощь выплачивается одновременно с денежным довольствием за декабрь текущего года. Однако оснований для применения данных правовых норм в отношении М. не усматривалось.

В соответствии с п. 6 Правил и п. 84 Порядка материальная помощь не выплачивается военнослужащим, увольняемым с военной службы в конце текущего года с предоставлением им при увольнении отпуска, оканчивающегося в следующем году, за год, в котором оканчивается отпуск. По делу установлено, что с 19 декабря 2019 г. по 26 февраля 2020 г. командованием воинской части М. предоставлен основной отпуск за 2019 г., по окончании которого М. исключен из списков личного состава воинской части в связи с увольнением. Удовлетворяя требование М. о вы-

¹⁰ Обзор практики применения военными судами в 2020 году законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 9 июня 2021 г. URL: http://severnfyfs.mrm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=330 (дата обращения: 31.08.2021).

плате ему материальной помощи за 2020 г., суд первой инстанции не учел, что в этом году М. обязанности военной службы не исполнял и по окончании отпуска за 2019 г. подлежал исключению из списков личного состава части в связи с увольнением¹¹.

Современная Российская армия характеризуется не только увеличением числа нового оружия, но и повышением мобильности в целях быстрой переброски войск на угрожаемые направления. Поэтому увеличивается число военнослужащих, выполняющих прыжки с парашютом, за которые предусмотрена доплата. Одновременно следует учитывать, что *условием выплаты надбавки за особые условия службы военнослужащим, проходящим военную службу на воинских должностях, исполнение обязанностей по которым связано с выполнением прыжков с парашютом, является выполнение установленной государственным органом нормы прыжков с парашютом.*

Решением гарнизонного военного суда удовлетворено административное исковое заявление М., в котором он просил признать незаконным отказ финансового органа согласовать проект приказа командира воинской части об установлении и о выплате ему за 2020 г. ежемесячной надбавки за особые условия службы в размере 50 % должностного оклада в связи с прохождением им военной службы на воинской должности, исполнение должностных обязанностей по которой связано с выполнением прыжков с парашютом, и совершением установленной нормы этих прыжков.

¹¹ Обзор судебной практики рассмотрения административных и гражданских дел гарнизонными военными судами, подведомственными Северному флотскому военному суду, во втором полугодии 2020 года. URL: http://severnyfvs.mrm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=328 (дата обращения: 01.09.2021).

Флотский военный суд в апелляционном порядке решение суда первой инстанции отменил и принял по делу новое решение – об отказе М. в его требованиях по следующим основаниям.

Согласно п. 18 ст. 2 Закона о денежном довольствии военнослужащих правила выплаты ежемесячной надбавки за особые условия службы в связи с прохождением военнослужащим военной службы на воинской должности, исполнение должностных обязанностей по которой связано с выполнением прыжков с парашютом, определяются Правительством Российской Федерации. В соответствии с подп. «б» п. 3 Правил выплаты ежемесячной надбавки за особые условия военной службы военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2011 г. № 1073, данная надбавка выплачивается в размере до 70 % оклада по воинской должности военнослужащим, проходящим военную службу на воинских должностях, исполнение должностных обязанностей по которым связано с выполнением прыжков с парашютом, при условии выполнения ими установленной государственным органом нормы прыжков с парашютом.

Согласно Порядку обеспечения денежным довольствием военнослужащих, действовавшему до 26 января 2020 г., ежемесячная надбавка за особые условия военной службы в размере 50 % оклада по воинской должности выплачивалась военнослужащим, проходящим военную службу в особых условиях военной службы на воинских должностях, исполнение должностных обязанностей по которым связано с выполнением прыжков с парашютом, при условии выполнения ими установлен-

ной Министром обороны Российской Федерации нормы прыжков с парашютом за истекший год. Аналогичные положения закреплены в подп. 3 п. 49 нового Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих. Из содержания приведенных норм следует, что условиями выплаты указанной надбавки являются как прохождение военнослужащими военной службы на воинских должностях, исполнение должностных обязанностей по которым связано с выполнением прыжков с парашютом, так и выполнение установленной государственным органом нормы прыжков с парашютом.

Вместе с тем, суд первой инстанции сделал ошибочный вывод о том, что воинская должность, на которой М. проходит военную службу, относится к должности, исполнение должностных обязанностей по которой связано с выполнением прыжков с парашютом. Из материалов дела следует, что М. проходил военную службу по контракту в должности старшего разведчика-радиотелефониста разведывательного отделения разведывательного батальона воинской части, а с 3 апреля 2019 г. по настоящее время проходит военную службу в должности начальника десантного городка полигона этой же воинской части.

Нормы прыжков с парашютом военнослужащим Вооруженных Сил Российской Федерации, проходящим военную службу на воинских должностях, исполнение должностных обязанностей по которым связано с выполнением прыжков с парашютом, и перечень соединений, воинских частей и подразделений видов и родов Вооруженных Сил, при прохождении военной службы в которых выплачивается оспариваемая надбавка, установлены в приказе Мини-

стра обороны Российской Федерации от 14 декабря 2016 г. и приложении к нему. Подразделение, в котором М. проходит военную службу, – полигон воинской части в данном перечне отсутствует. Из исследованных судом первой инстанции должностных обязанностей М. усматривается, что начальник десантного городка отвечает за постоянное содержание снарядов, тренажеров и оборудования городка, обеспечение занятий на указанных снарядах и тренажерах, сохранность оборудования и другого имущества, находящегося на воздушно-десантном комплексе, содержание территории десантного городка.

При таких данных оснований для выплаты М. ежемесячной надбавки за особые условия службы не имеется¹².

Нельзя не упомянуть и о проблемах, которые возникают применительно к выплатам за совмещенные должности. И здесь отметим, что *одним из оснований выплаты надбавки к денежному довольствию за особые достижения в службе военнослужащим, занимающим воинскую должность водителя транспортных средств, является их нахождение в указанной либо совмещенной воинской должности, в наименовании которой первой воинской должностью указана воинская должность водителя (старшего водителя)*, что иллюстрируется на следующем примере.

Г., проходящий военную службу по контракту в должности механика-водителя – гранатометчика, обратился в гарнизонный военный суд с административным иском заявлением, в котором оспорил

¹² Обзор судебной практики военных судов Балтийского флота по рассмотрению административных и гражданских дел и материалов за первое полугодие 2020 года (извлечение). URL: <http://baltovs.kln.sudrf.ru/modules.php?name=document&id=112> (дата обращения: 02.09.2021).

действия финансового органа, связанные с отказом в согласовании приказа командира воинской части об установлении ему ежемесячной надбавки за особые достижения в службе в размере 30 % оклада по воинской должности как военнослужащему, занимающему воинскую должность водителя транспортных средств категорий «С», «Д» и «СЕ» и имеющему право управления этими транспортными средствами. Решением суда иск был удовлетворен. Окружной военный суд решение отменил и принял новое – об отказе в удовлетворении административного искового заявления, исходя из следующего.

Удовлетворяя административное исковое заявление, гарнизонный военный суд, сославшись на подп. 12 п. 2 Правил выплаты ежемесячной надбавки за особые достижения в службе военнослужащим Вооруженных Сил Российской Федерации, проходящим военную службу по контракту, утвержденных приказом Министра обороны Российской Федерации от 31 июля 2019 г. с грифом «ДСП», пришел к выводу о том, что данная надбавка Г. положена как водителю, занимающему совмещенную воинскую должность и отвечающему иным предусмотренным Правилами требованиям. Между тем суд первой инстанции не учел, что согласно подп. 12 п. 2 Правил, с учетом внесенных в них изменений приказом Министра обороны Российской Федерации от 17 июля 2020 г. с грифом «ДСП», надбавка за особые достижения в службе в размере 30 % к окладу по воинской должности на текущий год за безаварийную эксплуатацию транспортных средств устанавливается военнослужащим, занимающим воинские должности водителей (старших водителей), в том числе совмещенные воинские должности, в наименовании кото-

рых первой воинской должностью является воинская должность водителя (старшего водителя) транспортных средств категорий «С», «Д» и «СЕ», и имеющим право на управление этими транспортными средствами.

Указания о праве на рассматриваемую надбавку только военнослужащих, занимающих воинскую должность водителя (старшего водителя) содержатся также и в разъяснениях директора Департамента социальных гарантий Министерства обороны Российской Федерации от 12 декабря 2019 г. № 182/2/843. Из материалов административного дела следует, что Г. состоит в должности механика-водителя – гранатометчика, т. е. в наименовании занимаемой им воинской должности первой воинской должностью не является воинская должность водителя (старшего водителя), в связи с чем ежемесячная денежная надбавка за особые достижения в службе в размере 30 % оклада по воинской должности ему не положена¹³.

В заключение отметим, что эффективность деятельности «силовых» ведомств государства, в первую очередь Вооруженных Сил Российской Федерации, трудно представить не только без четкого нормативного регулирования порядка и условий финансового обеспечения, но и без понимания содержания правовых предписаний, их строгого соблюдения. Тогда случаев обращения военнослужащих за защитой своих прав в вопросах денежного довольствия в прокуратуру или суд, которые при наличии нормативных нарушений, допущенных командованием, встают на сторону военнослужащего, будет меньше.

¹³ Обзор судебной практики 2-го Восточного окружного военного суда по рассмотрению гражданских и административных дел в апелляционном порядке за второе полугодие 2020 года. URL: http://2vovs.cht.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=395 (дата обращения: 29.08.2021).

О РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ПЕРЕПОДГОТОВКУ ПО ГРАЖДАНСКОЙ СПЕЦИАЛЬНОСТИ

Р.А. Жабровский,
юрист

В статье автор анализирует законодательство Российской Федерации в сфере профессиональной переподготовки военнослужащих по гражданской специальности при увольнении с военной службы. Делаются выводы о том, что военнослужащие некоторых категорий лишены права на переподготовку по гражданской специальности при увольнении с военной службы, а также что переподготовка после исключения из списков личного состава неудобна для граждан. Предлагаются пути решения выявленных проблем путем внесения изменений в законодательство.

Увольнение с военной службы и последующее исключение из списков личного состава является важной вехой в жизни многих военнослужащих. Особое значение при этом имеет скорейшая адаптация к новым экономическим и социальным условиям жизни и деятельности, а также конкурентоспособность на рынке труда. Исходя из законодательства Российской Федерации, государство в этой адаптации должно исполнять роль посредника, помогая военнослужащим получить новую гражданскую специальность.

Вопросы реализации военнослужащими данного права не один раз являлись предметом анализа исследователей в области военного права¹. Автор в настоящей

статье постарается провести свой собственный анализ.

В соответствии с п. 4 ст. 19 Федерального закона «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (далее – Закон о статусе) военнослужащие-граждане, проходящие военную службу по контракту, общая продолжительность военной службы которых составляет пять лет и более (не считая времени обучения в военных профессиональных образовательных организациях и военных образовательных организациях высшего образования), в год увольнения с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, истечении срока военной службы, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями имеют право пройти профессиональную переподготовку по одной из гражданских специальностей без взимания с них платы за обучение и с сохранением обеспечения всеми вида-

енной службы, права на профессиональную переподготовку // Там же. 2020. № 12. С. 30 – 38.

¹ См., напр.: Дедов Ю.Ф. Правовые аспекты профессиональной переподготовки военнослужащих // Право и образование. 2014. № 4. С. 42 – 46; Гацко М.Ф. Порядок реализации военнослужащими права на профессиональную переподготовку при их увольнении с военной службы. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_28319659_31280190.pdf (дата обращения: 23.08.2021); Харитонов С.С. О соотношении законности и резонности при реализации военнослужащими права на профессиональную переподготовку // Право в Вооруженных Силах. 2018. № 2. С. 21 – 24; Свиных Е.А., Свиных О.Ю. О реализации военнослужащими, увольняемыми с во-

ми довольствия в порядке и на условиях, которые определяются Министерством обороны Российской Федерации (иным федеральным органом исполнительной власти и федеральным государственным органом, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба), продолжительностью до четырех месяцев.

Как это часто бывает, на бумаге написано все довольно гладко, однако в процессе реализации данного права военнослужащие сталкиваются с некоторыми ограничениями. Рассмотрим некоторые из них.

Первое, что хотелось бы отметить, – это круг лиц, на которых распространяется действие п. 4 ст. 19 Закона о статусе.

Как следует из содержания данной нормы, военнослужащие имеют право пройти профессиональную переподготовку.

В соответствии с ч. 2 ст. 76 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ профессиональная переподготовка является средством получения дополнительного профессионального образования, которое, в свою очередь, направлено на удовлетворение образовательных и профессиональных потребностей, профессиональное развитие человека, обеспечение соответствия его квалификации меняющимся условиям профессиональной деятельности и социальной среды. Программа профессиональной переподготовки направлена на получение компетенции, необходимой для выполнения нового вида профессиональной деятельности, приобретение новой квалификации.

В соответствии с ч. 3 ст. 76 вышеназванного Закона к профессиональной переподготовке допускаются:

– лица, имеющие среднее профессиональное и (или) высшее образование;

– лица, получающие среднее профессиональное и (или) высшее образование.

Среднее профессиональное и высшее образование являются видами профессионального образования.

Таким образом, для реализации права, предусмотренного п. 4 ст. 19 Закона о статусе, военнослужащий должен иметь профессиональное образование или находиться в процессе его получения.

Вместе с тем, военнослужащие проходят службу на воинских должностях, квалификационные требования к которым включают в себя и уровень образования. Пункт 12 ст. 5 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237, устанавливает, что кандидат на военную службу по контракту должен соответствовать требованиям, предъявляемым к поступающим на военную службу по контракту, в том числе по уровню образования. Указанные требования для кандидатов, поступающих на военную службу по контракту в Вооруженные Силы Российской Федерации, устанавливаются Министром обороны Российской Федерации (в воинские части других федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, – руководителями федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов в соответствии с подчиненностью этих воинских частей). Например, приказом Министра обороны Российской Федерации от 3 октября 2016 г. № 633 установлены Требования по уровню образования к гражданину (иностранному гражданину), поступающему на военную службу по контракту в Вооружен-

ные Силы Российской Федерации на воинские должности, подлежащие замещению солдатами, матросами, сержантами, старшинами, прапорщиками и мичманами, и приведен обширный список воинских должностей, на которые возможно назначение только с соответствующим уровнем образования. В данном перечне имеются воинские должности, при назначении на которые необходимо основное общее образование, а также воинские должности, при назначении на которые необходимо среднее общее образование. И тех и других должностей немало.

Приказом Федеральной службы охраны Российской Федерации от 22 сентября 2020 г. № 182 к кандидатам, поступающим на военную службу по контракту в органы государственной охраны, по уровню образования установлено следующее требование – не ниже среднего общего. Аналогичные условия имеются и в иных нормативных правовых актах федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба.

Таким образом, для значительного количества воинских должностей необходимым требованием к их замещению является наличие среднего образования (основного или общего). Кандидат, поступающий на военную службу по контракту, должен обладать соответствующим уровнем образования, который при зачислении его на военную службу может и не измениться вплоть до самого окончания военной службы.

И вот этот круг военнослужащих «выпадает» из правового регулирования нормы права, предусмотренной п. 4 ст. 19 Закона о статусе. С учетом того

что заявленной целью получения новой специальности является адаптация граждан к новым экономическим и социальным условиям жизни и деятельности после увольнения с военной службы, а также повышение их конкурентоспособности на рынке труда² возникает вполне логичный вопрос: а разве военнослужащих, не имеющих профессионального образования, не следует адаптировать к новым экономическим и социальным условиям жизни и повышать их конкурентоспособность на рынке труда? Ведь военнослужащие данной категории ввиду отсутствия профессионального образования и так являются менее социально защищенными и конкурентоспособными, но, вместе с тем, еще несколько десятков лет они будут относиться к экономически активному населению, и было бы весьма целесообразно и справедливо поддержать и их.

Ситуация, при которой ряд военнослужащих при увольнении лишаются права на получение гражданской специальности из-за уровня своего образования, входит в противоречие с п. 1 ст. 3 Закона о статусе, согласно которому для военнослужащих устанавливается единая система правовой и социальной защиты, а также материального и иных видов обеспечения с учетом занимаемых воинских должностей, присвоенных воинских званий, общей продолжительности военной службы, в том числе и в льготном исчислении, выполняемых задач, условий и порядка прохождения ими военной службы. Как видно из содержания данной нормы, уровень образования не дол-

² Пункт 39 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2018), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 28 марта 2018 г. // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2019. № 1.

жен учитываться при реализации прав и гарантий, предоставляемых военным служащим.

Хотелось бы обратить внимание также на временной интервал реализации права на переподготовку, который не нужно путать со сроком переподготовки, составляющим не более четырех месяцев.

Исходя из логики изложения п. 4 ст. 19 Закона о статусе, а также духа закона переподготовка граждан должна осуществляться во время прохождения ими военной службы. В то же время последнее предложение данной статьи оставляет пространство для маневра: «В случае увольнения указанных военнослужащих с военной службы в период обучения они имеют право на завершение учебы бесплатно».

Принятые федеральными органами исполнительной власти и федеральными государственными органами, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, нормативные правовые акты, устанавливающие порядок и условия реализации права на переподготовку, также не устанавливают конкретных временных интервалов. Более того, отдельные нормативные правовые акты содержат в себе положения, уже позволяющие не только увольнять военнослужащих во время переподготовки, но и исключать их из списков личного состава³.

Сами по себе данные нормы не могут нарушать права и законные интересы военнослужащих, поскольку диспозиция п. 4 ст. 19 Закона о статусе содержит в себе

разные гарантии для двух категорий граждан:

– для военнослужащих – прохождение переподготовки бесплатно с сохранением обеспечения всеми видами довольствия;

– для уволенных граждан – только право на завершение переподготовки бесплатно.

Также не нарушает права граждан исключение из списков личного состава во время переподготовки, поскольку такое исключение следует за увольнением с военной службы и осуществляется в соответствии с Положением о порядке прохождения военной службы. Данный вывод подтверждается и судебной практикой⁴.

Автор полагает, что подход, в соответствии с которым военнослужащий исключается из списков личного состава во время прохождения переподготовки или даже до ее начала, несмотря на его законность, не является справедливым и все же косвенно нарушает права граждан.

Так, нарушается право граждан на свободу передвижения. Военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, при увольнении с военной службы имеют право на выбор постоянного места жительства, при этом выбранное постоянное место жительства может не совпадать с местом прохождения военной службы и находиться от него на значительном расстоянии.

В некоторых нормативных правовых актах, устанавливающих порядок и условия реализации права на переподготовку, содержится условие о том, что переподготовка возможна только по месту прохождения военной службы

³ Например, Порядок и условия реализации военнослужащими органов федеральной службы безопасности, проходящими военную службу по контракту, права на профессиональную переподготовку по одной из гражданских специальностей, утвержденный приказом ФСБ России от 13 декабря 2019 г. № 606.

⁴ Например, кассационное определение Кассационного военного суда от 12 января 2021 г. № 88а-67/2021.

или в близлежащем от него населенном пункте⁵.

Соответственно после исключения из списков личного состава гражданин вынужден находиться по месту прохождения военной службы до окончания переподготовки. Можно, конечно, возразить автору, и сказать, что гражданину никто не запрещает убыть к постоянному месту жительства, но как тогда быть с переподготовкой? Как ее проходить? Можно, конечно, снова возразить и сказать о переезде на постоянное место жительства и переходе на дистанционную форму обучения, которая стала такой популярной в период пандемии, но как быть в тех случаях, когда переподготовка осуществляется на основании государственного контракта, стороной которого военнослужащий не является⁶ и, следовательно, не может самостоятельно изменять его условия?

Сколько же гражданин должен находиться после исключения из списков личного состава по месту прежнего прохождения военной службы? Точные сроки предположить сложно, поскольку они зависят от продолжительности выбранной программы переподготовки и даты начала обучения. С учетом того что на рынке образовательных услуг распространена практика начала образовательной организацией реализации дополнительной профессиональной программы только после комплектования учебной группы с количеством обучающихся, позволяющим обеспечить рентабельность

деятельности⁷, гражданин может находиться после исключения из списков личного состава по месту прежнего прохождения военной службы и более четырех месяцев.

Следующий негативный момент связан с предыдущим и касается жилищного обеспечения. Гражданин во время переподготовки и при ее ожидании должен где-то жить. Если он обеспечен служебным жилым помещением, то возникает вопрос правомерности использования такого жилого помещения. Так, например, служебное жилое помещение надлежит сдать в течение срока, указанного в договоре найма (или в нормативных правовых актах федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба⁸), а одним из оснований прекращения договора найма служебного жилого помещения является окончание срока службы⁹. Законных оснований пользования таким помещением во время переподготовки не имеется. Гражданин, не сдав данное жилое помещение, будет незаконно пользоваться им, что может привести к подаче иска в отношении его. Если же такой гражданин не обеспечен служебным жилым помещением или решил сдать служебное жилое помещение собственнику, то расходы на проживание всецело лягут на него. Не исключена такая ситуация, когда расходы на проживание в ожидании переподготовки и во время нее могут

⁵ Например, Порядок и условия реализации военнослужащими органов федеральной службы безопасности, проходящими военную службу по контракту, права на профессиональную переподготовку по одной из гражданских специальностей, утвержденный приказом ФСБ России от 13 декабря 2019 г. № 606.

⁶ Свиных Е.А., Свиных О.Ю. О Указ. соч.

⁷ Свиных Е.А., Свиных О.Ю. Указ. соч.

⁸ Например, п. 56 Правил организации в органах федеральной службы безопасности работы по обеспечению жилыми помещениями, утвержденных приказом ФСБ России от 24 октября 2011 г. № 590.

⁹ Пункт 18 Типового договора найма служебного жилого помещения, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 января 2006 г. № 42.

многократно превысить стоимость обучения.

Соответственно, реализуя право на бесплатную переподготовку после увольнения с военной службы, гражданин может нести дополнительные затраты, не имея какого-либо источника дохода, что само по себе делает такое обучение еще менее привлекательным по сравнению с прохождением переподготовки во время прохождения военной службы.

Следует согласиться с авторами, по мнению которых действующие положения Закона о статусе не способствуют учету интересов военнослужащих при подборе программ профессиональной переподготовки¹⁰, и это даже не анализируя такие факторы, как: конкурентоспособность выбранной специальности (что под этим понимается, а также как и кто ее определяет?); соотношение продолжительности переподготовки не более четырех месяцев с графиком обучения, который может предложить образовательная организация (например, при обучении из расчета 10 часов в неделю срок реализации программы переподготовки (минимум 250 часов) может растянуться на 25 недель, что более 4 месяцев), и др.

Что бы хотелось предложить для устранения данных проблем?

Первое, и самое очевидное, это внести изменения в п. 4 ст. 19 Закона о статусе, предусмотрев возможность прохождения не только переподготовки, но и повышения квалификации, а также получения новой специальности путем реализации такого вида обучения, как профессиональное обучение. Для определенной категории военнослужащих такая

возможность очень уместна, поскольку именно наличие какой-либо выбранной ими рабочей специальности (например, водитель категории «С» получит категории «Д» и «Е», или специалист тылового обеспечения получит специальность сварщика) явно обеспечит им конкурентоспособность на рынке труда. Для иных категорий граждан необходимо именно повышение квалификации. Например, медицинский персонал будет более конкурентоспособным с пройденной программой повышения квалификации по уже имеющейся специальности, чем с переподготовкой по иному, немедицинскому, направлению.

Помимо этого, автор полагает необходимым включить в данные изменения норму, согласно которой обучение должно осуществиться до истечения срока военной службы военнослужащего.

Второе – это предусмотреть в качестве альтернативы получение денежной компенсации в целях оплаты услуг по профессиональной переподготовке¹¹. Эта форма расширит возможности военнослужащих по самостоятельному выбору программ переподготовки, кроме того, она более удобна в случае прохождения переподготовки после увольнения с военной службы.

Сочетание данных форм реализации права на получение гражданской специальности при увольнении с военной службы позволит реально приобрести востребованную профессию и будет способствовать участию уволенных с военной службы граждан в трудовой деятельности еще несколько десятков лет, позволяя выровнять дефицит рабочих рук в некоторых отраслях экономики.

¹⁰ Свиных Е.А., Свиных О.Ю. Указ. соч.

¹¹ Свиных Е.А., Свиных О.Ю. Указ. соч.

ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИМ ТВОРЧЕСКИХ ОТПУСКОВ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Д.Е. Зайков,

доцент кафедры «Гражданское право, международное частное право и гражданский процесс» Юридического института Российского университета транспорта, кандидат юридических наук

В статье рассматриваются проблемные вопросы правового регулирования порядка и оснований предоставления военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, творческих отпусков для завершения работы над диссертационным исследованием. Автором предлагаются пути разрешения выявленных недостатков.

Ученая степень кандидата или доктора наук подтверждает профессиональный уровень квалификации, которая присуждается в установленном законом порядке за результаты научных исследований. Подготовка диссертации на соискание ученой степени является длительным и сложным процессом, что делает необходимым предоставление соискателю ученой степени отпуска для завершения работы над диссертацией. Данный вопрос приобретает особую актуальность для военнослужащих, проходящих военную службу по контракту (далее – военнослужащие) и совмещающих осуществление служебной и научной деятельности¹.

Согласно п. 8 ст. 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (далее – Закон о статусе военнослужащих) военнослужащим, являющимся соискателями ученых степеней², предоставляются творческие отпуска в порядке, установленном федеральными

законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

В силу п. 6 ст. 31 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237, военнослужащему, являющемуся соискателем ученой степени кандидата или доктора наук³, при условии успешного сочетания служебной деятельности с научной работой по рекомендации ученого совета образовательной организации или ученого совета научной организации⁴, где он является соискателем ученой степени, командованием воинской части, где проходит военную службу соискатель ученой степени, в порядке, определяемом руководителем федерального органа исполнительной власти или федерального государственного органа, в котором предусмотрена военная служба, предоставляются творческие отпуска продолжительностью:

– для соискателя ученой степени доктора наук – до шести месяцев;

¹ См., напр.: *Ищенко О.А.* Служим и пишем диссертацию (отпуска и дни отдыха во время написания диссертации соискателем) // *Право в Вооруженных Силах.* 2007. № 1. С. 24 – 27.

² Федеральным законом «О внесении изменений в Федеральный закон "О воинской обязанности и военной службе" и Федеральный закон "О статусе военнослужащих"» от 4 мая 2006 г. № 61-ФЗ конкретизация видов ученых степеней была исключена.

³ В настоящее время прикрепление в качестве соискателя ученой степени доктора наук законодательством прямо не предусмотрено (п. 2 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842).

⁴ Как правило, в научно-исследовательских организациях такой орган называется научно-техническим советом.

– для соискателя ученой степени кандидата наук – до трех месяцев.

Таким образом, Положением о порядке прохождения военной службы установлены следующие условия предоставления военнослужащему творческого отпуска:

– прикрепление военнослужащего в качестве соискателя ученой степени кандидата или доктора наук;

– успешное сочетание военнослужащим служебной деятельности с научной работой;

– дача военнослужащему ученым советом образовательной организации (научной организации) рекомендации по предоставлению творческого отпуска для завершения работы над диссертацией (далее – рекомендация).

Если первое и третье условия в целом понятны, то второе представляется более чем неоднозначным – каким образом должно быть подтверждено его выполнение и каким критериям это условие должно отвечать?

При этом следует отметить, что продолжительность творческих отпусков установлена не в конкретном размере, а в виде максимально возможной их длительности⁵, что обуславливает необходимость разрешения вопроса об определении лица, устанавливающего срок указанного отпуска (сам военнослужащий или его соответствующий командир (начальник).

Порядок предоставления военнослужащим творческого отпуска определяется правовыми актами соответствующего ведомства, в котором законом предусмотрена военная служба.

Так, в Росгвардии данные отношения урегулированы Порядком предоставления творческих отпусков военнослужащим войск национальной гвардии Российской Фе-

дерации, проходящим военную службу по контракту, являющимся соискателями ученой степени кандидата или доктора наук, утвержденным приказом Федеральной службы войск национальной гвардии от 10 сентября 2018 г. № 410 (далее – Порядок Росгвардии).

Решение о предоставлении военнослужащим творческих отпусков принимается директором Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации – главнокомандующим войсками национальной гвардии Российской Федерации на основании их рапортов, поданных по команде соответствующим начальникам (руководителям), с указанием продолжительности такого отпуска⁶.

Пункт 5 Порядка Росгвардии, вероятно, раскрывает второе условие предоставления творческого отпуска, установленное п. 6 ст. 31 Положения о порядке прохождения военной службы, – отпуска предоставляются военнослужащим, не имеющим неснятых дисциплинарных взысканий⁷.

Однако насколько такую позицию можно считать обоснованной? Наличие дисциплинарных взысканий без учета их вида или ос-

⁶ Данное положение позволяет предположить, что вопрос о продолжительности отпуска находится в компетенции самого военнослужащего.

⁷ Следует указать, что в первоначальном проекте приказа Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации «Об утверждении Порядка предоставления творческих отпусков военнослужащим войск национальной гвардии Российской Федерации, проходящим военную службу по контракту, являющимся соискателями ученой степени кандидата или доктора наук», подготовленном Росгвардией 19 июня 2018 г., в качестве оснований для отказа в предоставлении творческого отпуска предлагались следующие:

– наличие у военнослужащего неснятых дисциплинарных взысканий;

– назначение в отношении военнослужащего разбирательства о грубых дисциплинарных проступках;

– привлечение военнослужащего к материальной и (или) уголовной ответственности.

Наличие указанных оснований говорит о чрезвычайно широком толковании понятия «успешное сочетание служебной деятельности с научной работой», однако в окончательной редакции указанного правового акта данный подход был существенно скорректирован.

⁵ Ср., например, с ч. 2 ст. 173.1 Трудового кодекса Российской Федерации, предусматривающей предоставление работникам аналогичных отпусков с конкретной продолжительностью – три и шесть месяцев соответственно.

нований получения не может в полной мере характеризовать успешность сочетания военнотружашим служебной деятельности с научной работой. При этом даже отсутствие указанных взысканий совсем не свидетельствует о такой успешности. Однако наличие у военнотружашего дисциплинарных взысканий позволяет сделать мотивированный вывод о наличии негативных результатов его служебной деятельности, что, в свою очередь, вряд ли позволит в таких условиях успешно сочетать ее с научной работой. Кроме того, наличие даже спорного правового регулирования лучше его отсутствия вовсе.

С учетом изложенного для принятия решения о предоставлении творческого отпуска, кроме рапорта военнотружашего и рекомендации, представлению подлежит и копия его служебной карточки.

Согласно п. 11 Порядка Росгвардии творческий отпуск может быть завершен ранее предоставленного срока по рапорту военнотружашего

Иной подход реализован Министерством обороны Российской Федерации.

В соответствии с п. 24 Порядка деятельности должностных лиц и органов военного управления по организации прохождения военной службы по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 30 октября 2015 г. № 660 (далее – Порядок Минобороны), военнотружаший, являющийся соискателем ученой степени кандидата или доктора наук, о предоставлении творческого отпуска обращается к своему непосредственному командиру (начальнику) с рапортом. Ученые советы образовательных организаций и ученые советы (советы) научных организаций представляют командиру (начальнику) воинской части, где проходит военную службу

соискатель, свои ходатайства по предоставлению такого отпуска.

Рапорт военнотружашего и соответствующее ходатайство рассматриваются в порядке подчиненности заместителями Министра обороны Российской Федерации, главнокомандующими видами Вооруженных Сил Российской Федерации, командующими войсками военных округов, Северным флотом, командующими родами войск Вооруженных Сил Российской Федерации, руководителями центральных органов военного управления. В случае принятия решения о предоставлении творческого отпуска командиром (начальником) воинской части военнотружашему предоставляется творческий отпуск продолжительностью:

- для соискателя ученой степени доктора наук – до шести месяцев;

- для соискателя ученой степени кандидата наук – до трех месяцев⁸.

Во-первых, вопреки требованиям Положения о порядке прохождения военной службы, вместо рекомендации ученые советы образовательных организаций и ученые советы (советы) научных организаций должны представлять ходатайства по предоставлению военнотружашему творческого отпуска. Непонятно, почему Порядок Минобороны использует термин, не предусмотренный Положением о порядке прохождения военной службы, что приводит к появлению дополнительных проблем относительно соблюдения военнотружашими условий предоставления творческого отпуска.

Во-вторых, Порядок Минобороны не раскрывает такое условие предоставления

---

⁸ Аналогичная процедура предоставления творческих отпусков военнотружашим предусмотрена в п. 29 Порядка организации прохождения военной службы по контракту в военных следственных органах Следственного комитета Российской Федерации, утвержденного приказом Следственного комитета Российской Федерации от 2 февраля 2017 г. № 19.

творческого отпуска, как успешное сочетание военнотружущим служебной деятельности с научной работой, что создает предпосылки для вольного толкования его содержания при принятии решения о предоставлении рассматриваемого отпуска.

В-третьих, принятие решения о предоставлении творческого отпуска и его предоставление по общему правилу осуществляются разными воинскими должностными лицами. При этом формулировка «в порядке подчиненности» не позволяет достоверно определить конкретное воинское должностное лицо, уполномоченное на принятие соответствующего решения.

В-четвертых, никоим образом не урегулирован вопрос об определении конкретной продолжительности творческого отпуска⁹. Например, может ли быть срок данного отпуска, указанный в рапорте военнотружущего, изменен (смещен по дате предоставления, уменьшен) в связи со служебной необходимостью при принятии соответствующего решения?

В-пятых, Порядок Минобороны фактически устанавливает дополнительное условие предоставления военнотружущему творческого отпуска – реализация дискреции уполномоченным воинским должностным лицом – «в случае принятия решения о предоставлении творческого отпуска». Безусловно, такой подход, основанный на усмотрении уполномоченного воинского должностного лица, представляется нео-

правданным, создающим предпосылки для нарушения прав военнотружущих.

Таким образом, в настоящее время вопрос о предоставлении военнотружущим творческих отпусков решается различным образом, при этом указанным отношениям присущи пробельность регламентации, что обуславливает необходимость корректировки ведомственного правового регулирования.

Во-первых, при принятии ведомственных правовых актов, регулирующих отношения по предоставлению военнотружущим творческих отпусков, не принимались во внимание положения Правил предоставления отпуска лицам, допущенным к соисканию ученой степени кандидата наук или доктора наук, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 5 мая 2014 г. № 409 (далее – Правила), что существенно «обеднило» такую правовую регламентацию и обусловило возникновение ряда проблемных вопросов.

Так, например, определение в качестве оснований для предоставления отпуска рекомендаций или ходатайств ученых советов образовательных организаций (научных организаций) вызывает обоснованные возражения. В первую очередь это обусловлено компетенцией таких органов.

Даже п. 65 Особенности организации и осуществления образовательной, методической и научной (научно-исследовательской) деятельности в области подготовки кадров в интересах обороны государства, а также деятельности федеральных государственных военных профессиональных образовательных организаций и военных образовательных организаций высшего образования Министерства обороны Российской Федерации, утвержденных приказом Министра обороны Российской Федерации от 15 сентября 2014 г. № 670, устанавлива-

⁹ Ранее действовавшее Положение о подготовке научно-педагогических и научных кадров в системе послевузовского профессионального образования в Министерстве обороны Российской Федерации, утвержденное приказом Министра обороны Российской Федерации от 15 июля 1999 г. № 310 (далее – Положение о подготовке научных кадров) (утратило силу), устанавливало продолжительность творческого отпуска с конкретным сроком: для завершения диссертации на соискание ученой степени доктора наук – шесть месяцев, кандидата наук – три месяца (п. 29).

ющий компетенцию ученого совета высшего военно-учебного заведения, такого полномочия, как дача ходатайства (рекомендации) о целесообразности предоставления военному служащему, прикрепленному в качестве соискателя, творческого отпуска, не предусматривает¹⁰.

И это высшие военно-учебные заведения. О чем тогда говорить, если военный служащий прикреплен в качестве соискателя к гражданскому вузу, в котором о подобном документе даже и не слышали.

Не меньше проблем вызывает и реальное исполнение требования о предоставлении рассматриваемого ходатайства (рекомендации). На какой стадии подготовки диссертационного исследования оно может быть дано? Все зависит от усмотрения ученого совета образовательной организации (научной организации). Однако п. 29 Положения о подготовке научных кадров предусматривал, что творческий отпуск предоставляется, как правило, после прохождения предварительной экспертизы результатов диссертационных исследований.

А отсутствие требований, предъявляемых к содержанию рассматриваемого ходатайства (рекомендации), его оформлению создает еще больше вопросов, не имеющих своего однозначного разрешения.

Вместе с тем, указанные проблемы могут быть разрешены при принятии подхода, установленного в Правилах, который предусматривает как видится, наиболее целесообразное решение в указанной ситуации: основанием для предоставления отпуска является соответствующее заявление с указанием продолжительности отпуска и выписка из решения диссертационного совета о приеме диссертации к защите, кото-

рая должна быть подписана председателем и ученым секретарем диссертационного совета, а подписи – заверены печатью организации (при наличии), на базе которой создан диссертационный совет.

Во-вторых, значительной проблемой реализации права военному служащему на творческий отпуск является крайняя бюрократизированность процедуры его предоставления. Это находит выражение, в частности, в необходимости принятия соответствующего решения непосредственно директором Росгвардии либо в неясной процедуре принятия такого решения в отсутствие сведений о конкретных уполномоченных воинских должностных лицах.

В-третьих, отсутствует правовое регулирование ряда важных вопросов: возможно ли повторное предоставление военному служащему творческого отпуска¹¹, каковы применительно к творческому отпуску последствия отзыва соискателем диссертации с рассмотрения в диссертационном совете или принятия диссертационным советом отрицательного решения по результатам защиты диссертации?

Таким образом, в настоящее время имеющиеся проблемы как правового, так и технического характера создают препятствия для реализации военными служащими права на предоставление творческих отпусков, что в конечном итоге оказывает негативное влияние на результаты повышения профессионального уровня квалификации личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации. Сложившаяся ситуация подлежит исправлению путем внесения соответствующих изменений в ведомственные правовые акты с учетом специфики прохождения военной службы в соответствующем государственном органе.

---

¹⁰ Хотя п. 13 Положения о подготовке научных кадров соответствующее положение устанавливал.

¹¹ Пункт 29 Положения о подготовке научных кадров предусматривал однократное предоставление творческого отпуска.

ВОЕННОЕ ДУХОВЕНСТВО В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИИ РОССИИ И НОВОЙ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ. ЧАСТЬ 1

О.А. Овчаров,

кандидат юридических наук

В статье кратко рассмотрены и проанализированы отдельные проблемы совершенствования правовой работы в области государственно-церковных отношений при воссоздании института военного духовенства в войсках с учетом существенных изменений, произошедших в Конституции России, и новой Стратегии национальной безопасности России, а также с учетом установлений религиозных объединений, предложены возможные пути решения указанных проблем.

В последние годы в стратегических ключевых правовых документах (Конституции России и Стратегии национальной безопасности России) произошли существенные изменения, которые указывают на важность и необходимость в обществе, государстве, в том числе и в войсках, сохранять, защищать, укреплять и активно распространять духовно-нравственные ценности, лежащие в основе народного единства, крепить духовный фундамент российского народа. Указанные изменения в новом свете раскрывают роль и значение военного духовенства при реализации новых требований законодательства. Рассмотрим их подробнее.

1. Конституционное сохранение веры в Бога. В ходе всеобщего голосования 1 июля 2020 г. были одобрены изменения в Конституцию России, в результате которых появилась ст. 67.1, ч. 2 которой устанавливает, что «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства,

признает исторически сложившееся государственное единство».

Анализ и внимательное рассмотрение данной конституционной нормы, ее витиеватой конструкции показывает, что Основной Закон нашей страны признает важным государственное единство, которое складывалось исторически, на протяжении многих веков существования Российской державы, в ходе ожесточенной борьбы за выживание и сохранение ее целостности и монолитности. При этом, согласно Конституции России, в основе этого единства государства, как видно, указывается необходимость сохранения памяти «предков, передавших нам идеалы и веру в Бога».

Таким образом, можно увидеть, что главным в исторической памяти, доставшейся нам от предков, Конституция России указывает на сохранение таких ценностей, как идеалы и вера в Бога. Это очень важный юридически закрепленный факт, требующий глубокого осмысления. Осмысления, прежде всего, связи государственного единства с верой в Бога и с теми высокими идеалами, кото-

рые на протяжении веков указывала эта вера народу. Идеалы, которые крепили единство народа в первую очередь через формирование в народных массах единой системы ценностей, единых целей и смыслов существования народа и каждого человека.

В один ряд с необходимостью сохранения памяти предков, идеалами и верой в Бога Конституция России ставит также необходимость сохранять «преемственность в развитии Российского государства». Это очень важная и ценная мысль, поскольку уклонения от этой преемственности в крайности, в экстремизм и радикализм приводят к утрате мира и благополучия, создают социальную напряженность, раскалывают общество на конфликтующие и противоборствующие стороны, приводят нередко к вооруженным столкновениям, кровопролитным войнам и тяжким бедам для государства и его народа. История России не является в этом отношении исключением. Святая Русь прошла и через период междоусобных войн удельных княжеств, и через военные сражения смутного времени, и через кровопролитные боестолкновения революций и Гражданской войны. Поэтому ценность преемственности, основанной на единых идеалах и единой вере в Бога, ей хорошо известны.

Такая преемственность несет народу мир и спокойствие, взаимопонимание и взаимное уважение, способствует мирному труду и благополучию, устойчивому развитию государства и благодатному процветанию его народа. В таком позитивном развитии и укреплении заинтересовано любое государство. Это очевидное благо.

Однако что заставило государство заговорить об этом благе и закрепить его на

уровне Основного Закона страны? Видимо, ряд важных обстоятельств, возникших в последние годы. Рассмотрим некоторые из них подробнее.

2. Уроки сирийской войны. Размышляя о новых способах ведения боевых действий, генерал армии начальник российского Генерального штаба В.В. Герасимов, еще в 2014 г. отметил: «Опыт военных конфликтов, в т. ч. связанных с так называемыми цветными революциями в Северной Африке и на Ближнем Востоке, подтверждает, что вполне благополучное государство за считанные месяцы и даже дни может превратиться в арену ожесточенной вооруженной борьбы, стать жертвой иностранной интервенции, погрузиться в пучину хаоса, гуманитарной катастрофы и гражданской войны. Конечно, легче сказать, что события «арабской весны» – это не война, поэтому нам, военным, там изучать нечего. А может быть, наоборот – именно эти события и есть типичная война XXI века?».

Через пять лет В.В. Герасимов фактически подтвердил ранее сделанные выводы на примере сирийской войны: «Никакое государство открыто войну Сирии не объявляло, но все незаконные военные формирования вооружаются, финансируются и управляются из-за рубежа. Со временем там расширяется состав участников военных конфликтов. Наряду с регулярными войсками задействуется внутренний протестный потенциал населения, а также террористические и экстремистские формирования»¹.

В.В. Герасимовым, наряду с прочими, отмечены следующие причины роста

¹ Савинкин А.С. Российская наука побеждать. Сирийский опыт. М., 2018. С. 23.

террористической опасности на Ближнем Востоке и в Сирии:

– бедственное положение населения ряда государств и связанное с этим распространение радикальной исламской идеологии, что привело к возникновению Аль-Каиды, ИГИЛ и других воинственных группировок;

– насаждение чужих идеалов в процессе «демократизации» арабских стран, что взорвало Ближний Восток и Северную Африку, вызвало «арабскую весну» и ее тяжелые последствия².

Насаждение в стране чуждых ей идеалов и распространение радикальной идеологии на фоне обнищания и недовольства, протестного настроения населения – вот ключ к пониманию технологий развязывания внутренних вооруженных конфликтов, ослабления, разрушения и уничтожения государств изнутри. Чуждые идеалы и радикальные идеологии являются главными действующими силами в этих технологиях. Противоядием этим насаждаемым извне разрушительным идеалам является активизация распространения государством в народных массах традиционных ценностей, консервативных высоких духовных идей, проверенных временем и многими поколениями, которые содержатся в исторической памяти предков и близки большинству населения страны. Вот здесь и содержится ответ на вопрос о причине появления рассматриваемых конституционных изменений.

Изучая сирийский военный опыт, ряд специалистов отмечают, что успех действий незаконных вооруженных формирований в значительной степени зависит от поддержки их местным населением. Если

поддержка населения ненадежна или ее нет, незаконные вооруженные формирования не могут эффективно действовать. Поэтому одной из первостепенных задач для правительственных войск является необходимость добиться поддержки местного населения и сохранять ее³.

Подобные указанным выше схемы недружественные страны (международные структуры, частные военные компании) пытались и пытаются реализовать также и в России, стремясь за счет массовой приватизации и ликвидации ведущих предприятий, экономических санкций опустошить государственный бюджет, посеять безработицу, массовые недовольства (положением дел и обнищанием народа), протестные настроения у населения страны. А также путем внедрения на этой почве чуждых идеологий террористического и экстремистского толка, направленных на свержение действующего в стране правительства и поддержку тех сил, которые финансируются из-за рубежа и стремятся захватить власть в стране или в отдельных ее регионах (например, Чеченская Республика, Дагестан и др.) под красивыми лозунгами, нередко путем развязывания гражданской войны.

Сегодня отдельными военными специалистами военный конфликт в Сирии трактуется как прообраз «войны нового поколения». Его главная особенность заключается в том, что государства – противники Сирии ведут против нее скрытые, безуликовые действия, не втягиваясь в прямой военный конфликт. Что касается Вооруженных Сил России,

² Савинкин А.С. Указ. соч. С. 34.

³ Тактика незаконных вооруженных формирований (по опыту боевых действий в Сирийской Арабской Республике): учеб. пособие. М., 2019. С. 62.

приходит к заключению А.С. Савинкин, то их необходимо укреплять своего рода военной реформацией – приоритетным развитием духовных сил военной мощи государства⁴. Этот вывод очевиден. Если войска будут деморализованы и не смогут дать отпор бандформированиям или если армия расколется на красных и белых, как это уже было в истории России, то кровопролития и бедствий не избежать. Поэтому единый высокий моральный дух войск необходимо усиленно крепить, воспитывать его на лучших исторических примерах.

Генеральным штабом Вооруженных Сил Российской Федерации также проанализирован опыт ведения боевых действий в Сирии и приведен в пособии «Основы победы в бою». Авторы пособия, в частности, указывают, что необходимым условием успешных боевых действий является поддержание высокого морального духа. При этом отмечается, что хотя современный бой можно назвать высокотехнологичным, моральный фактор по-прежнему во многом определяет исход боевых действий. В боевых условиях высокий моральный дух является одним из важнейших элементов боеспособности соединения, воинской части, подразделения⁵.

Указанные выводы побудили командование для повышения морального духа войск и психологической устойчивости воинов использовать, наряду с прочими, также и религиозный фактор, привлекать военное духовенство для укрепления морального духа личного состава. В частности, Русская Православная Церковь

(РПЦ) совместно с командованием регулярно предпринимали усилия для духовного окормления российских солдат в Сирии. Так, например, с 12 по 19 сентября 2016 г. состоялся визит представителей РПЦ в расположение группировки российских войск в Сирии. В посещении участвовали епископ Ахтубинский и Енонтаевский Антоний и председатель Синодального отдела по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными органами прот. Сергей Привалов. По благословению святейшего Патриарха Кирилла на сирийской авиабазе Хмеймим был совершен чин освящения часовни во имя святого великомученика Георгия Победоносца. Для часовни передана икона с частицей мощей святого. В богослужении участвовали более 500 военнослужащих⁶. Таким образом, Церковь, военное духовенство стремятся оказывать воинам, сражающимся на передовой линии фронта, лицом к лицу с противником, морально-психологическую поддержку и всемерную духовную помощь религиозными средствами.

Как отмечают некоторые специалисты, в современных войнах на Ближнем Востоке религиозный фактор приобретает большее значение. При этом ими указывается, что привлечение военного духовенства к работе с личным составом в период ведения боевых действий в Сирийской Арабской Республике неизменно доказывает пользу и положительный результат в достижении поставленных задач, а также позволяет поддерживать боевой дух и морально-психологический настрой войск (сил)⁷.

⁴ Савинкин А.С. Указ. соч. С. 24, 46.

⁵ Основы победы в бою: пособие / В.В. Герасимов [и др.]; Генер. штаб Вооруженных Сил Рос. Федерации. М., 2017. С. 14 – 15.

⁶ Сирийский рубеж / под ред. М.Ю. Шеповаленко. М., 2016. С. 162 – 163.

⁷ Основы и уроки боевого опыта современной Российской армии на Ближнем Востоке: моногр. / А.И. Горячев [и др.]. М.,

3. Рост числа верующих. Из года в год социологи единодушно фиксируют рост числа верующих. Например, с 1991 г. все больше россиян стали уповать на Бога в повседневной жизни. То же можно сказать о доверии граждан к РПЦ и религиозным организациям в целом (данные ВЦИОМ). Число атеистов, констатировали ученые, уменьшается⁸. Приведем данные статистики о процентном соотношении представителей разных конфессий на территории России от Российской академии наук за 2013 г.: православие – 79 %, атеисты – 9 %, ислам – 4 %, затруднились ответить – 7 %⁹.

В связи с изложенным выше представляет интерес и динамика изменения религиозности среди военнослужащих, где также отмечаются факты увеличения числа верующих военнослужащих за последние десятилетия после прекращения деятельности богоборческого советского периода с его жесткой антирелигиозной пропагандой и политическим давлением на верующих. Данные военно-социологических и иных исследований показывают, что в 1990 г. верующими себя признавали лишь 14 % личного состава войск, а неверующими – 63 %¹⁰. В 1992 г. в войсках было верующих – 25 %, неверующих – 40 %¹¹. В 2003 г. 60 % военнослужащих считали себя верующими, принадлежащими к какой-либо конфессии, а остальные 40

% не идентифицировали себя ни с каким вероисповеданием¹². К 2008 г. доля военнослужащих, идентифицирующих себя с религией, составила 72 %, неверующих – 8 %, а по религиозным конфессиям отмечается преобладание православного христианства – 85 % опрошенных, второй по распространенности религией является ислам – 7,1 %¹³. По сообщению управления по работе с верующими военнослужащими при Минобороны России к 2013 г. уже 94 % военнослужащих называли себя православными, 5 % – мусульманами, 1 % – иудеями и приверженцами других религий и конфессий¹⁴.

Таким образом, можно увидеть, что по последним имеющимся данным подавляющее большинство (около $\frac{4}{5}$ от общей численности) населения страны относит себя к православию, придерживается единых традиционных православных духовно-нравственных ценностей и имеет единые идеалы, сформированные православной верой. В войсках доля православных верующих еще больше и достигает по некоторым последним данным около 94 %.

Таким образом, применительно к войскам за два десятилетия количество верующих военнослужащих увеличилось в 6 – 7 раз, небывалое в истории вооруженных сил, кадровой армии, явление. Похожая ситуация складывается и в целом по стране.

Примечательно здесь то, что в досоветский период с 988 г. до 1918 г. – 930 лет – Россия была православной держа-

2018. С. 125.

⁸ Скрипун А. «Индекс веры»: сколько на самом деле в России православных. URL: <https://ria.ru/20170823/1500891796.html> (дата обращения: 15.08.2021).

⁹ Статистика и показатели. Региональные и федеральные. Религии в России. URL: <https://rosinfostat.ru/religii-v-rossii/> (дата обращения: 15.08.2021).

¹⁰ Дубоград Е.В. Религиозная ситуация в Вооруженных Силах РФ // Социол. исслед. 2010. № 5. С. 77.

¹¹ Мозговой С. Взаимоотношения Армии и Церкви в Российской Федерации // The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies. 2005. № 3. URL: <https://journals.openedition.org/pipss/390> (дата обращения: 02.09.2019).

¹² Вера службе не помеха // Красная звезда. 2004. 24 янв. С. 1.

¹³ Дубоград Е.В. Указ. соч. С. 76 – 81.

¹⁴ Численность священников в Вооруженных силах следует увеличить, считают в Минобороны РФ. URL: <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=54888> (дата обращения: 26.08.2019).

вой. Православие было официальной религией, и государственная власть всячески стремилось ее укреплять в своей деятельности, в духе православной веры воспитывался и народ, для которого православные идеалы святости, подвижничества, самопожертвования, бескорыстной любви к Богу и ближним, к своему Отечеству были высшими ценностями, они наполняли смыслом всю его жизнь, определяли цели существования на земле. В 70-летний период советской власти (1918 – 1988 гг.) верующие подвергались гонениям и уничтожению, сознание и воля российских граждан подвергались ожесточенной антирелигиозной пропаганде, массовой информационной обработке, что и привело в итоге этого периода к сокращению числа верующих. Но лишь только прекратились это массивное давление и репрессии со стороны государства, религиозная ситуация стала быстро восстанавливаться к прежним до революционным показателям и в течение двух десятилетий практически полностью восстановилась, православных верующих в стране снова стало подавляющее большинство, с которым нельзя уже не считаться

Данное важное обстоятельство также необходимо учитывать в законодательной практике (в том числе и в Конституции России, в военном законодательстве) для укрепления государственного единства, стабильного развития страны и

всестороннего процветания народа. Это особенно важно, поскольку согласно ст. 1 Конституции России наше государство является правовым и демократическим. Демократизм предполагает учет воли большинства народа, в том числе и в правовом пространстве, в правотворческой деятельности уполномоченных государственных органов, чтобы законы не противоречили воле народа, его интересам, ценностям, мировоззрению, идеалам, не создавали социальной напряженности, протестный потенциал, почву для конфликтов в народных массах. Поскольку именно такие благоприятные условия для внутренних вооруженных конфликтов желают и всячески стремятся спровоцировать и максимально увеличить наши недоброжелатели.

В этом смысле все законодательство России, включая Конституцию, необходимо пересматривать с точки зрения не противоречия государственных законов идеалам православной веры, как это и было до революции 1918 г. И в этом отношении конституционный (ч. 2 ст. 67.1) принцип сохранения преемственности в развитии Российского государства (на основе исторической памяти народа, его тысячелетних идеалов и веры в Бога) как раз к этому, по сути, и обязывает ради сохранения и укрепления государственного единства, недопущения расколов и противостояний, конфликтов, в том числе вооруженных, гибели людей и государства.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ, АННОТАЦИИ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СПИСКИ

Информация об авторах, аннотации, библиографические списки размещены на странице журнала на сайте по адресу <http://www.opklex.com/svedeniya-ob-avtorax-10-2021g.html>

Уважаемые читатели!

Издательство «Центр правовых коммуникаций» информирует о выходе первых двух томов монографии «Военное право»:

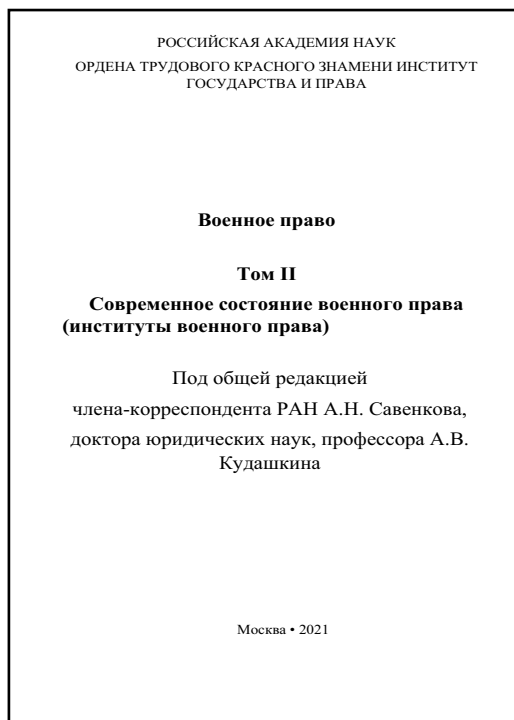
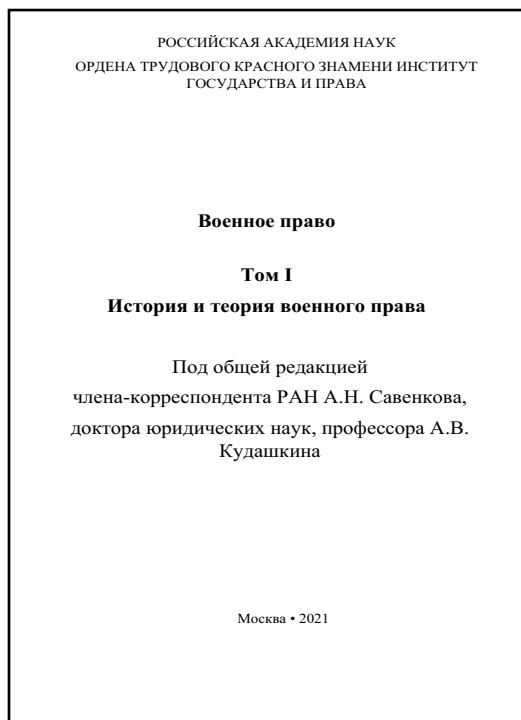
Том I – История и теория военного права;

Том II – Современное состояние военного права (институты военного права).

Монография является первым фундаментальным научным изданием, в котором на основе системного анализа дана развернутая характеристика военного права России как отрасли военного права.

Первый том монографии, состоящей из трех томов, посвящен истории возникновения отечественного военного права, его генезису и современному состоянию: дана развернутая характеристика предмета и метода правового регулирования, принципов и функций военного права, его структуры и источников. В первом томе также приводится краткая характеристика текущего состояния военного права иностранных государств (США, Великобритании, Франции и Германии).

Второй том монографии посвящен основным правовым институтам, составляющим особенную часть военного права России. В этом томе также приводится краткая характеристика текущего состояния основных институтов военного права иностранных государств (США, Великобритании, Франции и Германии).

Издание предназначено для научных работников, адъюнктов, аспирантов и соискателей ученых степеней, а также практических работников и всех, кто интересуется вопросами военного права.

Содержание тома I

Том I. История и теория военного права

Предисловие

Глава 1. Генезис военного права

- § 1. Предпосылки военного права
- § 2. Допетровский период (X в. — 1700 г.)
- § 3. Петровский период (1700—1725 гг.)
- § 4. Послепетровский период (1726—1812 гг.)
- § 5. Военное право в XIX в. — начале XX в. (дооктябрьский период) (1812—1917 гг.)
- § 6. Советский период (1917—1991 гг.)
- § 7. Постсоветский (современный) период (1992 — по настоящее время)

Раздел 1. Системные предпосылки военного права

Глава 2. Военная безопасность Российской Федерации — цель военного права

- § 1. Понятие военной безопасности
- § 2. Виды военной безопасности и их правовая характеристика
- § 3. Полномочия органов государственной власти по обеспечению военной безопасности государства

Глава 3. Военная деятельность Российской Федерации — объект военного права

- § 1. Защита Отечества — функция государства
- § 2. Правовые основы (средства, обеспечение) военного строительства
- § 3. Понятие обороны и правовые средства ее организации в Российской Федерации

Глава 4. Военная организация государства — субъект военного права

- § 1. Понятие военной организации Российской Федерации как коллективного субъекта права
- § 2. Правовые основы применения военной организации государства, руководства и управления ею
- § 3. Правовое положение военной организации государства в особых условиях

Глава 5. Социальная ценность военного права

- § 1. Военное право и военная политика
- § 2. Военное право и правосознание военнослужащего
- § 3. Эффективность военного права
- § 4. Человеческое измерение военного права

Раздел 2. Сущность и содержание военного права

Глава 6. Военное право — отрасль российского права

- § 1. Общие подходы к идентификации отрасли военного права
- § 2. Предмет военного права
- § 3. Метод военного права

Глава 7. Система военного права

- § 1. Принципы и функции военного права
- § 2. Структура военного права
- § 3. Источники военного права и военное законодательство

Глава 8. Основные положения военного права зарубежных государств

- § 1. Военное право США
- § 2. Военное право Германии
- § 3. Военное право Великобритании
- § 4. Военное право Франции

Содержание тома II

Том II. Современное состояние военного права (институты военного права)

Введение

Институты военного права — предмет науки военного права

Раздел III. Военная служба. Военнослужащие и их правовой статус

Глава 9. Правовые формы комплектования военной организации государства

§ 1. Воинская обязанность и формы ее реализации

§ 2. Добровольное поступление на военную службу

§ 3. Комплектование гражданским персоналом

Глава 10. Военная служба в Российской Федерации

§ 1. Понятие военной службы и ее виды

§ 2. Военная служба как вид государственной службы

§ 3. Принципы военной службы

§ 4. Военно-служебные отношения

§ 5. Особенности воинских правоотношений в военное время и в боевой обстановке

Глава 11. Военнослужащий как субъект права

§ 1. Военнослужащие и их статус

§ 2. Права и обязанности военнослужащих

§ 3. Запреты и ограничения, связанные с военной службой

Глава 12. Юридическая ответственность военнослужащих

§ 1. Понятие и виды юридической ответственности военнослужащих

§ 2. Дисциплинарная и административная ответственность военнослужащих

§ 3. Гражданско-правовая и материальная ответственность военнослужащих

§ 4. Уголовная ответственность военнослужащих

§ 5 Особенности юридической ответственности военнослужащих в военное время и в боевой обстановке

§ 6. Исполнение уголовных наказаний в отношении военнослужащих

Глава 13. Социально-правовое обеспечение военнослужащих, лиц, проходивших военную службу, и членов их семей

§ 1. Понятие и формы социального обеспечения военнослужащих

§ 2. Гарантии, льготы и компенсации военнослужащих

§ 3. Страхование военнослужащих

§ 4. Пенсионное обеспечение лиц, проходивших военную службу, и их семей

Глава 14. Правовые формы материального обеспечения военнослужащих

§ 1. Обеспечение денежным довольствием

§ 2. Продовольственное и вещевое обеспечение военнослужащих

§ 3. Жилищно-правовые отношения с участием военнослужащих

§ 4. Медицинское обеспечение и торгово-бытовое обслуживание военнослужащих

Глава 15. Судебная защита прав и законных интересов военнослужащих

§ 1. Защита в гражданском и административном судопроизводстве

§ 2. Защита прав и законных интересов в уголовном судопроизводстве

§ 3. Возмещение вреда, причиненного военнослужащему

Глава 16. Особенности военной службы и статуса военнослужащих в войсках национальной гвардии, воинских формированиях и органах

§ 1. Войска национальной гвардии Российской Федерации

§ 2. Органы федеральной службы безопасности

§ 3. Спасательные воинские формирования и органы, в которых предусмотрена военная служба

Раздел IV. Правоприменительная и правоохранительная деятельность в военной организации государства

Глава 17. Предупреждение правонарушений военнослужащих

§ 1. Законность, правопорядок и воинская дисциплина

§ 2. Уголовно-процессуальная деятельность органов дознания в Вооруженных Силах Российской Федерации

§ 3. Предупреждение правонарушений органами военной юстиции

Глава 18. Организация и деятельность органов военной юстиции (военных судов, военной прокуратуры, военных следственных органов) и юридической службы

§ 1. Военные суды в Российской Федерации

§ 2. Военная прокуратура и основные направления ее деятельности

§ 3. Военные следственные органы

§ 4. Юридическая служба

Раздел V. Правовое положение военных организаций и организаций ОПК и организационно-правовые основы их деятельности

Глава 19. Правовое положение военных организаций

§ 1. Понятие и виды военных организаций

§ 2. Юридическая личность военных учреждений и унитарных предприятий военного ведомства

§ 3. Правовой режим имущества военных организаций

§ 4. Понятие войскового (корабельного) хозяйства и организация его ведения

Глава 20. Актуальные вопросы (проблемы) финансово-экономического обеспечения деятельности военных организаций

§ 1. Правовое обеспечение финансовой деятельности военных организаций

§ 2. Финансовое обеспечение, бюджетный (бухгалтерский) учет и налогообложение военных организаций

§ 3. Правовое регулирование землепользования и охраны окружающей среды

§ 4. Защита прав военных организаций в арбитражном процессе

Глава 21. Правовые основы деятельности организаций оборонно-промышленного комплекса

§ 1. Понятие ОПК и его структура, виды организаций ОПК

§ 2. Особенности управления организациями ОПК

§ 3. Правовые формы деятельности организаций ОПК по исполнению ГОЗ

§ 4. Санкционные режимы, действующие в отношении организации ОПК

Раздел VI. Военные аспекты международного права. Военное право зарубежных государств

Глава 22. Международное право и его военные аспекты

§ 1. Международно-правовые формы военного сотрудничества

§ 2. Военно-техническое сотрудничество

§ 3. Международно-правовое регулирование вооруженных конфликтов. Гуманитарное право

§ 4. Правовые основы пребывания войск за границей и миротворческой деятельности

§ 5. Международное морское право

§ 6. Международное воздушное и космическое право

Глава 23. Институты военного права зарубежных государств

§ 1. Институты военного права США.

§ 2. Институты военного права Германии

§ 3. Институты военного права Великобритании

§ 4. Институты военного права Франции

Приобрести первый и второй том монографии «Военное право» можно через редакцию (для юридических лиц) или через подписное агентство «Урал Пресс», подписной индекс: 013730 (см. информацию на сайте издательства www.orklex.com), а также в интернет-магазинах.